

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

31000027535759

АЛЕΦ

Alef

Author: Coelho, Paulo

Пауло Коэльо

АЛЕФ

ЖИ
РЫ
АСТ
Москва

УДК 821.134.3-312.6

ББК 84(7Бра)

К 76

*Обложка: дизайн-студия «Графит»
Перевод с португальского Е. Матерновской*

Коэльо, П.

К76 **Алеф / Пауло Коэльо; пер. с португ. Е. Матерновской. — Москва: АСТ, 2014. — 320 с.**

ISBN 978-5-17-082702-2

В своем самом автобиографичном романе Пауло Коэльо рассказывает о необычном путешествии, предпринятом им ради духовного обновления и роста.

Путешествие начинается в Африке, а затем проходит через Европу и Азию по Транссибирской магистрали. В Москве он встречает Хиляль, молодую талантливую скрипачку. Вместе они проследуют путем любви, прощения и отваги, которая столь необходима для того, чтобы принимать неизбежные вызовы жизни.

«Алеф» призывает нас к действию. Наступает день, когда необходимо заново осмыслить нашу жизнь, понять, находимся ли мы там, куда стремимся, и получается ли у нас делать то, что мы хотим.

УДК 821.134.3-312.6

ББК 84(7Бра)

Книга опубликована с разрешения
Sant Jordi Asociados, Barcelona, SPAIN
Originally published as *O Aleph* by Paulo Coelho
www.paulocoelho.com
www.paulocoelhoblog.com

Все права охраняются, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-17-082702-2

Copyright © 2010 by Paulo Coelho

© Е. Матерновская, перевод

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке

О Мария, зачатая без греха, моли Бога о нас.
Аминь.

Некоторый человек высокого рода отправлялся
в дальнюю страну, чтобы получить себе царство
и возвратиться.
Лука 19:12

Ж., заставляющему идти вперед,

Святому Иакову, дающему мне защиту,

**Хиляль, сказавшей слова прощения
в новосибирской церкви.**

В диаметре Алеф имел два-три сантиметра, но было в нем все пространство вселенной в натуральную величину. И каждый предмет (к примеру, зеркало) содержал бесконечное множество предметов, которые я ясно видел со всех точек мира.

Хорхе Луис Борхес. Алеф¹

Ты знаешь все, а я — слепец,
Но верю: жил я все ж не зря,
И знаю: в вечности, Судья,
Нам повстречаться наконец!

Оскар Уайльд. Истинное знание²

¹ Пер. Е. Лысенко.

² Пер. К. Атаровой.

ЦАРЬ СВОЕГО ЦАРСТВА

О нет, только не ритуалы!

Неужели снова придется призывать невидимые силы явить себя в видимом мире? Как это связано с реальностью, в которой мы живем? Молодежь после университета не может найти работу. Старички, получающие пенсию, едва сводят концы с концами. Остальным некогда мечтать: они с утра до вечера работают, чтобы прокормить семью и дать детям образование, — пытаюсь противостоять тому, что принято называть суровой действительностью.

Мир никогда еще не был так разобщен: всюду религиозные войны, геноцид, пренебрежение к окружающей среде, экономический кризис, нищета, отчаяние. И каждый ждет, что проблемы человечества и его собственные разрешатся сами собой. Но по мере того, как мы продвигаемся вперед, проблемы лишь усугубляются.

Так имеет ли смысл возвращаться к духовным установлениям давнего прошлого, столь далеким от вызовов сегодняшнего дня?

* * *

Вместе с Ж., которого я называю моим Учителем, хотя в последнее время все чаще сомневаюсь, так ли это, мы направляемся к священному дубу, который вот уже четыреста лет равнодушно взирает на людские горести; его единственная забота — сбрасывать листву к зиме и снова зеленеть весной.

Писать об отношениях с Ж., моим наставником в Традиции, непросто. Не одну дюжину блокнотов заполнил я записями наших бесед. Со времени нашей первой встречи в Амстердаме в 1982 году я уже раз сто обретал понимание, как следует жить, и столько же раз его терял. Когда узнаю от Ж. что-то новое, мне всякий раз кажется, что остался один шаг до вершины, одна буква до конца книги, одна нота, чтобы зазвучала симфония. Однако воодушевление постепенно проходит. Что-то остается в памяти, но большинство упражнений, практик и новых знаний словно проваливается в черную дыру. Или мне так только кажется.

* * *

Земля мокрая, и кроссовки, тщательно вымытые накануне, как бы аккуратно я ни шел, снова будут заляпаны грязью. Поиски мудрости, душевного покоя и осознания реалий видимого и невидимого миров давно стали рутиной, а результата все нет.

Я начал постигать тайны магии в двадцать два года; с тех пор мне довелось пройти немало дорог, пролежавших вдоль края пропасти, мне довелось падать и подниматься, отчаиваться и снова устремляться вперед. Я полагал, что к пятидесяти девяти годам смогу приблизиться к раю и абсолютному покою, которые мнились мне в улыбке буддистских монахов.

Но на самом деле я как никогда далек от вожделенной цели. Покоя я не познал; душу мою время от времени терзают внутренние противоречия, и эти терзания могут длиться месяцами. Порой мне и вправду открывается магическая реальность, но не долее, чем на мгновение. Этого вполне достаточно, чтобы убедиться, что другой мир существует — и чтобы преисполниться печали оттого, что я не могу вобрать в себя это обретенное знание.

Но вот мы пришли.

После ритуала нам предстоит серьезный разговор, а сейчас мы оба стоим, приложив ладони к стволу этого священного дуба.

* * *

Ж. произносит суфийскую молитву: «Господи, в зверином рыке, шелесте листвы, ропоте ручья, пении птиц, свисте ветра и раскатах грома вижу я свидетельство Твоей вездесущности; я ощущаю

Твои всемогущество и всеведение, Твои высшее знание и высший суд.

Господи, я узнаю Тебя во всех испытаниях, которые Ты посылаешь. Да будет то, что хорошо для Тебя, хорошо и для меня. Дозволь мне радовать Тебя, как сын радуется отцу. Да будут мысли мои о Тебе покойны и неизменны даже тогда, когда мне трудно сказать, люблю ли я Тебя».

Обычно в этот момент я успеваю ощутить — всего на долю секунды, но этого достаточно — то Всемогущество, которым движутся Солнце, и Земля, и звезды. Однако сегодня у меня нет настроения общаться со Вселенной; гораздо сильнее моя потребность получить ответы на свои вопросы от человека, что стоит рядом со мной.

* * *

Он отнимает руки от ствола дуба, я следую его примеру. Он улыбается, и я улыбаюсь в ответ. В молчании мы неспешно возвращаемся в дом и все так же молча пьем на веранде кофе.

Я смотрю на огромное дерево посреди моего сада, с лентой вокруг ствола, которую я повязал после одного сна. Действие происходит в деревушке Сен-Мартен во французских Пиренеях, в доме, о покупке которого я успел пожалеть. Этот дом меня поработил, он требует постоянного моего присутствия: нуждается в ком-то, кто присматривал бы за ним, подпитывал своей энергией.

— Дальше двигаться бесполезно, — как всегда первым не выдерживаю я и прерываю молчание. — Боюсь, я достиг своего предела.

— Забавно. Я всю жизнь пытаюсь достичь своего предела, но все еще не преуспел. Моя вселенная непрерывно расширяется, и я даже приблизительно не представляю ее пределов, — усмехается Ж.

Он может себе позволить быть ироничным, но мне нужен сейчас совсем другой ответ.

— Зачем вы приехали? Чтобы в который раз попытаться убедить меня, что я заблуждаюсь? Говорите что хотите, словами ничего не поправить. Мне не по себе.

— Поэтому я и приехал. Я давно вижу, что с вами творится, но только теперь наступил подходящий момент, чтобы действовать. — Говоря это, Ж. вертит в руках взятую со стола грушу. — Прежде вы не были к тому готовы, а если бы наш разговор состоялся позже, плод уже начал бы гнить. — Ж. с наслаждением откусывает от спелой груши. — Чудесно! В самый раз.

— Меня изводят сомнения. Моя вера не крепка, — продолжаю я.

— Это хорошо. Сомнения побуждают нас двигаться вперед.

Ж., как всегда, говорит образно и убедительно, но сегодня его ответы меня не воодушевляют.

— Могу сказать, что вы чувствуете, — произносит Ж. — Вам кажется, что новые знания в вас не укоренились, а ваша способность проникать в не-

зримый мир не оставляет следа в душе. И порой все это представляется вам не более чем фантазией, с помощью которой люди пытаются побороть страх смерти.

Но мои сомнения куда глубже: они касаются веры. По-настоящему я убежден лишь в одном: духовный мир существует, и он оказывает влияние на мир, в котором мы живем. Все остальное — священные тексты, молитвы, практики, ритуалы — кажется мне бессмыслицей, неспособной ни на что повлиять.

— А теперь я расскажу вам, что сам когда-то чувствовал, — говорит Ж. — В юности у меня кружилась голова от открывавшихся возможностей, и я был полон решимости воспользоваться каждой из них. Но когда я женился, мне пришлось выбрать единственный путь, чтобы обеспечить достойную жизнь любимой женщине и нашим детям. В сорок пять, когда я достиг всего, чего хотел, а дети выросли и выпорхнули из гнезда, мне стало казаться, что ничего нового в моей жизни уже не будет. Именно тогда начались мои духовные поиски. Будучи человеком ответственным, я взялся за дело со всей серьезностью. Я пережил периоды воодушевления и безверия, пока не достиг той стадии, в какой находитесь теперь вы.

— Послушайте, Ж., несмотря на все мои усилия, я не могу сказать, что стал ближе к Богу и к самому себе, — отвечаю я, и мои слова исполнены горечи.

— Это потому, что, как все на свете, вы пола-

гали, что со временем непременно приблизитесь к Богу. Но время плохой наставник. Благодаря ему мы ощущаем лишь, как, старея, сильнее устаем.

Мне вдруг начинает казаться, будто на меня смотрит мой дуб. Ему больше четырехсот лет, а единственное, чему он за это время научился, — это оставаться на одном месте.

— Зачем нам понадобился этот ритуал вокруг дуба? Неужели он сделает нас лучше, чем мы были?

— Именно затем, что люди больше не совершают таких ритуалов, а еще затем, что, совершая кажущиеся абсурдными действия, вы получаете возможность глубже заглянуть в собственную душу, в самые древние недра естества, которые ближе всего к истоку всех вещей.

Это правда. Ответ на этот вопрос давно известен. Не стоило тратить на него наше время.

— Мне пора, — твердо говорит Ж.

Я смотрю на часы и объясняю, что аэропорт совсем близко, и мы можем еще немного поговорить.

— Дело не в этом. Пока я проводил ритуал, мне открылось нечто, произошедшее до моего рождения. Я хочу, чтобы и вы испытали что-то подобное.

О чем он, о переселении душ? До сего дня он не позволял мне даже в мыслях обращаться к моим прежним жизням.

— Я уже бывал в прошлом. Я сам этому научился, еще до встречи с вами. Мы ведь об этом говори-

ли; я видел два своих предыдущих воплощения: французский писатель девятнадцатого века и...

— Да, я помню.

— Тогда я совершил ошибку, которой сейчас уже не исправить. И вы запретили мне возвращаться в прошлое, чтобы во мне не усиливалось чувство вины.

Путешествовать по прежним жизням все равно что проделать в полу отверстие, через которое в дом ворвется пламя, готовое опалить и испепелить настоящее.

Ж. бросает недоеденную грушу птицам и в раздражении оборачивается ко мне:

— Не говорите глупостей! Так я и поверил, что за двадцать четыре года нашего общения вы совсем ничему не научились.

Я понимаю, что он имеет в виду. В магии — и в жизни — существует лишь настоящее время, то есть СЕЙЧАС. Время нельзя измерить, как мы измеряем расстояние между двумя точками. «Время» никуда не уходит. Но сосредоточиться на проживаемом моменте — задача для человека почти непосильная. Мы постоянно думаем о содеянном и о том, что могли сделать это лучше, о последствиях наших действий и о том, почему не поступили тогда как должно. Или же мысленно устремляемся в будущее, пытаемся представить себе, что ждет нас завтра, как предотвратить опасности, которые встретятся за поворотом, как справиться с ними и добиться того, о чем всегда мечтали.

Ж. возобновляет разговор:

— Именно здесь и сейчас вы спрашиваете себя: неужели что-то идет не так? И неспроста. Но именно сейчас вы также сознаете, что будущее можно изменить, воскресив прошлое в настоящем. Былое и грядущее существуют лишь в нашем сознании. Настоящее же вне времени: это сама Вечность. В Индии за неимением лучшего используют термин «карма», однако редко кому удается дать ему соответствующее объяснение. Но речь идет не о том, что содеянное в прошлом оказывает влияние на настоящее. То, что мы делаем теперь, искупает прошлые вины и тем самым меняет наше будущее.

— То есть...

Мой собеседник умолкает, недовольный тем, что я никак не могу уловить, что он имеет в виду.

— Что толку сидеть здесь и играть словами, которые ничего не значат. Идите и набирайтесь опыта. Вам пора покинуть эти места. Идите и вновь завоеуйте свое царство, разьедаемое рутинной. Довольно затверживать одни и те же уроки, ничего нового вы из них не почерпнете.

— Но дело ведь не в рутине. Просто я несчастлив.

— Именно это я имел в виду, когда говорил о рутине. Вы понимаете, что существуете, оттого что несчастны. Существование многих людей — производное от проблем, которые они решают. Все свое время они проводят за бесконечными разговорами о детях, мужьях, школе, работе, друзьях. Им некогда остановиться и подумать: я здесь. Я — итог

всего, что было и будет, и сейчас я здесь. Если что-то сделал не так, я могу это исправить или хотя бы покаяться. Если поступил правильно, — это сделает меня счастливее и даст мне ощущение полноты моего сегодня.

Глубоко вздохнув, Ж. подводит итог:

— Вас уже нет здесь. Вы отправляетесь в путь, чтобы вернуть себе настоящее.

* * *

Этого я и боялся. Он уже не раз намекал, что для меня настало время пройти третий священный путь. С далекого восемьдесят шестого, когда во время паломничества в Сантьяго-де-Компостела мне довелось лицом к лицу столкнуться со Своей Судьбой, или путем Бога, моя жизнь совершенно переменялась. Спустя три года я прошел так называемым Римским путем в местах, где мы теперь находились; это были тяжкие и томительные семьдесят дней, когда я должен был делать наутро все те нелепости, какие накануне видел во сне (помню, как-то раз я провел четыре часа на автобусной остановке, и за это время не произошло абсолютно ничего примечательного).

С тех пор я послушно выполнял все, что от меня требовалось. В конце концов, это были мой собственный выбор и божественное установление. Я как одержимый беспрестанно переезжал с места на ме-

сто и самые важные уроки усвоил именно в этих странствиях.

Вообще-то тяга к путешествиям была у меня давно, еще с юности. Правда, в конце концов жизнь в аэропортах и гостиницах отбила у меня охоту к приключениям, уступившую место смертельной скуке. Когда я сетовал, что мне не удастся хоть немного спокойно пожить на одном месте, меня не понимали: «Но ведь путешествовать так здорово! Если бы у нас были деньги, мы жили бы точно так же!»

Однако в путешествиях главное — не деньги, но храбрость. Почти всю мою юность я провел, шатаюсь по свету как заправский хиппи, но разве у меня были на это деньги? Вовсе нет. Я питался бог знает чем, спал на вокзалах, не зная языков, не мог спросить дорогу, зависел от других и не имел представления о том, где проведу следующую ночь, а теперь вспоминаю то время как лучшие годы моей жизни.

Неделю за неделей проводя в дороге, вслушиваясь в незнакомый язык, расплачиваясь купюрами неизвестного тебе достоинства, шагая по улицам чужих городов, ты обнаруживаешь, что твое привычное «я» не имеет никакого применения перед лицом этих новых вызовов, и начинаешь понимать, что в глубинах подсознания существует другой, намного более интересный человек, отчаянный и более открытый миру и новому опыту.

Но наконец наступает день, когда ты говоришь: «Довольно!»

— Довольно! Путешествия для меня давно стали рутинной!

— Нет! Такого просто не может быть, — настаивает Ж. — Вся наша жизнь — путешествие, от рождения к смерти. Меняется пейзаж за окном, меняются люди, меняются потребности, а поезд все идет вперед. Жизнь — это поезд, не вокзал. А то, что вы делали до сих пор, не путешествия, но перемена мест, и это не одно и то же.

Я качаю головой.

— Это ничего не меняет. Если мне нужно исправить ошибку, которую совершил в прошлой жизни и в которой глубоко раскаиваюсь, я могу это сделать прямо здесь и сейчас. В этой тюремной камере я лишь подчинялся приказам того, кого считал проводником Божьей воли: вашим. И потом, я уже попросил прощения по крайней мере у четверых.

— Но так и не нашли источник лежащего на вас проклятия.

— Вас ведь тоже прокляли. Вы-то нашли свой источник?

— Да, нашел. Поверьте, мое проклятие было куда страшнее вашего. Вы лишь однажды струсили, а я множество раз поступал не по совести. И теперь, благодаря этому открытию, я свободен.

— Но ведь речь идет о путешествии во времени, зачем же мне еще и перемещаться в пространстве?

Ж. смеется:

— Затем, что каждый из нас может надеяться на оставление грехов, но для того чтобы его получить,

Царь своего царства

надо сначала разыскать тех, кому мы причинили зло, и попросить прощения у них.

— И куда же мне податься? В Иерусалим?

— Не обязательно. Выбор за вами. Отыщите дело, которое вы не завершили, и выполните свою задачу. Господь укажет вам путь, ведь все, что пришлось пережить, и все, что еще суждено, происходит здесь и сейчас. Мир создается и рушится у нас на глазах. Те, кого вы когда-то знали, явятся вновь, а те, кого потеряли, вернуться. Вы должны оправдать оказанную вам милость. Постарайтесь понять, что происходит в вашей душе, и вы узнаете, как это бывает со всеми. «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч».

Ежась под холодными струями дождя, я думаю, что так и грипп подхватить не долго. Впрочем, доктора утверждают, что грипп вызывает вирус, не простуда.

Пребывать постоянно здесь и сейчас я не могу; голова идет кругом. На что же мне нацелиться? Куда идти? А что если я не признаю тех, кого встречу? Такое наверняка случилось и может случиться снова; в противном случае моя душа уже обрела бы покой.

За пятьдесят девять лет жизни с самим собой я могу в точности предсказать по крайней мере некоторые из моих реакций. Когда впервые встретил Ж., его слова представлялись мне наполненными светом более ярким, чем тот, что исходил от него самого. Я принимал все, не задавая вопросов, бесстрашно шел вперед и никогда о том не пожалел. Но проходило время, мы узнали друг друга, а вместе с узнаванием пришла привычка. Он ни разу не

позволил мне упасть духом, но теперь я смотрю на него другими глазами. И даже хотя, из чувства долга, подчиняюсь его приказам, что делал гораздо охотнее в сентябре 1992-го, через десять лет после того, как его встретил, — я уже не столь убежден, как прежде.

Но я не должен так говорить. Ведь это был мой собственный выбор — следовать Традиции; стоит ли теперь подвергать его сомнению. Я волен отказаться от него, если захочу, но что-то влечет меня вперед. Возможно, Ж. прав, но я привык к жизни, которую веду, и больше не нуждаюсь в вызовах. Мне нужен покой.

Наверное, мне следует считать себя счастливым человеком: я преуспел, выбрав одну из самых трудных профессий; я двадцать семь лет женат на женщине, которую люблю; у меня отменное здоровье; меня окружают люди, которым я доверяю; на улице мне не дают прохода восторженные читатели. Прежде этого вполне хватало, но в последние два года ничто не приносит мне удовлетворение.

Что со мной, преходящее угнетение духа? Неужели мне не помогут обычные молитвы, восприятие природы как творения Господня и созерцание ее красоты? Зачем мне идти вперед, если я убежден, что достиг своих пределов?

Почему я не могу быть таким, как мои друзья?

Дождь все усиливается, и шум воды заглушает прочие звуки. Я промок до нитки, но никак не могу двинуться с места. Я не хочу уезжать, потому

что понятия не имею, куда направляться. Ж. прав: я себя потерял. Если бы я на самом деле достиг своих пределов, чувство вины и оставленности не мучили бы меня, но они никуда не делись. Страх и трепет. Господь посылает человеку тревогу в знак того, что ему пора изменить свою жизнь и двигаться вперед.

Со мной такое уже бывало. Когда я отказывался следовать своим путем, на меня тотчас сваливалось какое-нибудь несчастье. Именно этого я больше всего боюсь: трагедии. Трагедия знаменует коренные перемены в нашей жизни, перемены, обязательно связанные с утратой. Перед лицом трагедии нет смысла цепляться за старое: правильнее всего, воспользовавшись тем, что перед нами образовалось пустое пространство, попытаться заполнить его чем-то новым. В теории каждая потеря нам во благо; правда, на деле, теряя, мы часто ставим под сомнение само бытие Бога и задаемся вопросом: «За что мне все это?»

Господи, упаси меня от потерь, и я последую воле Твоей.

Едва я успеваю об этом подумать, как раздается оглушительный удар грома, и небо над моей головой пронзает молния.

Снова страх и трепет. Это знак. Я пытаюсь убедить себя, что всегда проявляю свои лучшие качества, а природа утверждает противное: тот, кто настоящему любит жизнь, никогда не останавливается. На небе и земле бушует гроза, и когда она

пройдет, воздух станет чище, а поля плодоснее, но до той поры сколько же домов лишится крыш, сколько столетних деревьев окажутся поваленными и сколько прекрасных долин — затопленными!

Ко мне приближается желтая тень.

Я отдаю себя во власть дождя. Молнии все еще сверкают, но чувство беспомощности сменяет совсем другое чувство, словно душу мою омыло водами прощения.

Благослови и будешь благословен.

Слова рождаются в самой глубине души: мудрость, о которой я не подозревал, которая, я знаю, мне не принадлежит, но которая порой проявляется во мне и заглушает мои сомнения относительно всего, чему я за эти годы научился.

Вот в чем моя беда: хоть у меня и бывают такие моменты, я все же не перестаю сомневаться.

Желтая фигура уже передо мной. Это моя жена в ярком дождевике, какие мы носим здесь, в горах. Если заблудимся, нас будет легче найти.

— Мы хотели где-нибудь поужинать, ты не забыл?

Нет, не забыл. Пора оставить горный мир, в котором раскаты грома — словно глас Бога, и возвратиться в маленький провинциальный город, к хорошему вину, жареной ягнятине и доброй беседе с друзьями, которые собираются поведать нам о своих приключениях на «Харлей Дэвидсоне». По дороге домой, чтобы переодеться, я вкратце пересказываю свой разговор с Ж.

Пауло Коэльо. Алеф

— Он уточнил, куда тебе следует ехать? — спрашивает жена.

— Он велел мне брать на себя обязательства.

— Но что в том сложного? Не ищи впереди одни препятствия. Ты становишься похож на старика.

Эрве и Вероника не одни, с ними двое французов средних лет. Одного из них нам представили как ясновидящего, с которым наши друзья познакомились в Марокко.

Ясновидящий этот никакого впечатления на меня не производит, да и вид у него совершенно отсутствующий.

Но в какой-то момент он словно входит в транс и вдруг говорит, обращаясь к Веронике:

— Будьте осторожнее за рулем. Вы попадете в аварию.

Мне представляются такие слова пророчеством самого скверного пошиба, ведь если Вероника воспримет их всерьез и испугается, ее испуг притянет негативную энергию, а тогда и правда жди беды.

— Надо же, как интересно! — восклицаю я, предвосхищая реакцию остальных. — Вы, кажется, способны провидеть прошлое и будущее? Я как раз говорил об этом сегодня с одним знакомым.

— Да, когда Господь мне это позволяет, я вижу. Могу рассказать о прошлом, настоящем и будущем каждого из сидящих за этим столом. Я не знаю, откуда взялся мой дар, но уже давно научился его принимать.

Разговор, который изначально был посвящен поездке на Сицилию наших друзей, страстных мотоциклистов, внезапно сделал опасный вираж и вот-вот затронет темы, которых мне не хочется теперь касаться. Закон парных случаев.

Настал мой черед говорить:

— Вы, несомненно, знаете, что Господь позволяет нам провидеть лишь то, что можно изменить.

Я поворачиваюсь к Веронике:

— Просто будьте осторожны. На земле события астрального мира имеют свойство изрядно меняться. Иными словами, я почти уверен, что с вами ничего страшного не случится.

Вероника предлагает выпить еще вина. Она решила, что мы с марокканским провидцем представляем конкурирующие школы ясновидения. Но дело не в этом; мой новый знакомый и вправду «видит», и это меня пугает. Надо будет поговорить об этом с Эрве.

Провидец почти не смотрит на меня; у него по-прежнему вид человека, которого отвлекли от захватывающей беседы с обитателями иного мира.

Наконец он хочет мне что-то сказать, но вместо этого вдруг обращается к моей жене:

— Душа Турции подарит вашему мужу всю свою любовь, но прежде ему придется заплатить за это кровью.

Царь своего царства

Еще один знак, указывающий, что мне следует отказаться от путешествия, думаю я, хотя прекрасно знаю, что мы имеем обыкновение видеть в знаках судьбы то, что расположены видеть, а не то, о чем они свидетельствуют на самом деле.

КИТАЙСКИЙ БАМБУК

Для меня переезд из Парижа в Лондон, на книжную ярмарку, — большая радость. Всякий раз, оказываясь в Англии, я вспоминаю 1977 год, когда решил бросить работу в бразильской студии звукозаписи и зарабатывать дальше на жизнь только литературой. Я снял квартиру на Бассет-роуд, завел друзей, изучал вампирологию, бродил по городу, влюблялся, смотрел все фильмы, какие показывали в кинотеатрах, и почти через год вернулся в Рио, так и не написав ни единой строчки.

На этот раз мне предстоит провести в Лондоне всего три дня. Меня ждут автограф-сессии, индийские и ливанские рестораны, разговоры в гостиничных лобби о книгах, писателях и книжных магазинах. Я не собираюсь возвращаться в Сен-Мартен до конца года. Из Лондона самолет перенесет меня в Рио-де-Жанейро, где люди на улицах говорят на моем родном языке, где можно пить по вечерам сок асаи и дни напролет любоваться из окна самым красивым видом на земле: пляжем Копакабана.

* * *

Незадолго до конечной станции в вагон заходит молодой человек с букетом роз и принимается ози- раться по сторонам. Как странно, думаю я, никогда не видел, чтобы в «Евростаре» торговали цветами.

— Мне нужны двенадцать добровольцев, — громко объявляет юноша. — Каждый из них должен взять по розе и подарить девушке, которую я называю любовью всей моей жизни. Она ждет меня на перроне, и я хочу просить ее руки.

Добровольцы нашлись, и я в их числе, правда, в конце концов мою кандидатуру отвергли. Тем не менее на вокзале я решаю следовать за ними. Молодой человек указывает на девушку, что встречает его на платформе. Один за другим пассажиры подходят, и каждый дарит ей по красной розе. Юноша объясняется в любви, все хлопают, и девушка делается пунцовой от смущения. Наконец они целуются и уходят, обняв друг друга за плечи.

Один из проводников замечает:

— Это самая романтическая история из тех, что случались на нашем вокзале за все годы моей службы.

* * *

Автограф-сессия длится уже почти пять часов, но встреча с читателями наполняет меня энергией,

и мне становится непонятно, как мог я все эти месяцы пребывать в депрессии. Если в своем духовном развитии я столкнулся с кажущимся непреодолимым препятствием, возможно, мне стоит просто запастись терпением. Я уже видел и пережил такое, что редко кому из окружающих доведется увидеть и пережить.

Перед отъездом в Лондон я зашел в маленькую часовню в Барбазан-Деба. Под ее сводами я просил Богородицу не оставлять меня своей любовью и помочь различать те знаки, которые приведут меня обратно к себе самому. Я знаю, что живу в моих близких, а они живут во мне. Мы вместе пишем Книгу Жизни, и каждая наша встреча predetermined судьбой, но мы держимся за руки в надежде, что можем хоть что-то изменить в этом мире. Каждый вносит свою лепту словом или образом, и все в совокупности обретает смысл, ибо счастье одного — радость для всех.

Мы всегда будем задавать себе одни и те же вопросы. Нам всегда будет не хватать смирения, чтобы принять знание сердца о том, зачем мы здесь. Да, это трудно, — говорить со своим сердцем, а может быть, это и не нужно. Нам просто следует довериться ему и считывать знаки судьбы, и проживать нашу собственную жизнь; рано или поздно мы поймем, что все мы являемся частью чего-то большего, даже если не сможем осознать, чем является это большее. Говорят, каждый человек за мгновение до смерти понимает истинный смысл своего

существования, и из этого мгновения рождается Рай или ад.

Ад — это когда перед самой смертью человек, оглянувшись назад, понимает, что упустил возможность насладиться чудом жизни. А Рай — это когда ты можешь сказать себе: «Я совершал ошибки, но не был трусом. Я прожил свою жизнь как должно».

Как бы то ни было, мне нет нужды приближать мой собственный ад, вновь и вновь терзая себя тем, что я не могу двигаться дальше в своих духовных исканиях. Достаточно сознавать, что я не оставляю усилий. Даже так и не сделавшие должного уже обрели прощение. Наказанием для них послужило то, что, живые, они чувствовали себя несчастными даже когда ничто не мешало им наслаждаться миром и гармонией. Все мы прощены и вольны идти путем, у которого нет начала и не будет конца.

* * *

Я не захватил с собой книг. Коротая время перед ужином со своими русскими издателями, пролистываю один из тех журналов, что обычно лежат в гостиничных номерах, и натываюсь на статью о китайском бамбуке. Оказывается, после того как семена высаживают, на поверхности около пяти лет виднеется лишь крошечный росток. Все это время рост происходит под землей. Там формируется

сложная корневая система, и корень разрастается как в глубину, так и в ширину. А к концу пятого года бамбук вдруг устремляется вверх и достигает в высоту двадцать пять метров. Но что за странное чтение! Я откладываю журнал и спускаюсь в лобби, наблюдать за царящим в нем вечным движением.

* * *

В ожидании пью кофе. Моника, мой агент и лучшая подруга, подсаживается ко мне поболтать о всяких пустяках. Она едва стоит на ногах после бесконечных переговоров с издателями из разных стран и обсуждения по телефону с моим английским издателем в режиме онлайн прошедшей автограф-сессии.

Когда мы стали работать вместе, Монике было всего двадцать; она была моей почитательницей, убежденной в том, что книги бразильского писателя, переведенные на другие языки, могут снискать успех во всем мире. Ради этого Моника бросила факультет химического машиностроения в университете Рио-де-Жанейро, вместе со своим парнем переехала в Испанию и принялась стучаться в двери европейских издателей и рассылать им письма, уговаривая обратить внимание на мои сочинения.

Когда эти усилия не принесли никаких результатов, я приехал в маленький городок в Каталонии, где жила Моника, пригласил ее в кафе и предложил оставить это безнадежное дело и заняться сво-

ей собственной жизнью и своим будущим. Она решительно отказалась и заявила, что не вернется в Бразилию, потерпев поражение. Я попытался убедить ее, что это не поражение, ведь она не только не пропала (раздавая рекламные буклеты и работая официанткой), но обрела бесценный опыт выживания в чужой стране. Но Моника стояла на своем. Я ушел в твердом убеждении, что она губит свою жизнь, огорченный, что мне не удалось ее переспорить из-за ее невероятного упрямства. Впрочем, через полгода положение совершенно переменялось, а еще через полгода она зарабатывала столько, что смогла купить квартиру.

Моника верила в невозможное и потому выигрывала сражения, которые любой другой — включая меня — неизбежно бы проиграл. В этом и состоит доблесть воина: понимать, что воля и храбрость — не одно и то же. Храбрость привлекает к себе страх и лесть, а сила воли предполагает терпение и обязательность. Воистину сильные мужчины и женщины часто бывают одиноки, ибо от них веет холодом. Многим кажется, будто Моника хладнокровна, но это глубокое заблуждение. В ее душе горит огонь, столь же яркий, как и много лет назад, когда мы сидели в том каталонском кафе. И несмотря на то, что уже столь многого добились, она по-прежнему полна энтузиазма.

Я как раз собирался рассказать Монике о нашей недавней беседе с Ж., когда в лобби появились две мои болгарские издательницы. Ничего удивитель-

ного: множество народу — из тех, кто участвует в ярмарке, — остановились в этом отеле.

Одна из издательниц обращается ко мне с дежурным вопросом:

— Когда же вы к нам приедете?

— На следующей неделе, если вы беретесь организовать поездку. У меня только одно условие: вечеринка после автограф-сессии.

Женщины растеряны.

Китайский бамбук!

Моника смотрит на меня с ужасом:

— Нам надо уточнить расписание...

— Но я совершенно точно готов прилететь в Софию на следующей неделе, — прерываю ее я. И добавляю на португальском: — Я тебе потом все объясню.

Моника видит, что я не шучу, но издательницы все еще колеблются. Они спрашивают, не согласусь ли я немного повременить с приездом, чтобы они успели подготовить мне достойный прием.

— На следующей неделе, — настаиваю я. — В противном случае придется перенести поездку на неопределенный срок.

Только теперь они наконец понимают, что я совершенно серьезен, и принимаются обсуждать с Моникой детали. В это время к нам подходит мой испанский издатель. Разговор на время прерывается, все знакомятся, и из уст теперь уже испанского издателя вновь звучит все тот же вопрос:

— Когда же вы снова приедете к нам Испанию?

— Сразу после Болгарии.

— А точнее?

— Примерно через две недели. Можно провести автограф-сессию в Сантьяго-де-Компостела и еще одну в Стране Басков, с вечеринкой, на которую можно пригласить и читателей.

Во взглядах болгарских издательниц я вновь вижу недоверие, Моника натянуто улыбается.

«Не бойтесь брать на себя обязательства!» — сказал мне Ж.

Лобби заполняется людьми. Участники всех крупных выставок, будь то книжная ярмарка или выставка станков для тяжелой промышленности, как правило, размещаются в одних и тех же отелях, и самые важные встречи проходят в гостиничных барах, лобби или на ужинах, таких, как сегодня. Я приветствую всех издателей и всем, задавшим вопрос-приглашение: «Когда вы к нам приедете?» — отвечаю согласием. Я стараюсь подольше беседовать с каждым, не давая Монике вмешаться и спросить, что, черт возьми, здесь происходит. Ей остается только вносить в ежедневник все эти визиты, о которых я договариваюсь у нее на глазах.

В какой-то момент я прерываю разговор с арабским издателем, чтобы поинтересоваться, сколько стран мне предстоит в ближайшее время посетить.

— Послушай, ты ставишь меня в дурацкое положение, — раздраженно шепчет по-португальски Моника.

— Так сколько?

— Шесть стран за пять недель. Между прочим, эти ярмарки проводятся для книгоиздателей, а не для писателей. Тебе не обязательно принимать все приглашения, ведь я слежу за...

Тут к нам подходит мой издатель из Португалии, и мы не можем продолжить наш разговор. Мы с издателем обмениваемся ничего не значащими фразами, и я его спрашиваю:

— Вы случайно не собираетесь пригласить меня в Португалию?

Он признается, что краем уха слышал наш с Моникой разговор.

— Я серьезно. Было бы замечательно устроить автограф-сессию в Гимаранше и Фатиме.

— Если только вы в последний момент не передумаете...

— Я не передумаю. Обещаю.

Мы договариваемся о сроках, и Моника записывает в ежедневник: Португалия, еще пять дней. Наконец появляются российские издатели, мужчина и женщина. Моника облегченно вздыхает и тянет меня поскорее в ресторан.

Пока ждем такси, она отводит меня в сторонку.

— Ты спятил?

— Ну да, много лет назад. Ты когда-нибудь слышала о китайском бамбуке? Он целых пять лет представляет собой крошечный росток, тем временем разрастаясь корнями. Но наконец приходит пора, когда вдруг выстреливает вверх и достигает высоты в двадцать пять метров.

— А что общего между китайским бамбуком и твоим безумным поведением, свидетелем которого я только что была?

— Позже я поведаю тебе о беседе, которая месяц назад состоялась у меня с Ж. Что же касается бамбука, скажу лишь одно: со мной происходило то же самое. Я много работал, тратил на работу все свое время и силы; я любовно и преданно поддерживал мой собственный рост, — но ничего не происходило. И так было долгие годы.

— Что значит ничего не происходило?! Ты что, забыл, кем стал?!

Подъезжает такси. Русский издатель открывает для Моники дверцу.

— Я говорю о своей духовной жизни. По-моему, я как росток этого бамбука, и теперь настал мой пятый год. Пришло время расти. Ты спросила, не сошел ли я с ума, а я в ответ отшутился. Но по правде сказать, я действительно сходил с ума. Я уже было уверовал, что ни одно из обретенных за эти годы знаний не пустило корни в моей душе.

На долю мгновения, когда к нам подошли болгарские издательницы, я ощутил рядом со мной присутствие Ж. и тут же понял, что он хотел сказать, хотя внутреннее понимание пришло ко мне чуть раньше, когда, скучая, я пролистывал тот журнал по садоводству. Добровольное заточение помогло разобраться в себе, однако оно имело и побочное действие — тягостное одиночество. Мой мир ограничивался немногочисленными

друзьями и перепиской по электронной почте, и мне казалось, что оставшаяся часть жизни принадлежит мне одному. В таком существовании нет места проблемам, что неизбежны при общении с другими людьми, при контакте с ними.

Неужели это то, чего я ищу: жизни, в которой нет места вызовам? Но можно ли искать Бога, сторонясь других людей?

Такой путь выбирают многие. Как-то мне довелось вести полусхотливую беседу с буддийской монахиней, которая двадцать лет провела в Непале, в пещере, в полной изоляции от людей. Я поинтересовался, чего она этим добилась. «Духовного оргазма», — ответила монахиня. На это я заметил, что есть и другие способы достичь оргазма, гораздо более доступные.

Это определено не мой путь; я никогда бы на него не ступил. Я не смогу посвятить свою жизнь достижению духовного оргазма, не смогу, созерцая дуб в моем саду, ожидать снисхождения благодати. Ж. это известно. Он отправил меня в путешествие для того, чтобы я отыскал в глазах других людей свою дорожную карту, которая нужна мне, чтобы обрести самого себя.

Извинившись перед русскими издателями, я объясняю, что мне необходимо договориться с Моникой по-португальски, и начинаю рассказ:

— Один человек поскользнулся и упал в глубокую яму. Мимо проходил священник, и человек попросил его о помощи. Священник благословил его и пошел своей дорогой. Через несколько часов

мимо проходил доктор. В ответ на мольбы о помощи он окинул пострадавшего беглым взглядом, выписал ему рецепт и велел купить в ближайшей аптеке лекарство. Наконец на дороге снова появился незнакомец. Пленник попросил его помочь, и тот прыгнул к нему в яму. «Что ты наделал! Теперь нам обоим отсюда не выбраться!» А незнакомец ответил: «Ну что ты! Я ведь живу поблизости и как раз знаю, как вылезти из этой ямы».

— И это означает?.. — спрашивает Моника.

— Что мне нужно встретить такого незнакомца. Мои корни уже разрослись, но для того чтобы вымахать вверх, мне потребуется помощь других людей. Не только твоя, Ж. или моей жены, но и тех, кого я прежде никогда не встречал. Я совершенно в этом уверен. Вот почему я просил устраивать вечеринки после автограф-сессий.

— Вечно тебе что-то не так! — жалобно замечает Моника.

— За это ты меня и любишь, — в ответ улыбаюсь я.

* * *

В ресторане мы говорим обо всем понемногу, отмечаем наш успех и обсуждаем детали сотрудничества. Я по большей части не вмешиваюсь в разговор, поскольку все, что касается книг, в компетенции Моника. Но вот наступает момент, когда звучит все тот же вопрос:

— Когда же Пауло посетит Россию?

Моника объясняет, что у меня неожиданно получился весьма плотный график и что начиная со следующей недели каждый мой день буквально расписан по часам. Я ее перебиваю:

— Знаете, у меня есть одна давняя мечта. Я дважды пытался воплотить ее в жизнь, но так ничего и не вышло. Если вы согласитесь мне помочь, я приеду в Россию.

— Что же это за мечта?

— Проехать через всю Россию на поезде и добраться до Тихого океана. Мы могли бы останавливаться в разных городах на автограф-сессии. Отличный повод порадовать читателей, у которых нет возможности добраться до Москвы.

Глаза издателя вспыхивают радостью. Он как раз только что говорил об особых сложностях в распространении книг в обширной стране с девятью часовыми поясами.

— Как романтично, прямо в духе китайского бамбука! — смеется Моника. — И трудноосуществимо. Тебе прекрасно известно, что я не смогу составить тебе компанию, мне нужно быть дома с маленьким сыном.

Но мой издатель полон энтузиазма. Заказав пятую за вечер чашку кофе, он уверяет нас, что возьмет все хлопоты на себя, а мой агент в России отлично со всем справится, и Монике не стоит ни о чем беспокоиться, все пройдет наилучшим образом.

Так я заполнил свой ежедневник двумя месяцами странствий, порадовав и в то же время создав большие проблемы людям, которым предстояло стремительно все организовать. Я ловлю восторженный и уважительный взгляд своего агента и верной подруги и чувствую, что мой наставник, которого нет со мной рядом, знает, что я наконец взял на себя обязательства, хоть в тот момент, когда он мне об этом толковал, я его и не понял. Вечер выдался холодный, но я пешком возвращаюсь в гостиницу, чувствуя смятение, но и радость, конечно, тоже, сознавая, что назад уже не повернуть.

Этого я и хотел. Если верить в победу, ты победишь, поскольку победа поверит в тебя. Человеческая жизнь была бы неполной без толики безумия. Как сказал Ж., я должен отвоевать свое царство. Если сумею понять, что происходит в мире, я пойму, что происходит в моей душе.

* * *

В отеле мне сообщают, что жена тщетно пыталась до меня дозвониться и просит перезвонить ей как только смогу. Мне становится не по себе: она редко звонит, когда я в разъездах. Я тут же набираю ее номер. Мгновения между гудками кажутся мне вечностью.

Наконец она берет трубку.

— Вероника попала в серьезную аварию, но не беспокойся, ее жизни ничто не угрожает, — взволнованно говорит она.

Я спрашиваю, можно ли прямо сейчас позвонить Веронике, но жена отвечает, что нельзя: та все еще в больнице.

— Ты помнишь ясновидящего? — спрашивает жена.

Еще бы, конечно помню! Ведь он и мне сделал предсказание. Закончив разговор, я тут же набираю номер Моники. И спрашиваю, не запланирована ли у нас случайно поездка в Турцию.

— Ты даже не помнишь, чьи приглашения принял?

Да, не помню. Назначая все эти поездки, я пребывал в странной эйфории.

— Но надеюсь, ты помнишь о взятых на себя обязательствах. Если хочешь, у нас есть еще время все переиграть.

Я отвечаю, что с радостью выполню задуманное и что дело не в этом. Уже слишком поздно, чтобы рассказывать ей о ясновидящем, предсказаниях и Веронике. Я снова спрашиваю Монику, нет ли в нашем списке Турции.

— Нет, — отвечает Моника. — Турецкие издатели остановились в другом отеле. А иначе бы...

И мы от души смеемся.

Теперь я смогу спокойно заснуть.

СВЕТИЛЬНИК ДЛЯ ЧУЖЕЗЕМЦА

Позади почти два месяца странствий. Ко мне вернулась радость жизни, но каждую ночь я просыпаюсь с вопросом, буду ли ощущать ее, когда окажусь снова дома. Те ли действия я предпринимаю, чтобы дать китайскому бамбуку прорасти? Я побывал уже в семи странах, встретился со своими читателями, радовался этим встречам, забыв на время о своей депрессии, но что-то подсказывает мне, что царства я еще не вернул. Эти мои путешествия не слишком отличались от подобных поездок, предпринятых в прежние времена.

Мне остается посетить только Россию. А что потом? Брать на себя все новые обязательства, чтобы продолжить движение, или, остановившись, попытаться оценить полученные результаты?

На сегодняшний день ответа у меня нет. Я знаю лишь одно: жизнь без путеводной звезды — пустая жизнь. И не могу допустить, чтобы такое случилось со мной. Если понадобится, я готов продолжить странствия хоть до конца года.

Сейчас я в африканском городе Тунисе, столице одноименной страны. Встреча с читателями вот-вот начнется, и — хвала Господу! — зал полон. Двое местных интеллектуалов готовятся представить меня публике. Перед началом один из них показал мне текст своего выступления, с которым вполне можно уложиться в две минуты, а другой — пространный речь о моих книгах: на полчаса, не меньше.

Координатор деликатно объясняет последнему, что поскольку мероприятие будет длиться менее часа, для него не найдется достаточно времени, чтобы он мог прочесть всю свою речь от начала до конца. Я сочувствую, понимая, как нелегко далось автору это эссе, но координатор прав: я здесь для того, чтобы напрямую общаться с моими читателями. После непродолжительного спора автор речи заявляет, что больше не желает участвовать в нашем мероприятии, и уходит.

Встреча начинается. После краткого обмена приветствиями и благодарностями я сообщаю собравшимся, что приехал к ним не для того, чтобы что-то объяснять, и что в идеале наша встреча должна представлять собой не монолог, но свободную беседу.

Молодая женщина спрашивает меня о знаках, о которых я пишу в своих книгах. Какими они бывают? Я отвечаю, что знаки — это сугубо личное, это язык, который мы учимся распознавать всю свою жизнь, проходя через тяжкие испытания и совершая ошибки, пока не начинаем понимать, что Господь ведет нас по жизни. Еще один читатель пред-

полагает, что в Тунис меня тоже привел знак. Не вдаваясь в детали, я признаю, что так оно и есть.

Разговор продолжается, время летит незаметно, и наконец приходится закругляться. Я наугад выбираю из шестисот участников встречи усатого мужчину средних лет и предлагаю ему задать последний вопрос.

— У меня нет вопросов, — говорит тот. — Я хочу только произнести имя.

Имя, которое он произносит, — Барбазан-Деба. Это маленькая часовня на краю света, за тысячу километров отсюда, та самая, куда я однажды пожертвовал иконку в благодарность за явленное чудо. Та самая часовня, где, отправляясь в паломничество, я просил заступничества Пресвятой Девы.

Я не знаю, что ему ответить. Вот что написал об этом один из тех, кто сидел рядом со мной на сцене:

Время как будто остановилось, и земля перестала вращаться. Случилось нечто непостижимое: я увидел слезы в ваших глазах и в глазах вашей дорогой жены, когда неизвестный читатель произнес название той часовни.

Вы вдруг утратили дар речи, и с вашего лица сошла улыбка. Ваши глаза наполнились слезами, которые робко дрожали на кончиках ресниц, словно извиняясь за то, что явились без спроса.

Даже у меня в тот момент перехватило дыхание. Я принялся искать глазами жену и дочь; я всегда так делаю в минуту смятения. Они были в зале, и они так

же, как остальные, затаив дыхание, смотрели только на вас, взглядом посылая вам сочувствие и поддержку.

Я безмолвно просил Кристину о помощи, пытался понять, что происходит, как нарушить эту звенящую тишину. И увидел, что она тоже молча плачет вместе с вами, словно вы — две ноты одной симфонии, и словно ваши слезы струились заодно, хоть вы и сидели далеко друг от друга.

Несколько тягостных мгновений ничего не существовало: ни зала, ни публики, вообще ничего. Вы с вашей женой перенеслись туда, куда никто из нас не мог за вами последовать. С нами осталась лишь чистая радость бытия, нашедшая выход в молчании и слезах.

Слова — это слезы, излитые на бумагу. Слезы — это слова, которые не следует произносить. Без них радость утратила бы свое сияние, а печаль была бы бесконечной. И потому спасибо вам за ваши слезы.

Наверное, мне стоило сказать молодой женщине, задавшей вопрос о знаках, что *это* тоже был знак, утверждавший, что я нахожусь там, где должен быть, в нужное время в нужном месте, хоть и не понимаю, что меня туда привело.

Впрочем, полагаю, в этом не было нужды. Она наверняка и так все поняла¹.

¹ Как только встреча закончилась, я подошел к человеку с усами. Его звали Кристиан Дхелемес. Позже мы несколько раз обменялись письмами по электронной почте, но больше ни разу не встречались. Кристиан умер 19 июля 2009 года во французском городе Тарбе.

* * *

Мы с женой, взявшись за руки, бродим по тунисскому базару, всего в пятнадцати километрах от развалин Карфагена, который в свое время осмелился бросить вызов могущественному Риму. Мы говорим о великом карфагенском полководце Ганнибале. Поскольку Рим и Карфаген разделяли несколько сотен километров водной глади, римляне ожидали, что сражение произойдет на море. Но Ганнибал со своим огромным войском пересек пустыню и Гибралтарский пролив, прошел Испанию и Галлию, переправился через Альпы вместе с боевыми слонами и атаковал римлян с севера, одержав одну из самых славных побед в мировой истории.

Ганнибал уничтожил всех, кто встал на его пути, и внезапно — по причинам, никому не известным, — остановился всего в шаге от Рима, так и не атаковав Вечный город. И из-за этой нерешительности много лет спустя Карфаген был стерт с лица земли огнем с римских кораблей.

— Ганнибал остановился и проиграл, — размышляю я вслух. — Значит, надо двигаться вперед, не взирая на трудности. Я уже начинаю привыкать к бесконечным переездам.

Жена делает вид, будто не слышит моих слов, понимая, что я обращаюсь к самому себе, в чем-то себя убеждая. В местном баре нас ждет Самиль, один из тех, кого я наугад пригласил на вечеринку после встречи с читателями. Я прошу его показать

нам не достопримечательности, какие обычно демонстрируют туристам, а истинную жизнь города.

Самиль ведет нас к прекрасному зданию, на месте которого в 1574 году произошло братоубийство. Отец убийцы и жертвы возвел здесь дворец и устроил в нем школу в память об убитом сыне. В ответ на рассказ Самиля я замечаю, что тот сын, который совершил убийство, отныне также не будет забыт.

— Не совсем так, — говорит Самиль. — У нас принято считать, что вину преступника разделяют все, кто не предотвратил преступление. Когда совершается убийство, того, кто продал душегубу оружие, считают не менее виновным перед Всевышним. Единственный путь, каким отец мог искупить собственную вину, было обратиться трагедию на пользу людям.

Внезапно все исчезает: дом, улица, город, Африка. Я словно совершаю гигантский прыжок в темноту и оказываюсь в туннеле, ведущем в сырой подвал. Я вернулся в одну из своих прошлых жизней, за двести лет до того, как в этом доме пролилась кровь. Я стою перед Ж., который пристально смотрит на меня, и взгляд его суров.

Через мгновение я вновь оказываюсь в настоящем. Стою посреди шумной тунисской улицы, рядом — жена и Самиль. Что это было? Отчего корни китайского бамбука несут отраву его побегам? Та жизнь осталась в прошлом, а ее грехи искуплены.

«Вы лишь однажды трусили, а я множество раз поступал не по совести. И теперь, благодаря этому

открытию, я свободен», — сказал мне Ж. в Сен-Мартене. Он никогда не поощрял моих попыток вернуться в прошлое, категорически пресекал чтение книг и выполнение упражнений, с помощью которых можно этого добиться.

— Вместо того чтобы обратиться к мести, которая едва ли стала бы адекватным наказанием, отец убитого предпочел сеять мудрость и знание; его школа просуществовала более двухсот лет, — говорит Самиль.

Несмотря на мое перемещение во времени, я не пропустил ни одного его слова.

— Вот именно.

— Ты о чем? — спрашивает жена.

— Я в пути. Я начинаю понимать. Во всем этом есть смысл.

Меня охватывает восторг, который смущает нашего спутника.

— Что говорит ислам о реинкарнации? — спрашиваю я.

Самиль выглядит растерянным.

— Понятия не имею, — признается он. — Я же не богослов.

Я прошу его узнать ответ на мой вопрос. Самиль берет мобильный и начинает обзванивать своих знакомых. Мы с женой заходим в бар и заказываем очень крепкий кофе. Мы оба устали, и нас ждет ужин из морепродуктов, а теперь нам следует держаться, чтобы не съесть ничего лишнего.

— У меня сейчас было дежа вю, — говорю я.

— Время от времени такое бывает у всех. Не обязательно быть магом, чтобы испытать подобное, — подтрунивает надо мной Кристина.

Разумеется, это так. Но дежа вю — нечто большее, чем краткий и ничего не значащий миг нашей жизни, о котором мы позабыли, а потом внезапно вспомнили. Это знак того, что время никуда не уходит. Это словно скачок в некий прежний опыт, который непрерывно повторяется.

Самиль куда-то запропастился.

— Когда мы осматривали дворец, я на долю секунды перенесся в прошлое. Я уверен, это случилось в тот момент, когда Самиль говорил о том, что вина за преступление лежит не только на преступнике, но на всех тех, кто создает условия, при которых преступление становится возможным. В 1982 году, когда мы только познакомились с Ж., он говорил мне, что я как-то связан с его отцом. С тех пор он никогда не возвращался к тому разговору, и я забыл о нем. Но несколько мгновений назад я видел его отца. И теперь понимаю, что он имел в виду.

— В той жизни, о которой ты мне рассказывал?..

— Да. Во времена испанской инквизиции.

— Та жизнь давно прошла. Зачем терзать себя из-за какой-то древней истории?

— Я не терзаюсь. Я давно понял: чтобы исцелить раны, надо найти в себе мужество их рассмотреть. Я научился прощать себя и исправлять свои ошибки. Но понимаешь, это путешествие как ги-

гантская головоломка, и я только-только успел разобрать ее по кусочкам; любовь, ненависть, жертва, прощение, радость и печаль. Вот зачем мы здесь. Я чувствую себя много лучше, словно и в самом деле отправился на поиски собственной души и своего царства вместо того чтобы сидеть на месте и ныть, что учение не идет мне впрок. Я пока не обрел своего царства, потому что не все понимаю, но когда это свершится, истина сделает меня свободным.

* * *

Самиль возвращается с книгой. Усевшись за столик, он раскладывает перед нами свои записи и бережно переворачивает страницы, бормоча что-то по-арабски.

— Я поговорил с тремя знающими людьми, — наконец сообщает Самиль. — Двое заверили меня, что после смерти все мы попадем прямо в рай. А третий посоветовал обратиться к нескольким стихам Корана.

Я вижу, что он взволнован.

— Вот первая: 2:28. «Вы были мертвыми, и Он оживил вас, потом Он умертвит вас, потом оживит, потом к Нему вы будете возвращены». Боюсь, я плохой переводчик, но смысл именно таков.

Самиль энергично перелистывает священную книгу и переводит следующий стих, 2:154:

— «Не говорите о тех, кто принес себя Всевышнему: “Они мертвы!” Нет, они живы, хоть и невидимы для вас».

— Вот оно!

— Здесь есть и другие стихи. Но если честно, от этой темы мне как-то не по себе. Давайте я лучше покажу вам Тунис.

— Того, что вы прочли, вполне достаточно. Люди не уходят, мы всегда пребываем здесь, между прошлым и будущим. Между прочим, в Библии есть похожие слова. В одном месте Иисус говорит об Иоанне Крестителе: «Он (Креститель) — Илия, который должен прийти». Если постараться, можно припомнить и другие цитаты на ту же тему, — говорю я.

Самиль начинает рассказывать легенду о возведении города, и я понимаю, что пора вставать и идти дальше осматривать его достопримечательности.

* * *

Над воротами древней городской стены есть фонарь, и Самиль объясняет:

— Считается, что отсюда пошла известная арабская поговорка: «Свет от фонаря падает только на чужеземца».

Что ж, поговорка на редкость актуальная. Самиль мечтает стать писателем и борется за признание у себя в стране, где признают как раз меня, писателя из Бразилии.

Я вспоминаю, что у нас есть похожая пословица: «Нет пророка в своем отечестве». Мы обычно ценим то, что пришло издалека, и редко обращаем внимание на красоту вокруг нас.

— Хотя время от времени, — продолжаю я, — стоит побывать чужеземцем для самого себя. Только тогда нам дано узреть тайный свет собственной души.

Моя жена, похоже, совсем не следит за ходом нашей беседы, но в какой-то момент она оборачивается ко мне и произносит:

— Я не знаю, как это объяснить, но по-моему, в этом фонаре есть нечто такое, что прямо касается тебя. Как только пойму, я сразу скажу тебе, что именно.

* * *

Немного отдохнув и поужинав с друзьями, мы вновь отправляемся на прогулку по городу. Только теперь Кристина берется объяснить мне, что она почувствовала днем:

— Ты путешествуешь и в то же время остаешься дома. Пока мы вместе, это так и будет продолжаться, потому что рядом с тобой человек, который хорошо тебя знает, и это внушает тебе обманчивое чувство обиденности. Тебе пора продолжить путь одному. Возможно, тебя угнетает одиночество, которое кажется тебе непереносимым, но это чувство

постепенно исчезнет, когда ты станешь теснее общаться с другими людьми.

Немного помолчав, она продолжает:

— Я где-то читала, что в лесу из ста тысяч деревьев не найдется двух одинаковых листков. И даже если двое следуют одним и тем же Путем, у каждого из них свое странствие. Если мы будем держаться вместе, стараясь подстраиваться под наши общие взгляды, никто из нас не добьется успеха. Так что теперь я прощаюсь с тобой и говорю: встретимся в Германии, на первом матче чемпионата мира по футболу.

КОГДА ДУЕТ ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР

Когда вместе с моими издателем и редактором мы приезжаем в московскую гостиницу, у входа меня поджидает молодая женщина. Она подходит и решительно здоровается со мной за руку.

— Мне нужно с вами поговорить. Я специально приехала ради этого из Екатеринбурга.

Я устал. Так как прямого рейса не было, мне пришлось встать раньше обычного и сделать пересадку в Париже. Я пытался дремать в самолете, но всякий раз, засыпая, попадал в один и тот же неприятный, надоедливый сон.

Мой издатель говорит девушке, что автограф-сессия состоится завтра, к тому же через три дня мы будем в Екатеринбурге: это будет наша первая остановка в пути. Я протягиваю руку для прощального пожатия и удивляюсь, какие у девушки холодные пальцы.

— Почему вы не стали ждать меня в отеле?

На самом деле мне хотелось спросить, откуда она узнала, где я остановился. Хотя это, вероятно,

было не так уж сложно: со мной подобные вещи уже случались.

— Я накануне прочла ваш блог и поняла, что вы обращаетесь прямо ко мне.

Я вел путевые заметки в своем блоге в интернете. Это был своего рода эксперимент, я не придерживался хронологии, и теперь мне трудно было догадаться, какую из моих записей она имеет в виду. Как бы то ни было, я никак не мог обращаться в них к человеку, которого вижу теперь впервые в жизни.

Незнакомка протягивает мне листок бумаги, распечатку моей заметки. Я знаю эту историю наизусть, хоть и не помню, где ее впервые услышал: человек по имени Али, которому очень нужны деньги, просит о помощи хозяина лавки. Тот предлагает ему сделку: если проведешь ночь на вершине горы — получишь много денег, не сдюжишь — придется работать на меня бесплатно. Далее притча гласит:

Когда Али выходил из лавки, подул ледяной ветер. Приунывший Али отправился к своему другу Айдыну и рассказал ему о том, каким он был ослом, когда принял условия торговца.

Немного поразмыслив, Айдын сказал: «Не огорчайся, я тебе помогу. Сегодня вечером, когда поднимешься на гору, посмотри прямо вперед. Я всю ночь буду жечь костер на вершине горы напротив. Смотри на огонь и думай о нашей дружбе; это тебя согреет, и

ты точно продержишься. А когда придет время, ты отплатишь мне за услугу».

Али выиграл в споре, получил деньги и отправился к Айдыну: «Ты сказал, что хочешь, чтобы я отплатил тебе за твою помощь».

Айдын ответил: «Да, это так, но деньги мне не нужны. Пообещай, что, когда в моей жизни подует холодный ветер, ты разожжешь для меня костер дружбы».

Я благодарю девушку за интерес к тому, что я делаю, и объясняю, что очень занят, но если она придет на автограф-сессию, которая будет проходить в книжном магазине, я буду счастлив подписать ей одну из моих книг.

— Я не за тем приехала. Я знаю о том, что вы собираетесь проехать через всю Россию, и хочу попросить вас взять меня с собой. Когда я читала вашу первую книгу, мне был голос. Он сказал, что вы зажгли для меня священный огонь и что настанет день, когда я должна буду отплатить вам тем же. Я думала об этом ночи напролет и даже собиралась лететь в Бразилию, чтобы разыскать вас. Я знаю, что вам нужна помощь, поэтому я здесь.

Мои спутники смеются. Я очень вежливо прощаюсь с девушкой до завтра. Издатель объясняет ей, что меня ждут, и я хватаюсь за это как за соломинку.

— Меня зовут Хиляль, — говорит девушка прежде чем уйти.

Пауло Коэльо. Алеф

Спустя десять минут я сижу у себя в номере. Я уже забыл о странной девушке, что подошла ко мне у входа в гостиницу. Я не помню, как ее зовут, и едва ли узнаю, если снова увижу. И все же на душе у меня беспокойно: в ее глазах я увидел любовь и смерть.

Я сбрасываю одежду и встаю под душ. Вот один из самых любимых моих ритуалов.

Запрокидываю голову и слушаю мерный шум воды, который отгораживает меня от всего, переносит в другой мир. Словно дирижер, способный уловить голос каждого инструмента в оркестре, я различаю отдельные звуки, которые постепенно складываются в слова. Я не понимаю их значения, но знаю: этот язык существует.

Усталость, тревога, растерянность человека, очутившегося так далеко от дома, отступают. С каждым днем я все больше убеждаюсь в том, что моя поездка принесет свои плоды. Ж. прав, предохраняя меня против медленного отравления ядом рутины: душ делает кожу чистой, еда питает наше тело, а долгие одинокие прогулки укрепляют сердце, — не более того.

Теперь моя жизнь меняется; неспешно, исподволь, но меняется. За трапезой я наслаждаюсь бе-

седой с друзьями; во время прогулки медитирую, погружаясь в настоящее; а звуки падающей воды очищают мой слух от суетных мыслей, и такие простые вещи способны приблизить нас к Господу, если мы научимся оценивать каждый жест, как он того заслуживает.

Когда Ж. сказал, что мне пора проститься с налаженной жизнью и пуститься на поиски своего царства, я чувствовал себя растерянным, подавленным, оставленным. Я нуждался в каком-то готовом решении или ответе на свои сомнения, в чем-то таком, что утешит меня и поможет вновь обрести душевный покой. Те, кому доводилось отправляться на поиски своего царства, знают, что вместо царства они обретут лишь новые вызовы, бесконечное ожидание, внезапные перемены, или, что еще хуже, — совсем ничего.

Нет, я преувеличиваю. Если ты чего-то ищешь, это что-то ищет тебя.

Как бы то ни было, надо быть готовым ко всему. А потому я принимаю решение, которое должен был принять: даже если эта поездка не даст мне совсем ничего, я буду продолжать свои поиски, потому что еще в лондонском отеле понял, что, хотя мои корни уже разрослись, моя душа медленно умирает от чего-то такого, что очень трудно определить, но от чего еще труднее исцелиться.

От рутины.

Рутину и повторение — не одно и то же. Для того чтобы достичь в чем-то совершенства, необхо-

димо практиковаться и повторять, повторять, повторять, пока техника не станет такой же естественной, как дыхание. Это я понял еще ребенком, в маленьком городке в бразильской глубинке, где моя семья проводила лето. Больше всего меня впечатляла работа кузнеца, который жил по соседству. Я мог сидеть, замерев, целую вечность, глядя, как тяжелый молот поднимается и ударяет по куску раскаленного железа, разбрасывая вокруг фейерверк красных искр. Как-то кузнец спросил меня:

— Ты, верно, думаешь, я все время делаю одно и то же?

— Да.

— А вот и нет. У каждого удара своя мощь: иной раз я бью по металлу со всей силы, а иногда едва его касаюсь. Но прежде чем я этому научился, мне много лет подряд приходилось повторять одно и то же, пока не наступил момент, когда мне уже не нужно было думать о том, что делаю, — моя рука вела меня сама.

Эти слова врезались мне в память.

РАЗДЕЛЕНИЕ ДУШ

Я вглядываюсь в каждого из моих читателей, протягиваю руку и благодарю их за то, что пришли. В своих странствиях я один, но душа, перелетающая из города в город, не одинока: я вмещаю в себя всех тех, кто понял мою душу из моих книг. Я не чувствую себя чужим ни в Москве, ни в Лондоне, ни в Тунисе, ни в Киеве, ни в Сантьяго-де-Компостела, ни в Гимаранше — ни в одном из городов, которые мне довелось посетить за эти полтора месяца.

Я слышу, как за моей спиной жарко спорят, но стараюсь сосредоточиться на том, что делаю. Между тем обстановка накаляется. Я оборачиваюсь и спрашиваю своего издателя, что происходит.

— Это вчерашняя девчонка. Требуется, чтобы мы взяли ее с собой.

Я не могу даже вспомнить вчерашнюю девушку, но прошу спорщиков уговориться и продолжаю подписывать книги.

Кто-то садится рядом со мной, но тут появляется охранник в униформе, и спор разгорается снова. Я перестаю подписывать книги и поворачиваю голову.

Возле меня сидит девушка, в глазах которой я прочел любовь и смерть. Я впервые внимательно смотрю на нее: темные волосы, на вид лет двадцати двух — двадцати девяти (я совсем не умею определять возраст), в потертой кожаной куртке, джинсах и кедах.

— Мы проверили ее рюкзак, — говорит охранник, — так что опасаться нечего. Но ей нельзя здесь оставаться.

Девушка молча улыбается. Очередной читатель терпеливо ждет окончания разговора, чтобы получить на свои книги автограф. А девушка и не думает уходить.

— Вы меня помните? Я Хиляль. Я пришла разжечь священный огонь.

Я говорю, что да, отлично помню. Вру конечно. Люди, стоящие в очереди, заметно нервничают, а читатель, ждущий автографа, обращается к девушке по-русски, и по его тону я понимаю, что он говорит что-то резкое.

У португальцев есть пословица: «То, что нельзя вылечить, нужно вытерпеть». Разбираться некогда, надо что-то делать. Я прошу девушку подождать меня в сторонке, чтобы не мешать другим. Она послушно встает и отходит.

Уже через минуту я вновь забываю о ее существовании, сосредоточившись на том, что происхо-

дит. Я принимаю благодарности и благодарю в ответ, и следующие четыре часа пролетают, словно один счастливый миг. Каждый час я делаю перерыв, чтобы выкурить сигарету, но совершенно не чувствую усталости. Автограф-сессии я обычно завершаю словно с полностью заряженными батарейками — более энергичным, чем всегда.

В конце я прошу собравшихся наградить организаторов аплодисментами. Наступило время ехать на следующую встречу. Девушка, о которой я за все это время ни разу не вспомнил, снова подходит ко мне.

— Мне нужно кое-что вам показать.

— Это невозможно, — говорю я. — Меня ждут на ужин.

— Нет, это возможно, — отвечает она упрямо. — Меня зовут Хиляль, это я вчера ждала вас у входа в отель. Я могу показать это прямо сейчас, пока вы собираетесь.

Прежде чем я успеваю ответить, девушка достает из футляра скрипку и начинает играть.

Читатели, начавшие расходиться, возвращаются, чтобы послушать этот импровизированный концерт. Хиляль играет с закрытыми глазами, словно в трансе. Я смотрю, как смычок порхает над скрипкой, почти не касаясь струн и рождая мелодию, которой я прежде никогда не слышал и которая сообщает мне и всем остальным что-то такое, что непременно нужно услышать. Иногда девушка замирает, а в следующий момент кажется, будто

она предается экстазу, танцуя вместе с инструментом; но в основном движутся только ее руки.

Каждая нота пробуждает в нас воспоминания, а вся мелодия рассказывает удивительную историю, историю души, что тянется к другой душе без страха быть отверженной. Пока Хилляль играет, я вспоминаю, как часто случалось, что помощь приходила ко мне именно от тех людей, которые, как мне казалось, не имели никакого отношения к моей жизни.

Скрипка замолкает, но никто не аплодирует, и в зале воцаряется почти осязаемая тишина.

— Спасибо, — говорю я.

— Я поделилась с вами частичкой своей души, но этого недостаточно, чтобы исполнить мою миссию. Вы возьмете меня с собой?

Честно говоря, чересчур настойчивые люди вызывают у меня одну из двух реакций: я либо поспешно ретируюсь, либо немедленно сдаюсь. Я не могу сказать человеку, что его мечта неосуществима. Не у каждого найдется такая сила воли, какую продемонстрировала Моника в том каталонском кафе, а если я возьмусь убеждать кого-то свернуть с раз и навсегда избранного пути, я, очень может быть, сумею убедить в этом и самого себя, и жизнь моя станет неполноценной.

В тот день я выбираю второй сценарий: звоню послу Бразилии и прошу разрешить мне пригласить на ужин еще одного человека. Тот весьма учтиво отвечает, что мои читатели для него такие же желанные гости, как и я сам.

* * *

Ужин в бразильском посольстве — строго официальное мероприятие, но посол делает все, чтобы приглашенные чувствовали себя как дома. Платье Хиляль смело можно назвать квинтэссенцией дурного вкуса. Слишком яркое и даже аляповатое, оно резко выделяется на фоне чопорных протокольных нарядов других гостей. Распорядители не нашли ничего лучшего, как посадить нежданную гостью на почетное место рядом с хозяином.

Пока приглашенные рассаживаются, мой русский друг, бизнесмен, предупреждает меня, что у нас назревают проблемы с моим российским агентом, которая во время аперитива поругалась по телефону с мужем.

— Из-за чего?

— Речь вроде бы о том, что ты собирался пойти в клуб, которым он управляет, но в последний момент передумал.

В моем ежедневнике и вправду упоминался какой-то клуб с пометкой «обсудить меню во время путешествия по Сибири», но в такой насыщенный, наполненный положительной энергией день мне было не до этого. Встречу я отменил в силу ее полной абсурдности: мне никогда в жизни не приходилось с кем бы то ни было обсуждать меню. Вместо этого я собирался вернуться в отель, принять душ и вновь позволить струям воды унести меня в даль, невообразимую даже для меня самого.

Подали закуски, потекла неторопливая беседа, и жена посла любезно предложила Хиляль немного рассказать о себе.

— Я родилась в Турции, а в двенадцать лет переехала в Екатеринбург, чтобы учиться играть на скрипке. Вы, конечно, знаете, как отбирают будущих музыкантов?

Супруга посла не имеет об этом ни малейшего представления. Разговоры за столом стихают. Похоже, всем интересно послушать эту странную молодую женщину к кричащем платье.

— Ребенок, который начинает играть на инструменте, занимается определенное количество часов в неделю. На этом этапе из каждого может получиться по меньшей мере приличный оркестрант. Однако со временем некоторые дети начинают заниматься больше других. В конце концов формируется небольшая группа тех, кто играет по сорок часов в неделю. Эмиссары из крупных оркестров разъезжают по музыкальным школам в поисках талантов, из которых можно слепить настоящих профессионалов. Так было и со мной.

— Значит, вы нашли свое призвание, — замечает посол. — Такой шанс выпадает не всем.

— Не совсем призвание. Я не занималась ничем, кроме музыки, потому что когда мне было десять лет, я стала жертвой сексуального насилия.

За столом делается совсем тихо. Посол меняет тему и начинает рассказывать о переговорах России и Бразилии об экспорте и импорте тяжелой

промышленности, но никого, решительно никого из приглашенных не интересует торговый баланс моей страны. Пора брать нить разговора в свои руки.

— Если позволите, Хиляль, нам всем было бы интересно послушать о том, как маленькая жертва насилия сделалась скрипачкой-виртуозом.

— Что означает ваше имя? — спрашивает жена посла в последней безнадежной попытке повернуть разговор в другое русло.

— По-турецки он означает «полумесяц». Этот символ изображен на нашем флаге. Мой отец был радикальным националистом. Между прочим, это имя чаще дают мальчикам. Кажется, по-арабски оно значит что-то еще, но я не уверена.

Я не собираюсь сдаваться:

— И все же, возвращаясь к вашей истории. Не стесняйтесь, здесь все свои.

Все свои? Большинство гостей до этого ужина ни разу не встречались.

Люди за столом уткнулись в свои тарелки и делают вид, будто страшно увлечены едой, хотя в глубине души каждый из них умирает от любопытства. Хиляль говорит так, словно речь идет о самых обычных вещах.

— Это был мой сосед, которого все считали добрым, воспитанным, деликатным человеком, надежным другом, всегда готовым прийти на помощь. У него были жена и две дочери моего возраста. Когда я приходила с ними поиграть, он усаживал меня

на колени и рассказывал чудесные истории. А сам, будто невзначай, меня ласкал, и поначалу я принимала его прикосновения за знаки приязни. Потом он стал трогать меня между ног, просить, чтобы я его трогала, и все в этом роде.

Взгляд Хиляль скользит по лицам пяти женщин, сидящих за столом:

— Такие вещи, к сожалению, не редкость. Не правда ли?

Женщины молчат, но что-то подсказывает мне, что одна или две из них пережили нечто подобное.

— Но это было еще не самое страшное. Хуже всего то, что мне стало это нравиться, хотя я понимала, что так нельзя. Наконец в один прекрасный день я решила, что больше туда не пойду, хотя родители настаивали, чтобы я дружила с соседскими девочками. В то время я как раз начала играть на скрипке, и заявила родителям, что мне надо больше заниматься, поскольку преподаватели мной недовольны. Я играла дни напролет, яростно, отчаянно.

В зале повисло молчание, растерянные гости не знают, что сказать.

— Поскольку я носила все это в себе, а жертвам свойственно во всем винить себя, я продолжала себя наказывать. И теперь, став взрослой, отношения с мужчинами я свожу к страданиям, ссорам и опустошению.

Хиляль смотрит на меня, а с ней и все остальные.

— Но теперь ведь все изменится, правда?

И я, до того момента управлявший ситуацией, внезапно теряюсь. Меня хватает лишь на то, чтобы пробормотать:

— Да, конечно, будем надеяться, — и поспешно перевести разговор на архитектурные достоинства здания, в котором размещается бразильское посольство.

* * *

На улице я спрашиваю у Хилиаль, где она остановилась, и прошу своего друга, который собирается везти меня в отель, подбросить и ее. Тот соглашается.

— Спасибо за музыку и за то, что поделились своей историей с совершенно незнакомыми людьми. Теперь каждое утро, пока ваш разум еще пуст, постарайтесь уделять немного времени Божественному. В воздухе содержится космическая энергия, которая в разных культурах обозначается по-разному, но это не важно. А важно то, что я вам сейчас говорю. Вдыхайте глубоко и просите, чтобы вся благодать, которая содержится в воздухе, наполняла все ваше тело до единой клеточки. Потом медленно выдохните, распространяя вокруг себя счастье и умиротворение. Повторяйте упражнение десять раз в день. Вы поможете себе исцелиться и сделаете мир чище.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего. Просто делайте упражнение. Вы постепенно преодолете ваше негативное восприятие любви. Не позволяйте разрушить вас силе, что помещена в наши сердца, чтобы делать мир лучше. Дышите, вбирая в себя все, что существует на земле и на небесах. Выдыхайте красоту и плодородие. Поверьте, это упражнение непременно поможет.

— Я сюда приехала не для того, чтобы выучить упражнение, которое можно найти в любом учебнике йоги, — злится Хилаяль.

Мимо проносятся ярко освещенные московские улицы. Чего бы мне действительно хотелось, так это прогуляться по улицам, посидеть в кафе, но день был таким длинным, а на завтра намечено несколько встреч, и надо выспаться.

— Так вы возьмете меня с собой?

Господи, ну сколько можно? Мы впервые встретились меньше чем сутки назад, если это можно назвать встречей. Мой друг смеется. Я пытаюсь сохранить серьезный вид.

— Послушайте, я ведь взял вас на ужин в посольство. Чего ж еще? Цель моей поездки не рекламная... — не без колебаний говорю я. — У меня есть на то глубоко личные мотивы.

— Да, я знаю.

По тону, каким девушка произносит эти слова, я вдруг чувствую, что она действительно знает, но я предпочитаю не доверять своим ощущениям.

— Я заставила страдать многих мужчин и сама ужасно страдала, — продолжает Хилаяль. — Свет

любви хочет прорваться из моей души, но не может: боль не пускает. Я могу вдыхать и выдыхать каждое утро до конца своих дней, этим мне не решить своей проблемы. Я пыталась выразить свою любовь через игру на скрипке, но и этого мало. Мне известно, что мы с вами можем исцелить друг друга. Я разожгла костер на горе напротив, вы можете положиться на меня.

Почему она так говорит?

— То, что приносит боль, может принести исцеление, — говорит девушка. — Моя жизнь была тяжелой, но она многому меня научила. Вам не дано это видеть, но мое тело — сплошная кровоточащая рана. Просыпаясь по утрам, я хочу умереть, но продолжаю жить, борясь и страдая, страдая и борясь, отчаянно веря, что в один прекрасный день все это кончится. Умоляю, не бросайте меня. В этом путешествии мое спасение.

Мой друг останавливает машину, открывает кошелек и протягивает Хиляль пачку банкнот.

— Пауло не хозяин поезда, — заявляет он. — Возьмите, этого должно хватить на билет во второй класс и трехразовое питание.

Потом обращается ко мне:

— Ты знаешь, что я сейчас переживаю. Моя любимая умерла, и даже если я буду вдыхать и выдыхать каждое утро до конца своих дней, мне все равно никогда не стать счастливым. Я тоже сплошная рана, и моя рана тоже кровоточит. Я очень хорошо понимаю, о чем говорит эта девушка. Мне извест-

но, что ты предпринял эту поездку по глубоко личным причинам, но ты не можешь бросить Хиляль. Если ты веришь в то, о чем пишешь, ты должен позволять окружающим тебя людям расти вместе с тобой.

— Ну хорошо, — говорю я. — Мой друг прав, и потом я на самом деле не хозяин поезда, так что учтите: я постоянно буду среди людей, и у нас будет очень мало возможностей для беседы.

Машина снова трогается с места, и следующие пятнадцать минут мы едем в полном молчании. Мы въезжаем на усеянную листьями площадь. Хиляль показывает, где остановиться, выскакивает из машины и прощается с моим другом. Я провожаю Хиляль до подъезда, в котором живут ее друзья.

У дверей она порывисто целует меня в губы.

— Ваш друг все не так понял, но если бы я слишком сильно обрадовалась, он мог потребовать свои деньги назад, — улыбается Хиляль. — Мне не так больно, как ему. На самом деле я сейчас счастлива как никогда, потому что мне хватило терпения следовать знакам, и теперь я верю, что все изменится.

Произнеся эти слова, она разворачивается и уходит.

И только тогда, идя обратно к машине, рядом с которой стоит с сигаретой мой друг и улыбается, потому что видел тот быстрый поцелуй; только тогда, слушая шум ветра меж деревьев, возвращаемых к жизни энергией Весны, я сознаю, что нахожусь в городе, который я не знаю, но который люблю;

Пауло Коэльо. Алф

только тогда, роюсь в карманах в поисках сигарет, понимаю, что завтра начнется путешествие, о котором я так давно мечтал; только тогда...

...в моей памяти всплывают слова ясновидящего. Он что-то говорил о Турции, но я никак не припомню, что именно.

Транссибирская магистраль — одна из самых длинных из всех существующих в мире железных дорог. Она берет начало на любом из европейских вокзалов и проходит по России на протяжении девяти тысяч двухсот восьмидесяти восьми километров, соединяя сотни больших и малых городов, пересекая семьдесят шесть процентов территории страны и семь часовых поясов. Когда я сажусь в поезд в одиннадцать вечера в Москве, во Владивостоке, конечной точке нашего пути, уже встает заря следующего дня.

Еще в конце девятнадцатого века мало кто отваживался на путешествие по Сибири, ведь там, в населенном месте — городе Оймяконе, — была зафиксирована самая низкая температура на земле: -72° С. Реки, основные транспортные артерии, связывающие этот край с остальным миром, восемь месяцев в году покрыты льдом. Азиатская часть Российской империи была почти изолирована от европейской, хотя именно в ней сосредото-

на большая часть природных богатств страны. Ради стратегических и политических целей царь Александр II решил проложить здесь железную дорогу, расходы на строительство которой превысили военный бюджет России за всю Первую мировую войну.

Во время Гражданской войны, которая последовала сразу за социалистической революцией 1917 года, вокруг железной дороги разыгрались ожесточенные сражения. Верные отрекшемуся императору войска, в частности Чехословацкий легион, использовал бронепоезда, чтобы относительно легко отражать атаки Красной армии и отрезать неприятеля от поставок боеприпасов и провизии, приходивших с востока. Тогда ход войны переломили партизаны, взрывавшие мосты и пускавшие под откос поезда. Белогвардейцы отступали через всю Сибирь, и многие перебрались в Аляску и Канаду, откуда потом разъехались по всему миру.

В кассе одного из московских вокзалов билет из Европы к Тихому океану в четырехместном купе стоит от тридцати до шестидесяти евро.

* * *

Первым снимком, сделанным мной в путешествии, стала панель расписания, возвещавшая о том, что время отправления поезда 23.15. Сердце уча-

шенно билось, прямо как в детстве, когда я катал игрушечный паровозик по игрушечным рельсам, мечтая о дальних странах, вроде той, в которой оказался сейчас.

С моей последней встречи с Ж. прошло более трех месяцев, и мне кажется, будто она состоялась в прошлой жизни. Что за дурацкие вопросы я задавал! В чем смысл жизни? Почему я не двигаюсь вперед? Отчего духовный мир сделался для меня едва различимым? Ответ очевиден: тогда я попросту не жил по-настоящему.

Вот бы снова стать ребенком, чувствовать, как бешено колотится сердце, и сияющими глазами следить за толчеей на перроне, втягивать носом запах машинного масла и еды, считать вагоны, жадно вслушиваться в скрип тормозов, когда поезд подают к платформе, ловить обрывки чьих-то разговоров.

Жить — значит осознанно проживать каждое мгновение, а не днями напролет размышлять о смысле жизни. Конечно, для этого не обязательно пересекать Азию или совершать паломничество в Сантьяго. Я знал одного австрийского аббата, который почти не покидал своего монастыря в Мельке, но жизнь понимал куда лучше, чем все путешественники, каких мне доводилось встречать. Один мой знакомый достигал невероятных духовных высот, просто глядя на своих спящих детей. Когда моя жена приступает к работе над новой картиной, она впадает в транс и говорит со своим ангелом-хранителем.

Однако я родился странником. Даже когда мне этого совсем не хочется или когда меня обуревают тоска по дому, мне достаточно сделать лишь первый шаг, чтобы меня охватило воодушевление путешественника. Разыскивая платформу номер пять на Ярославском вокзале, я понимаю, что никогда не достигну своей цели, если буду сидеть на одном месте. Я могу говорить со своей душой лишь тогда, когда мы с ней пребываем в пустыне, или в горах, или в чужом городе, или в дороге.

Мой вагон последний, его будут отцеплять и прицеплять к другим составам на протяжении всего пути. Локомотива с моего конца платформы не видно, поезд кажется гигантской стальной змеей. Пассажиры — монголы, татары, русские, китайцы — стоят или сидят на своих огромных чемоданах и, как и я, терпеливо ждут, когда нам откроют двери. Время от времени кто-то из них подходит ко мне и пытается заговорить, но я уклоняюсь от беседы. Я не хочу ни о чем думать, кроме того, что сейчас нахожусь здесь, и чувствую себя готовым не просто к отъезду, но к новому вызову судьбы.

* * *

Мгновения детского восторга длились не долее пяти минут, но я успел впитать каждую деталь, каждый звук, каждый запах. Я не смогу их вспомнить, но это и не важно: время — не магнитофон-

ная запись, которую можно перематывать туда-сюда.

«Не думай о том, что будешь рассказывать, когда вернешься. Время — это здесь и сейчас. Лови момент».

Я подхожу к моим попутчикам и вижу, что они пребывают в таком же возбуждении. Меня знакомят с нашим переводчиком, китайцем по имени Яо, родители которого бежали из Китая в Бразилию от ужасов гражданской войны. Яо учился в Японии, преподавал лингвистику в Московском университете, пока не вышел на пенсию. На вид ему лет семьдесят, он высок ростом и единственный из всей нашей компании в костюме и при галстук.

— Мое имя означает «очень далекий», — говорит он, тепло улыбаясь.

— А мое — «камешек», — улыбаюсь я в ответ. По правде говоря, улыбка не сходит с моих губ со вчерашнего вечера, а ночью я никак не мог уснуть, думая о грядущем приключении. Такого хорошего настроения у меня не было уже давно.

Вездесущая Хиляль стоит возле нашего вагона, хотя, по моим расчетам, вагон, в котором она будет ехать, довольно далеко от нашего. Ее появление несколько меня не удивляет. Я посылаю девушке воздушный поцелуй, и она улыбается в ответ. В пути, я уверен, нам обоим будет интересно побеседовать.

Я спокойно смотрю по сторонам, стараясь не упустить ни одной детали, как путешественник, го-

товый отплыть на корабле к неведомым морям. Переводчик не решается потревожить меня, но я чувствую: что-то не так, мои издатели явно чем-то обеспокоены.

Я спрашиваю у переводчика, в чем дело, и тот объясняет, что мой российский агент до сих пор не пришла. Я смутно припоминаю вчерашний разговор с другом. А впрочем, какая разница. Ну, не пришла и не пришла, ее дело.

Хиляль о чем-то спрашивает моего редактора, и получив резкий ответ, остается такой же невозмутимой, какой была, когда я заявил ей, что не смогу назначить ей встречу. Мне все больше нравится сам факт ее присутствия: мне импонируют ее решимость и самообладание. Между тем женщины начинают ожесточенно спорить.

Я вновь спрашиваю у переводчика, что происходит, и тот объясняет, что моя редактор предложила Хиляль убраться в свой вагон. Напрасный труд, думаю я про себя: эта девчонка делает только то, что считает нужным. Я развлекаюсь тем, что, не понимая ни слова, читаю язык жестов и поз. Выбрав момент, подхожу к ним, все еще улыбаясь.

— Полно, не стоит начинать путешествие на негативе. Мы все рады и взволнованы перед поездкой, какую никто из нас прежде не совершал.

— Но она хочет..

— Да будет вам. Пусть остается, она может уйти к себе немного позже.

Редакторша отступает.

Двери с шумом открываются, породив эхо на платформе, и пассажиры занимают свои места. Кто все эти люди, устремившиеся к дверям? Что знаменует это путешествие для каждого из них? Воссоединение с возлюбленной, родственник визит, мечту о богатстве, триумф или поражение, открытие, приключение, бегство или погоню? Наш поезд заполняется всеми этими возможностями.

Хиляль подхватывает свой багаж — яркую сумку и футляр со скрипкой — и собирается войти вместе с нами в вагон. Редакторша улыбается, как будто довольная тем, как закончилась их перепалка, но я понимаю, что она воспользуется первой же возможностью отомстить. Едва ли есть необходимость объяснять, что месть делает нас равными нашим врагам, прощение же демонстрирует наши мудрость и ум. Кроме тибетских монахов и отшельников в пустыне, думаю, каждому из нас знакома жажда мщения, ибо эта черта присуща любому человеку. И мы не должны себя за это слишком рьяно осуждать.

* * *

В нашем вагоне четыре купе, душевые, что-то вроде гостиной, где, как я полагаю, мы проведем большую часть пути, и кухня.

Я иду в свое купе: двуспальная кровать, шкаф, стол со стулом, развернутым к окну, дверь в душевую кабину. В ней я обнаруживаю еще одну дверь,

которая ведет в точно такое же помещение. Похоже, на два купе здесь приходится один душ.

Кажется я догадался: в этом купе должна была ехать мой российский агент. Впрочем, какая разница?

Раздается гудок, и состав медленно трогается с места. Мы все принимаем к окну в маленькой гостиной, чтобы проститься с людьми, которых видели в первый и последний раз в жизни. Поезд набирает скорость, мелькают фонарные огни, и платформа уплывает прочь. Меня поражает всеобщее спокойствие; никому не хочется говорить; каждый по-своему предвкушает предстоящие приключения, и ни один, я уверен, не думает о том, что оставил позади, так же как и о том, что будет дальше.

Когда ночная тьма поглощает бегущие рельсы, мы рассаживаемся вокруг стола. В нашем распоряжении корзина с фруктами, но мы успели поужинать в Москве, и пробудить всеобщий энтузиазм оказывается под силу лишь ледяной бутылке водки, которую мы тут же открываем. Мы пьем и болтаем обо всем на свете, кроме самого путешествия, ведь оно принадлежит настоящему и пока не успело сделаться историей. После второй рюмки мы принимаемся рассуждать о том, чего все мы ожидаем от нашей поездки. А после третьей за столом устанавливается на удивление радушная атмосфера. Кажется, будто все мы знаем друг друга тысячу лет.

Переводчик признается, что смысл его жизни составляют три вещи: литература, путешествия и боевые искусства. В молодости я сам немного за-

нимался айкидо; Йо предлагает как-нибудь потренироваться вместе, чтобы скоротать время в дороге, если только коридор в нашем вагоне окажется не слишком узким.

Хиляль беседует с редакторшей, той, что не желала пускать ее в наш вагон. Я вижу, что обе они изо всех сил стараются преодолеть взаимную неприязнь, но чувствую: пребывание в этом тесном вагонном пространстве очень скоро усилит эту неприязнь, и между ними вновь засверкают молнии. Но, надеюсь, не сегодня.

Переводчик будто читает мои мысли. Разлив на всех оставшуюся водку, он заводит речь о том, как разрешаются конфликты в айкидо:

— По сути, это не совсем борьба. Прежде всего мы стремимся успокоить дух и приобщиться к источнику, из которого все происходит, отбросив всякое зло и эгоизм. Если вы проводите слишком много времени, выясняя, что хорошо и что плохо у другого человека, вы позабудете о собственной душе, и все кончится тем, что, опустошенные, вы потерпите поражение через энергию, которую затравили на то, чтобы судить других.

Никто не проявляет особого интереса к разглагольствованиям семидесятилетнего человека. Подогретое водкой веселье сменяется всеобщей апатией. В какой-то момент я выхожу в туалет, а вернувшись, обнаруживаю, что за столом уже никого.

Кроме Хиляль, разумеется.

— Где все? — интересуюсь я.

— Все были столь деликатны, что дожидались, пока вы встанете из-за стола, чтобы отправиться спать.

— Не пора ли и вам последовать их примеру?

— Второе купе, кажется, свободно...

Я подхватываю сумку и футляр со скрипкой, бережно, но твердо беру девушку за локоток и подталкиваю к дверям.

— Не искушайте судьбу. Спокойной ночи.

Молча взглянув на меня, Хиляль разворачивается и бредет к двери, чтобы перейти в другой вагон.

Вернувшись к себе, я вдруг понимаю, как я устал. Ставлю компьютер на стол, устраиваю своих святых — они всегда со мной — возле кровати и отправляюсь в ванную чистить зубы. Оказывается, это не так-то просто: вода в стакане подпрыгивает в такт покачиванию вагона, так что достичь цели мне удастся не с первой попытки.

Потом я надеваю футболку, в которой обычно сплю, выкуриваю сигарету, гашу свет, закрываю глаза и представляю себе, что это покачивание такое же уютное, как в материнском чреве, и что ангелы снизойдут этой ночью хранить мой сон. Тщетная надежда...

ГЛАЗА ХИЛЯЛЬ

Когда наступает утро, я встаю, одеваюсь и выхожу в гостиную. Все уже в сборе, включая Хиляль.

— Дайте мне расписку, что не возражаете против моего присутствия, — требует она вместо приветствия. — Знали бы вы, чего мне стоило сюда пробраться... Охранники во всех вагонах говорили, что пропустят меня только при одном условии...

Я решаю проигнорировать ее слова, здороваюсь со всеми и спрашиваю, как им спалось.

— Ужасно, — дружно отвечают они.

Выходит, я не один.

— А я прекрасно выпалась, — простодушно сообщает Хиляль, не обращая внимания на гневные взоры моих попутчиков. — Мой вагон в центре состава, и его почти не трясет. А в вашем просто невозможно находиться.

Мой издатель с трудом сдерживается, чтобы не сказать в ответ какую-нибудь грубость. Его жена достает сигарету и отворачивается к окну, пытаясь

скрыть раздражение. Дама-редакторша сидит с торжествующим видом, который говорит без слов: «Разве я не предупреждала, что эту девицу нельзя сюда пускать?!»

— Я каждый день записываю какую-нибудь мысль на стикере и приклеиваю его на зеркало, — говорит Яо. Он, по всей видимости, тоже прекрасно выспался.

Китаец встает, подходит к зеркалу и прикрепляет к стеклу стикер, на котором написано: «Если хочешь увидеть радугу, тебе придется полюбить дождь».

Никого особенно не вдохновляет это оптимистичное высказывание. Не нужно быть телепатом, чтобы прочесть мысли моих попутчиков: «Боже, неужели так будет продолжаться все девять тысяч километров?!»

— Я хотела бы показать вам одну фотографию из моего телефона, — говорит Хиляль. — И у меня с собой скрипка, если вы хотите послушать музыку.

Музыку мы и так слушаем: на кухне включено радио. Напряжение в вагоне растет; в любой момент может произойти взрыв, и я ничего не смогу с этим поделать.

— Знаете, для начала давайте спокойно позавтракаем. Вы тоже присоединяйтесь, если хотите. Потом я намерен немного поспать. А уж после этого я посмотрю ваше фото.

Меня прерывает грохот, похожий на раскат грома; мимо нас мчится встречный поезд. Так же было

и ночью, со столь чудовищной регулярностью, что вместо ощущения уютной колыбельки, раскачивавшийся вагон больше напоминал шейкер для коктейля. Помимо физической дурноты я чувствую себя виноватым перед всеми этими людьми, которых втравил в такую авантюру. Я начинаю понимать, почему головокружительный аттракцион с резкими подъемами и спусками принято называть «русскими горками».

Хиляль и переводчик-китаец несколько раз пытаются завести разговор, но ни издатель с женой, ни редактор, ни сам писатель, придумавший эту поездку, не спешат его поддержать. Завтрак проходит в молчании; пейзаж за окном не отличается разнообразием: поселки, леса, снова поселки и снова леса.

— Далеко еще до Екатеринбурга? — спрашивает издатель у Яо.

— Прибудем туда после полуночи.

У присутствующих вырывается вздох облегчения. Может быть, имеет смысл прекратить эксперимент и повернуть назад? Нет никакой нужды карабкаться на гору, дабы убедиться, что она высокая; не обязательно добираться до самого Владивостока, чтобы иметь возможность сказать, что ты проехал по Транссибирской магистрали.

— Ладно, пойду попробую заснуть.

Я встаю. Хиляль устремляется за мной.

— А расписка? А фотография из моего телефона?

Расписка? Ах да, ей нужно разрешение посещать наш вагон. Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, Яо стремительно набрасывает какой-то текст на русском языке и дает мне на подпись. Все пассажиры — включая меня — готовы его растерзать.

— Уточните, пожалуйста: не более одного раза в день.

Я вносит соответствующее уточнение и уходит завизировать расписку у охраны.

— А фотография?

Я уже решительно на все согласен, лишь бы поскорее добраться до постели, однако раздражать попутчиков, которые к тому же оплатили эту поездку, мне совсем не хочется. Я предлагаю Хиляль пройтись до конца вагона. Мы открываем дверь и попадаем в тесный тамбур. К стуку колес прибавляется скрип вагонных сцеплений, и шум делается попросту невыносимым.

Хиляль показывает мне снимок, сделанный сразу после восхода солнца. Длинное облако в синем небе.

— Вот, видите?

Ну да, вижу. Облако как облако.

— Оно следует за нами.

Ну-ну, значит, нас преследует облако, которое к тому же успело совсем рассеяться. Я согласно киваю в надежде поскорее закончить разговор.

— Вы правы. Мы с вами обсудим это позже. А пока почему бы вам не пойти к себе?

— Не могу. Вы же дали мне разрешение приходить к вам один раз в день.

Должно быть, усталость затмила мой разум, и я породил чудовище. Поскольку ей можно приходить только один раз в день, это означает, что она будет здесь с утра до вечера. Что ж, эту ошибку надо исправить.

— Послушайте, я в этом поезде гость, такой же, как и вы. Я бы с удовольствием проводил с вами больше времени, ведь в вас столько энергии и вы не признаете слова «нет», но беда в том...

Ее глаза. Зеленые, совсем без косметики.

— Беда в том...

Кажется, я совсем обессилел. Суток без сна достаточно, чтобы человек сделался вялым и беззащитным. Именно в таком состоянии я и пребываю. Очертания тамбура начинают тускнеть и расплываться. Звуки стихают и отдаляются, сознание мутится, и я перестаю понимать, кто я и где нахожусь. Я точно знаю, что прошу Хиляль послушаться меня и вернуться в свой вагон, но слова, которые произношу, почти не имеют к этому никакого отношения.

Я смотрю на свет в священном месте, и волны этого света омывают меня, наполняя душу покоем и любовью, которые редко идут рука об руку. Я вижу себя со стороны, а еще вижу африканских слонов с воздетыми к небу хоботами, верблюдов в пустыне, завсегдатаев бара в Буэнос-Айресе, пса, перебегающего улицу, кисть, которой водит женская

рука, рисующая розу, заснеженную вершину в Швейцарии, монахов, поющих диковинные гимны, пилигрима на пороге церкви в Сантьяго-де-Компостела, солдат, которые поднимаются с рассветом и готовятся к бою, пастуха, гонящего отару, рыб в океане, города и леса, — весь мир, огромный и сияющий, маленький и тихий.

Это Алеф, точка единения всего сущего, в которой совмещаются и время, и пространство.

Передо мной окно в мир, со всеми его тайными уголками, утраченной во времени поэзией и словами, застывшими в пространстве. Эти глаза говорят мне о вещах, о которых мы даже еще не знаем, но тем не менее они существуют, ожидая, когда их откроют и познают не физически, но духовно. Слышу высказывания столь понятные, что их нет смысла произносить. Предощущаю чувства, одновременно возвеличивающие и подавляющие.

Я стою перед дверьми, которые на долю секунды приоткрываются, и я успеваю увидеть то, что за ними сокрыто: сокровища и ловушки, нехоженые пути и невообразимые путешествия.

— Почему ты так смотришь на меня? Зачем я все это вижу в твоих глазах?

Это говорю не я, а женщина, стоящая передо мной. Наши глаза стали зеркалами наших душ, а может быть, не только наших, но душ всех людей на земле, всех, кто в эту минуту странствует, любит, рождается, умирает, страдает и грезит.

— Это не я... Это просто...

Я не успеваю договорить, потому что двери приоткрываются вновь. Я вижу правду и ложь, ритуальные танцы у статуи богини, моряков в бушующем море и влюбленных на пляже, смотрящих в то же самое море, ласковое и безмятежное. Двери все продолжают открываться, эти двери в глазах Хиляль, и там наконец я вижу себя, и мне кажется, будто мы знаем друг друга очень-очень давно...

— Что с вами? — спрашивает она.

— Алеф...

Из этих женских глаз, сквозь приоткрытые двери, вот-вот готовы прорваться слезы. Кто-то назвал однажды слезы кровью души, и теперь я понимаю, что это так, потому что я шагнул в туннель, ведущий в прошлое, и она ждет меня там, сжав руки в мольбе, словно повторяя самую священную из молитв, когда-либо данных людям Господом. Да, она там, передо мной, она стоит на коленях и с улыбкой на устах повторяет, что любовь может все превозмочь, но я смотрю на мою одежду, на мою руку, сжимающую перо...

— Довольно! — кричу я.

Хиляль закрывает глаза.

Мы снова в вагоне поезда, который несется по Сибири к Тихому океану. Я чувствую себя еще более опустошенным, чем прежде, и хотя отчетливо понимаю, что произошло, не в состоянии это объяснить.

Хиляль обнимает меня. Я прижимаю ее к себе и глажу ее волосы.

— Я знала, — говорит девушка. — Знала, что мы встречались прежде. Я поняла это, когда впервые увидела вашу фотографию. И что мы обязательно должны где-то встретиться и в этой жизни. Друзья мне говорили, что я спятила, что тысячи людей на земле наверняка говорят так о тысячах других людей. Я даже была готова с ними согласиться, но жизнь... жизнь привела тебя ко мне. Ты ведь пришел за мной, правда?

Я постепенно прихожу в себя. Я понимаю, о чем говорит Хиляль: много веков назад я прошел в одну из тех дверей, что только что открылись мне в ее глазах. Хиляль была там, и не только она. Я осторожно интересуюсь, что она видела.

— Все. Вряд ли я когда-нибудь смогу об этом рассказать, но в то мгновение, когда я прикрыла глаза, мне было так хорошо, спокойно, совсем как... дома.

Хиляль не знает, о чем говорит. Пока не знает. А я знаю. Я беру ее сумки и направляюсь обратно в вагон.

— Сейчас у меня просто нет сил ни думать, ни разговаривать. Посидите пока у нас, почитайте что-нибудь, дайте мне немного отдохнуть и прийти в себя. Если вас станут отсылать обратно, скажите, это я попросил, чтобы вы остались.

Хиляль послушно идет за мной. Добравшись до своего купе, я прямо в одежде падаю на кровать и тут же проваливаюсь в глубокий сон.

Кто-то стучит в мою дверь.

— Через десять минут прибываем.

Открыв глаза, я обнаруживаю, что за окном темно. Уже перевалило за полночь. Я проспал целый день и теперь уже не засну.

— Вагон отцепят, и он будет стоять на запасном пути, так что берите с собой только самое необходимое на два дня, — продолжает тот же голос, который меня разбудил.

Я поднимаю жалюзи. Впереди мелькают вокзальные огни, поезд замедляет ход, мы действительно прибываем на станцию. Умывшись, я на скорую руку собираю вещи. Постепенно ко мне возвращаются воспоминания о пережитом в это утро.

Выйдя из купе, я обнаруживаю, что все стоят в коридоре за исключением Хиляль, которая продолжает сидеть на том же месте, где я ее оставил. Она не улыбается мне, как обычно, и тут же протягивает листок бумаги.

— Яо дал мне разрешение.

Яо шепчет мне на ухо:

— Вы читали «Дао Дэ Цзин»?

Разумеется, читал, как практически все люди моего поколения.

— Тогда вам должно быть знакомо изречение: «Отдавая энергию, ты никогда не состаришься».

Он едва заметно кивает в сторону девушки. Я нахожу его замечание бестактным.

— Если вы намекаете...

— Ни на что я не намекаю. Если вы неверно меня поняли, то лишь оттого, что это понимание сидит в вас самих. Я имел в виду, коли вы не поняли слова Лао-цзы: делясь с окружающим миром своими чувствами, ты будешь вознагражден. Насколько я понимаю, она как раз тот человек, который способен вам помочь.

Неужели Хилиаль ему обо всем рассказала? Или Яо случайно видел нас там, в тамбуре? И неужели он понял, что тогда случилось?

— Вы верите в существование духовного мира? В параллельную вселенную, где пространство и время всегда пребывают в настоящем? — спрашиваю я.

Слышится скрип тормозов. Яо кивает, и я вижу, как он тщательно взвешивает слова, прежде чем ответить:

— Я не верю в Бога в общепринятом понимании. Зато я верю во множество вещей, которых вы себе даже не представляете. Если завтра вечером у

Глаза Хиляль

вас найдется свободное время, мы могли бы прогуляться и побеседовать.

Поезд останавливается. Хиляль наконец встает и подходит к нам. Яо улыбается и сердечно ее обнимает. Мы надеваем куртки и ровно в час четыре минуты ступаем на землю Екатеринбурга.

ИПАТЬЕВСКИЙ ДОМ

Вездесущая Хиляль куда-то запропастилась. Я думал найти ее в лобби гостиницы, но девушки там не оказалось. Несмотря на то что я проспал почти весь предыдущий день, в первую ночь «на твердой земле» мне тоже удалось поспать. Я звоню Яо, и мы отправляемся на прогулку по городу. Это как раз то, что мне сейчас нужно: ходить, ходить и ходить, дышать свежим воздухом, смотреть на город, в котором никогда не был, и наслаждаться мыслью, что в этот момент он мой.

По пути Яо сообщает мне факты, видимо, позаимствованные им из путеводителя, — Екатеринбург третий по величине город России, его окрестности богаты полезными ископаемыми, и все в таком роде — но я слушаю вполуха. Наконец мы останавливаемся у величественного православного собора.

— Это Храм-на-Крови, его построили на месте дома Николая Ипатьева. Давайте зайдём.

Я соглашаюсь, тем более что на улице холодно. Внутри располагается небольшой музей, экспонаты снабжены табличками на русском языке.

Яо смотрит на меня так, словно я должен о чем-то догадаться.

— Вы ничего не чувствуете?

Ровным счетом ничего. Мой спутник выглядит разочарованным:

— То есть у вас, человека, который верит в параллельные миры и в то, что настоящее вечно, это место не вызывает никаких эмоций?

На это я мог бы ответить, что именно потому я и оказался в России после разговора с Ж., в котором мы говорили о моей неспособности соотноситься с духовным миром. Хотя теперь это, по сути, не совсем так. С тех пор как покинул Лондон, я стал другим человеком, я чувствую покой и радость оттого, что предпринял это путешествие — чтобы вернуть себе свое царство и свою душу. На долю секунды в моей памяти всплывает эпизод в тамбуре и глаза Хиляль, но я спешу прогнать непрощенное воспоминание.

— Если я ничего не чувствую, это вовсе не значит, что я вообще не в состоянии что-то чувствовать. Возможно, моя энергия направлена на нечто иное. Мы с вами находимся в недавно построенном храме. И что же здесь произошло?

— В Ипатьевском доме закончила свои дни Российская империя. В ночь с 16-го на 17 июля 1918 года в этих стенах был расстрелян последний русский

царь Николай Второй вместе со всей семьей, доктором и тремя слугами. Первым убили царя, несколькими выстрелами, в голову и грудь. Последними погибли великие княжны Анастасия, Татьяна, Ольга и Мария, их добивали штыками. Рассказывают, что их призраки появляются в этом месте, они как будто ищут здесь свои драгоценности. Когда Борис Ельцин был первым лицом в Екатеринбурге, по его приказу дом Ипатьева был снесен. Зато потом, став президентом, он приказал построить на этом месте храм, чтобы упокоить души убитых и чтобы Россия могла вернуть себе прежнее величие.

— Зачем вы привели меня сюда?

Впервые со дня нашего знакомства Яо кажется смущенным.

— Потому что вчера вы спросили, верю ли я в Бога. Верил, пока Он не отнял у меня самое дорогое — мою жену. Я привык думать, что уйду раньше, но вышло иначе. Когда мы встретились, мне показалось, я знаю ее всю жизнь. В тот день был сильный дождь, и она решительно отклонила мое предложение переждать его у меня за чашкой чая, но я уже знал, что мы облака на небе, про которые невозможно сказать, где кончается одно и начинается другое. Через год мы поженились, и это было самым естественным делом. У нас родились дети, мы молились Богу и свято чтити семейные узы... Но однажды подул ветер, и облака рассеялись.

Я терпеливо жду, пока Яо выговорится.

— Это нечестно. Нечестно. Возможно, это звучит чудовишно, но я предпочел бы, чтобы мы умерли вместе, вместе перешли в иную жизнь, как царь и его семья.

Я чувствую, что мой переводчик сказал не все, что хотел. Он ждет моего ответа, но я по-прежнему молчу. В этот миг мне кажется, что призраки убитых и в самом деле нас окружают.

— Когда я увидел вас с той девушкой в тамбуре, увидел, как вы смотрите друг на друга, я вспомнил свою жену, вспомнил, как прежде чем нарушить тишину, мы обменивались мгновенным взглядом, словно без слов говоря друг другу: «Мы снова вместе». Поэтому я решил привести вас сюда. Я хотел узнать, способны ли вы видеть мир иной, хотел спросить, где сейчас моя жена.

Значит, Яо и в самом деле видел нас в тот момент, когда нам с Хиляль открылся Алеф.

Я в последний раз оглядываюсь по сторонам, благодарю китайца за то, что он показал мне это место, и предлагаю идти дальше.

— Не заставляйте ее страдать. Всякий раз, когда она на вас смотрит, мне кажется, будто вы очень давно знакомы.

Про себя я точно знаю, что мне незачем даже думать об этом.

— В поезде вы спросили, не хочу ли я провести с вами вечер. Ваше предложение в силе? Мы могли бы поговорить обо всем этом позже. Если бы вы

хоть раз видели, как я люблюсь своей женой, пока она спит, вы смогли бы прочесть по моим глазам, почему мы прожили вместе почти тридцать лет.

* * *

Пешие прогулки идут на пользу и телу, и душе. Мне наконец удастся целиком сосредоточиться на настоящем, где присутствуют все знаки, все параллельные миры и все чудеса, какие только можно встретить. Времени в самом деле не существует. Яо может говорить о расстреле царской семьи, будто это случилось вчера, и демонстрировать свои душевные раны, полученные словно несколько минут назад, зато платформа московского вокзала мне вспоминается так, словно принадлежит далекому прошлому.

Мы сидим на скамейке в парке и смотрим, как мимо нас проходят люди. Женщины с детьми, куда-то спешащие мужчины, стайки молодежи. Мальчишки слушают музыку из включенного на полную мощность радио, а девочки напротив них оживленно болтают какой-то ерунде. Пожилые люди одеты в долгополые зимние пальто, хотя на улице уже весна. Яо покупает два хот-дога и возвращается ко мне.

— Писать книги трудно? — спрашивает он.

— Нет. А изучать иностранные языки?

— Тоже нет. Нужно лишь внимание и усидчивость.

— Не знаю, я всю мою жизнь проявлял эти качества, но ничему не научился помимо того, что усвоил в юности.

— А я никогда даже не пытался писать, поскольку мне еще в детстве внушили, что для этого следует очень много заниматься, читать скучные книжки и общаться с интеллектуалами. Терпеть не могу интеллектуалов.

Не могу понять, стоит ли принимать последние слова на свой счет. К счастью, хот-дог избавляет меня от необходимости отвечать. Мысли мои возвращаются к Хиляль и Алефу. Что если девушку напугал этот опыт, и она решила вернуться домой и не продолжать путешествие? Несколько месяцев назад я был бы доведен до исступления, полагая, что мое ученичество зависит от подобного действия и вдруг обнаружив, что не могу довести его до конца. Но сегодня солнечный день, и если мир пребывает в состоянии покоя, то именно поэтому.

— А что нужно для того, чтобы написать книгу? — спрашивает Яо.

— Любить. Как вы любили свою жену, точнее, как вы ее любите.

— И все?

— Посмотрите на этот парк. Здесь можно найти множество самых разных историй, и хотя большинство из них рассказано уже не раз, они заслуживают того, чтобы их рассказали вновь. Писатель, певец, садовник, переводчик — все мы — зеркало, в котором отражается наша эпоха. Все мы привно-

сим в то, что делаем, нашу любовь. В моем случае, естественно, важно много читать, однако всякий, кто излишне полагается на академические издания и курсы, на которых учат писать, упускает главное: слова — это жизнь, перенесенная на бумагу. Если вам нужны истории, ищите их у других людей.

— Литературные курсы в нашем университете всегда казались мне такими...

— ...искусственными, — договариваю я за него. — Еще никто не научился любить по учебнику и никто не сделался писателем, прослушав такой курс. Учиться надо не у писателей, а у других людей, занятых непохожим на ваш трудом, потому что писательство нисколько не отличается от другого рода деятельности, которой люди предаются с радостью и воодушевлением.

— Вы могли бы написать о последних днях Николая Второго?

— Сказать по правде, это не та тема, которая может меня увлечь. История волнующая, не спору, но для меня писать — значит прежде всего открывать нечто новое в себе самом. Если вы позволите дать вам совет, я скажу: не робейте перед чужими мнениями. Только посредственность всегда в себе уверена, так что рискните и делайте то, чего вам на самом деле хочется. Ищите людей, которые не боятся ошибаться и которые, конечно, ошибаются. Из-за этого их деятельность часто не находит признания, но именно такие люди, совершив немало ошибок, в конце концов создают что-то такое, что

совершенно меняет жизнь их современников — а следовательно, меняет мир.

— Как Хиляль.

— Да, как Хиляль. Но я должен сказать вам одну вещь: моя жена значит для меня не меньше, чем для вас ваша. Я не святой, и передо мной не стоит такой цели — обрести святость, однако, пользуясь вашей метафорой, мы с ней — два облака на небе, и сейчас эти облака слились в одно. Мы были двумя глыбами льда, но солнце растопило лед, и обе глыбы превратились в один живой ручей.

— И все же, когда в тамбуре я увидел, как вы с Хиляль смотрите друг на друга...

Я не отвечаю, и он наконец умолкает.

Парни и девушки все еще сохраняют дистанцию и упорно не смотрят друг на друга, хотя по всему видно, что и те и другие питают друг к другу неподдельный интерес. Старики, глядя на них, предаются воспоминаниям о собственной юности. Матери улыбаются своим детям, своим будущим художникам, миллионерам и президентам. Наглядная картинка живой жизни.

— Я жил в разных странах, — говорит Яо. — Я знал тяжелые времена, видел немало несправедливости, мне приходилось ударять в грязь лицом и разочаровывать тех, кто в меня верил. Но теперь все это представляется мне несущественным. Зато в памяти остаются песни, истории, всевозможные радости жизни. Моя жена умерла двадцать лет назад, а мне все кажется, что это было вчера. Она и

сейчас здесь, сидит на скамейке рядом с нами и вспоминает о счастливых днях, что мы прожили вместе.

Да, она здесь, я и сам готов был убеждать в этом Яо, если бы сумел найти слова.

Мои чувства обострены до предела, почти так же, как когда я узрел Алеф и понял, о чем говорил Ж. Я пока не знаю, что с этим делать, но, по крайней мере, отдаю себе в этом отчет.

— Если у вас есть история, ее непременно стоит рассказать. Хотя бы своим близким. Сколько у вас детей?

— Двое сыновей и две дочери. Только детей мои истории не интересуют, да они уже не раз их слышали. Вы напишете книгу о путешествии по Транссибирской магистрали?

— Нет.

Даже если бы я хотел, где мне найти слова, чтобы описать Алеф?

АЛЕФ

Вездесущая Хиляль так и не объявилась. Во время ужина я не выказал своих чувств, только заметил, что автограф-сессия прошла прекрасно, и поблагодарил организаторов поездки за русскую музыку и танцы на вечеринке после встречи с читателями (ведь джаз-банды, как в Москве, так и в других городах и странах, предпочитают проверенный интернациональный репертуар), и только в конце поинтересовался, сообщил ли кто-нибудь Хиляль адрес ресторана.

Все с недоумением уставились на меня. Ну разумеется, нет! Они-то думали, что я мечтаю поскорее избавиться от нее как от чумной. И всем нам очень повезло, что она не явилась на автограф-сессию.

— С нее станется снова устроить скрипичный концерт, чтобы напроситься на ужин, — едко замечает редакторша.

Я сидит на другом конце стола. Он-то знает, что я думаю на самом деле. Вот бы она была здесь.

Только зачем? Чтобы снова видеть Алеф и пройти в двери, за которыми нет ничего, кроме тягостных воспоминаний? Я имею представление, куда ведут эти двери, я четырежды переступал этот порог, но так и не нашел ответа, который был мне необходим. И не за этим я отправился в столь долгий путь.

Ужин подходит к концу. Двое выбранных наугад читателей фотографируются со мной и спрашивают, не хочу ли я, чтобы они показали мне город. Конечно хочу.

— Только на сегодня у нас свои планы, — говорит Яо.

Раздражение издателей, адресованное прежде Хиляль, которая так настойчиво претендовала на то, чтобы быть все время рядом со мной, мгновенно обращается на переводчика: они его наняли, а у него, видите ли, на меня какие-то планы.

— Пауло устал, — говорит мой издатель. — У него был очень длинный день.

— Но он вовсе не устал. Энергия в Пауло бьет ключом после встречи с той любовью, которую испытывают к нему читатели.

Издатели насторожились не зря. Несмотря на возраст, Яо претендует на высокую должность в «моем царстве» и даже не думает это скрывать. Я разделяю печаль этого человека, потерявшего любимую женщину, и однажды найду для него слова утешения. Боюсь только, что у него припасена для меня «удивительная история, из которой получится прекрасная книга». Эти слова я слышал бес-

счетное число раз, преимущественно от тех, кто пережил потерю близких.

Я решаю сделать так, чтобы все остались довольны:

— Мы сейчас отправимся с Яо в гостиницу. А потом мне хотелось бы немного побыть одному.

С начала путешествия это будет мой первый одинокий вечер.

* * *

На улице сильно похолодало, и ветер дует действительно ледяной. Мы идем по многолюдному проспекту, и все, кого встречаем по пути, так же, как и мы, торопятся поскорее оказаться в тепле. Магазины закрываются, неоновые вывески гаснут, стулья перевернуты на столы. И все же после полутора суток, проведенных в вагоне, зная, как много тысяч километров нам еще остается проехать, мне необходимо пользоваться любой возможностью совершить моцион.

Яо подходит к ларьку с напитками и покупает апельсиновый сок. Пить мне совсем не хочется, но немного витамина С в такой холод, пожалуй, не помешает.

— Держите стакан.

Я не знаю его планов, но послушно выполняю то, что он велит. Наш путь лежит к центру, а улица, по которой идем, должно быть, главная в Екате-

ринбурге. Пройдя немного, мы останавливаемся у входа в кинотеатр.

— Отлично. В этом капюшоне вас точно никто не узнает. Давайте начнем побираться здесь.

— Побираться? Послушайте, я ничего подобного не делал с тех пор, как хипповал в юности, и кроме того, это оскорбительно по отношению к тем, кто и вправду нуждается.

— Но вы и вправду нуждаетесь. В Ипатьевском доме были моменты, когда вас вообще не было рядом; вы казались мне очень далеким, в плену у прошлого; крепко вцепившись в то, чего достигли, вы никак не желали со всем этим расставаться. Я беспокоюсь за вас, и за девочку тоже. И если вы действительно хотите измениться, попрошайничество поможет вам стать более чистым и открытым.

Я и сам беспокоюсь о девочке, но отвечаю Яо — прекрасно понимая, о чем он говорит, — что одним из многих поводов, побудивших меня предпринять эту поездку, было желание вернуться в прошлое, к тому, что лежит под спудом, — к моим корням.

Я даже собираюсь рассказать Яо о китайском бамбуке, но в последний момент передумываю.

— По-моему, это вы заблудились во времени. Вы не можете смириться с уходом жены, не желаете ее отпустить. Вот почему она всегда рядом с вами, утешает вас вместо того, чтобы устремиться к Божественному Свету и обрести покой. Никто никого не теряет. Все мы частички мировой души, и для того чтобы мир существовал, а мы могли снова

встретиться однажды, ей необходимо постоянно расти и развиваться. Скорбеть бессмысленно.

Немного подумав, Яо произносит:

— Но это неполный ответ.

— Да, неполный, — соглашаюсь я. — Когда настанет время, я вам все объясню. А сейчас пойдете в отель.

Яо, протягивая свой стаканчик, начинает просить милостыню у прохожих. Он явно ждет, что я к нему присоединюсь.

— Дзен-буддистские монахи в Японии рассказали мне о *такухатцу*, паломничестве нищих. Кроме сбора пожертвований для монастыря, живущего на подношения, такая практика учит послушников смирению. Но есть у этого и другая цель — очистить город, в котором живет монах. Согласно философии Дзен, просящий милостыню, дающий ее, а также само пожертвование — важные звенья в цепи равновесия. Не только просящий получает то, в чем нуждается, но и дающий. Пожертвование связует требы одного и другого, и это улучшает атмосферу в городе, ведь каждый в любом качестве может принять участие в этом обмене. Вы совершаете паломничество, и теперь настало время сделать что-то для городов, через которые вы проезжаете.

Я поражен настолько, что не нахожу слов. Заметив мое смущение, Яо решает, что зашел слишком далеко, и убирает стаканчик в карман.

— Не надо, — говорю я. — Это действительно отличная идея!

Следующие десять минут мы проводим, стоя через дорогу друг от друга, переминаясь с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть, и протягивая проходим свои пластиковые стаканчики. Я поначалу робею и молчу, но вскоре набираюсь смелости и начинаю просить по-настоящему: помогите заплутавшему чужеземцу.

Не то чтобы мне было трудно просить. Я знаю немало истинно щедрых и великодушных людей, которые охотно помогают ближним и искренне радуются, когда к ним обращаются за советом или поддержкой. И это прекрасно; воистину, что может быть лучше — помогать ближнему? И в то же время мне почти не доводилось встречать таких, кто умеет принимать дары — даже принесенные с любовью и открытым сердцем. Люди, принимая помощь, чувствуют себя униженными, словно зависимость от кого-то — свидетельство их недостойности. Они думают: «Если нам предлагают помощь, значит, считают, что мы неспособны добиться этого сами». Или: «Сегодня он мне помог, а потом потребует долг с процентами». Или того хуже: «Я не заслуживаю такого доброго отношения».

Мне хватает десяти минут, чтобы вспомнить, кто я такой, усвоить урок и освободиться. Когда я перехожу улицу и присоединяюсь к Яо, в моем стаканчике содержится сумма, равная одиннадцати долларам. У Яо примерно столько же. Что бы он ни говорил, мне доставило удовольствие возвращение в прошлое. Я заново пережил то, чего со мной не

случалось уже много лет, и через этот опыт очистился не только город, но и я сам.

— Что будем делать с деньгами? — спрашиваю я.

Китаец в который раз предстает передо мной в совершенно новом свете. Что-то знает он, что-то я, и мы вполне можем продолжить наш обмен знаниями.

— Теоретически эти деньги наши, потому что их дали нам, но я думаю, их лучше держать отдельно и потратить на что-то такое, что покажется нам важным.

Я решаю, что так тому и быть, и прячу монеты в левый карман. В отель мы направляемся бодрым шагом, потому что за время, проведенное на холоде, все полученные за ужином калории мы израсходовали без остатка.

* * *

Войдя в лобби, мы видим вездесущую Хиляль. С ней очень красивая дама и джентльмен в костюме и при галстуке.

— Привет, — здороваюсь я с Хиляль. — А я решил, что вы прервали ваше путешествие. Но тем не менее мне было приятно разделить с вами его первый этап. А это ваши родители?

Мужчина остается непроницаемым, а дама смеется.

— Хотела бы я иметь такую дочь! Эта девочка большой талант. Жаль, что она уделяет своему при-

званию так мало времени. Мир теряет великого музыканта.

Хиляль притворяется, будто ничего не слышала, и запальчиво говорит мне:

— Привет?! Это все, что вы можете сказать после случившегося в поезде?

Женщина смотрит на меня с изумлением и ужасом. Представить ход ее мыслей нетрудно: что же это было у вас в поезде? Да вы ей в отцы годитесь!

Яо деликатно просит разрешения подняться к себе в номер. Мужчина в костюме по-прежнему отмалчивается, возможно, он просто не понимает по-английски.

— Насколько я помню, в поезде ничего не случилось, по крайней мере такого, о чем стоило бы говорить. А что вы, собственно, хотели услышать? Что мне вас не хватало? Что ж, если вам угодно, я весь день о вас беспокоился.

Дама переводит мои слова мужчине в галстук, и все трое, включая Хиляль, улыбаются. Я сказал именно то, что хотел сказать, а девушка услышала то, что хотела услышать: я о ней думал.

Я прошу Яо немного задержаться: судя по всему, нам предстоит долгий разговор. Мы усаживаемся в кресла и заказываем чай. Мужчина в костюме оказывается директором местной консерватории, а красивая дама преподает там игру на скрипке.

— Я полагаю, что Хиляль зарывает свой талант в землю, — вздыхает она. — Эта девочка так не уверена в себе, я всегда это говорила, повторю и сей-

час. Вечно ей кажется, что у нее ничего не выйдет, что ее не ценят, что людям не нравится ее игра. Но это неправда.

Хиляль не уверена в себе? Лично мне еще не приходилось встречать столь незакомплексованных особ.

— И как все люди тонкой душевной организации, — смотрит на меня своим нежным умиротворяющим взглядом преподавательница, — она бывает порой немного... скажем так, неуравновешенной.

— Неуравновешенной! — фыркает Хиляль. — Скажите лучше сумасшедшей!

Дама с участием смотрит на нее, потом переводит взгляд на меня, ожидая ответа. Я молчу.

— Мне кажется, вы могли бы ей помочь. Как я поняла, в Москве вы слышали, как она играет, и видели, какое впечатление производит ее игра. Вы наверняка понимаете, что она талантлива, ведь московская публика очень привередлива, когда речь идет о музыке. Хиляль дисциплинированная, много занимается, куда больше других, она уже играла в больших оркестрах в России и ездила с одним из них на гастроли за границу. Но потом что-то случилось, и она словно остановилась в своем развитии.

Я готов верить, что эта женщина искренне беспокоится о Хиляль и хочет ей помочь, как и все мы. Но от слов «потом что-то случилось, и она остановилась в своем развитии», мне делается не по себе. Разве не по этой же причине я оказался здесь?

Господин в костюме не принимает участия в беседе; должно быть, его роль заключается в том, чтобы оказывать моральную поддержку талантливой молодой скрипачке и прекрасной женщине с нежными глазами. Я с отсутствующим видом прихлебывает чай.

— Что же я могу сделать?

— Вы и сами знаете. Хиляль уже не ребенок, но родители очень за нее беспокоятся. Нельзя допустить, чтобы она прервала репетиции и отправилась в погоню за иллюзией.

Дама умолкает, почувствовав, что сказала что-то не то.

— Я хочу сказать, что ничего не имею против того, чтобы Хиляль съездила к Тихому океану, но только не сейчас, не в разгар подготовки к концерту.

Я согласно киваю. Что бы я ни сказал, Хиляль все равно поступит по-своему. Скорее всего, она притащила сюда своих наставников, чтобы устроить мне проверку, чтобы с их помощью определить, хочу ли я, чтобы она продолжила путешествие, или ей стоит остановиться.

— Я очень благодарен вам за то, что вы пришли. Я ценю вашу заботу о девочке и преданность музыке, — говорю я, вставая. — Но дело в том, что я не приглашал Хиляль в это путешествие. Не покупал ей билет. Сказать по правде, я ее едва знаю.

Глаза Хиляль кричат: «Лжец!» — но я продолжаю:

— Если завтра она решит поехать с нами в Новосибирск, я не смогу ей этого запретить. Хотя, по моему, Хиляль лучше остаться дома, и если вы сможете ее в этом убедить, большинство моих попутчиков будут вам за это благодарны.

Яо и Хиляль громко смеются.

Красавица благодарит меня, выражает надежду, что мы друг друга поняли, и обещает серьезно поговорить с Хиляль о ее дальнейшей жизни. Мы прощаемся, человек в костюме пожимает мне руку, и по его улыбке я вдруг понимаю, что он был бы только рад, если бы девушка отправилась со мной. Похоже, она успела сделаться головной болью всего оркестра.

Я благодарит меня за приятный вечер и отправляется в номер. Хиляль не двигается с места.

— Я иду спать, — объявляю я. — Наш разговор вы слышали. Чего я не могу понять, так это зачем вы пошли в консерваторию. Хотели спросить разрешения у наставников или подразнить коллег, сообщив им, что вы путешествуете с нами?

— Мне надо было понять, существую ли я на самом деле. После того что случилось в поезде, я уже ни в чем не уверена. Что это было?

Я ее понимаю. Алеф впервые открылся мне в 1982 году в концлагере Дахау. Несколько дней я был словно в тумане, и если бы не жена, которая помогла мне во всем разобраться, я бы решил, что со мной случился удар.

— Как это было? — спрашиваю я.

— Мое сердце стучало как бешеное, и мне показалось, будто я покинула этот мир. Я запаниковала, решив, что вот-вот умру. Все вокруг было таким

странным, и, если бы вы не схватили меня за руку, я не смогла бы даже пошевелиться. Я чувствовала, что вижу нечто важное, но ничего не понимала.

Мне так и хочется сказать: «Привыкайте».

— Это Алеф, — говорю я.

— Да, я слышала, как вы произнесли это слово, хоть и была в казавшемся бесконечным трансе, не похожем ни на какой мой прежний опыт.

От одного воспоминания о той минуте в глазах девушки появляется страх. Именно теперь и следует принять решение.

— Вы все еще хотите ехать?

— Еще бы, даже сильнее, чем прежде! Страх всегда возбуждал меня. Помните историю, которую я рассказывала в посольстве?..

Я прошу Хиляль заказать в баре кофе, так как официантов уже не видно: время позднее, в баре никого не осталось, и бармен явно торопится погасить в зале свет. После недолгого спора с барменом девушка возвращается с двумя чашками кофе по-турецки. Мне, как большинству бразильцев, не сложно выпить на ночь крепкого кофе: мой сон зависит совсем от других вещей.

— Как видите, Алеф не поддается описанию, однако в Традиции существует два его толкования. Одни говорят, что это точка во вселенной, которая вмещает в себя все другие точки, вмещает прошлое и настоящее, большое и малое. Обычно в это состояние входят случайно, как это было с нами в поезде. Для того чтобы это произошло, необходимо

оказаться в определенном месте, где Алеф существует. Мы называем это малым Алефом.

— Вы хотите сказать, что любой, кто зайдет в вагон и остановится на том месте, почувствует то же, что и мы?

— Позвольте мне договорить, и вы сами все поймете. Да, почувствует, но не то же, что и мы, а нечто иное. Вам несомненно доводилось бывать на вечеринках, и вы знаете, что каждый испытывает наибольший комфорт и спокойствие в какой-то одной части помещения. Так же и с Алефом: Божественную энергию каждый ощущает по-своему. Если вы правильно выберете для себя место, эта энергия поможет вам чувствовать себя увереннее и полнее насладиться тем, что происходит вокруг. Если бы кто-то еще прошел через ту точку в тамбуре, у него возникло бы странное чувство, словно он внезапно узнал все тайны бытия, однако если он не попытается разобраться в своих ощущениях, они вскоре рассеются.

— Сколько всего в мире таких точек?

— Не знаю, возможно, миллионы.

— А второй способ?

— Давайте сначала покончим с первым. Пример с вечеринкой — это всего лишь образ. Малый Алеф всегда возникает неожиданно. Вы идете по улице или сидите где-нибудь, и вдруг перед вами открывается вселенная. В первое мгновение вам непременно хочется плакать — не от страха или радости, а от воодушевления. Оттого, что вы *пони-*

маете нечто такое, чего не можете объяснить даже самой себе.

К нам подходит бармен, что-то говорит по-русски и протягивает мне на подпись чек. Хиляль объясняет, что нам пора уходить. Мы направляемся к выходу.

Свисток судьи спасает команду.

— Ну, так как? Каков же второй способ?

Похоже, игра еще не окончена: объявлено дополнительное время.

— Это то, что называется большим Алефом.

Пожалуй, мне и правда лучше объяснить все сейчас, чтобы она могла вернуться в консерваторию и забыть обо всем, что случилось.

— Большой Алеф происходит, когда два или больше человека, связанные духовным родством, попадают в точку малого Алефа. Разнородные энергии дополняют друг друга и вызывают цепную реакцию. И тогда две эти энергии...

Я не уверен, что мне следует продолжать, но у меня уже нет выбора. Хиляль договаривает сама:

— Это как положительный и отрицательный полюса в батарее, и когда они соединятся, фонарь загорается. Разнонаправленные энергии преобразуются в один световой поток. Это планеты, которые притягивают друг друга до полного слияния. Это влюбленные, что встречаются после очень долгой разлуки. Большой Алеф тоже открывается внезапно, когда два человека, которым судьбой угото-

вана одна миссия, встречаются в определенной точке во времени и пространстве.

Так и есть, но мне важно удостовериться, что Хиляль верно все поняла.

— Что значит в определенной точке? — спрашиваю я.

— Эти люди могут прожить всю жизнь бок о бок или вместе работать, или встретиться лишь однажды, чтобы навсегда расстаться, если им не довелось пройти через эту физическую точку, в которой только и может случиться то, для чего они встретились. И они расстаются, сами не понимая, почему так произошло, для чего они встретились. Но если на то будет Господня воля, те, в чьих сердцах однажды вспыхнула любовь, снова найдут друг друга.

— Не обязательно любовь, эти люди могут быть духовно близки, как мы с моим наставником...

— ...в прошлой жизни, — снова подхватывает Хиляль. — А если двое встретятся, скажем, на вечеринке, как в вашем примере, и попадут в малый Алеф, они немедленно влюбятся друг в друга. Это и есть любовь с первого взгляда.

Я решаю развить эту тему.

— Хотя на самом деле она вовсе не с «первого взгляда», ибо это чувство связано с целым рядом вещей, произошедших в прошлом. Это вовсе не значит, что *любая* такая встреча порождает романтическую любовь. Как правило, это происходит оттого, что в прежних воплощениях остались нерас-trаченные чувства, и необходима новая инкарна-

ция, чтобы довести до конца остававшееся незавершенным. Мы видим то, чего в реальности не существует.

— Я люблю вас.

— Но я ведь говорю совсем не о том! — восклицаю я в отчаянии. — Я уже встретил женщину, которая необходима мне в этой инкарнации. Мне довелось трижды жениться, прежде чем я нашел ее, и я, конечно же, не собираюсь оставлять ее ради кого бы то ни было. Мы соединились много веков назад и будем вместе еще много веков.

Но Хиляль не желает слушать то, что я ей говорю. Как тогда в Москве, она запечатлевает на моих губах мимолетный поцелуй и исчезает в ледяной екатеринбургской ночи.

МЕЧТАТЕЛЯ СИНИЦЕЙ НЕ ПРЕЛЬСТИТЬ

Жизнь — это поезд, не вокзал. Проведя в дороге почти двое суток, каждый из нас испытывал слабость, апатию, тоску по двум безмятежным дням, проведенным в Екатеринбурге, и нарастающее раздражение по отношению к остальным попутчикам.

Перед отправлением Яо оставил мне в лобби записку, в которой предлагал немного поупражняться в айкидо. Я ему не ответил. Мне нужно было хоть немного побыть одному.

Утро я посвятил доступным физическим нагрузкам, то есть бегу и ходьбе. В мои планы входило утомить себя настолько, чтобы, оказавшись в поезде, можно было спокойно заснуть. Я наконец дозвонился жене — в дороге мой телефон не работал — и признался ей, что уже сомневаюсь в том, сколь необходимо это путешествие, и что хотя пока поездка приносит свои плоды, я все же подумываю о том, чтобы ее прервать.

Жена сказала, что любое мое решение будет верным, и велела ни о чем не беспокоиться. Она была поглощена своими занятиями живописью, но между прочим рассказала мне свой странный сон. В ее сне я сидел на берегу моря, а из воды вышел некто, сообщил, что я уже завершаю свою миссию, и исчез.

Я спросил, мужчина то был или женщина. Жена ответила, что не смогла разглядеть, поскольку лицо незнакомца скрывал капюшон. На прощание она благословила меня и в который раз попросила не беспокоиться. Ещё она сказала, что, пока я мерзну в Сибири, Рио превратился в раскаленную печь. Она посоветовала мне следовать интуиции и поменьше обращать внимание на то, что говорят окружающие.

— В том сне с тобой на берегу была какая-то девушка...

— С нами едет одна молодая женщина. Не знаю, сколько ей лет, но определенно меньше тридцати.

— Верь ей.

* * *

Днем я встречался с издателями и раздавал интервью, потом мы поужинали в роскошном ресторане, а к одиннадцати отправились на вокзал. Уральские горы — хребет, что отделяет Европу от Азии, — мы пересекли в полной темноте. Разгля-

деть хоть что-нибудь было решительно невозможно.

В поезде все пошло по-старому. Наутро следующего дня, словно повинуюсь какому-то неслышному сигналу, мы собрались за столом. Ночью никому не удалось сомкнуть глаз, даже Яо, кажется, привычному к подобным переездам. Он и выглядел каким-то особенно усталым и подавленным.

Само собой, Хиляль была тут как тут, и, само собой, она-то как раз выспалась. После завтрака, за которым мы сетовали на бесконечную тряску, я отправился к себе, хоть немного поспать, а через несколько часов вернулся в гостиную, где нашел всю компанию в сборе, и все вместе мы горевали о том, что нам предстоит еще тысячи километров таких мучений. Мы молча пялились в окно и курили под раздражающую музыку, которую транслировали вагонные динамики.

Хиляль была непривычно тиха. Она всегда садилась в одном и том же углу, открывала книгу и углублялась в чтение, словно отгораживаясь от остальных. Никого, кроме меня, это, по всей видимости, не волновало, мне же такое поведение представлялось невежливым. Впрочем, тут же вспомнив о прежней Хиляль, встревавшей в разговор с неуместными замечаниями, я счел за благо промолчать.

После трапезы я обычно возвращался в свое купе, чтобы поспать или поработать. Слово сговорившись, вскоре все мы потеряли счет времени. Мы перестали различать день и ночь; наши дни

проходили от одного приема пищи до другого, как, видимо, бывает в тюрьмах у заключенных.

По вечерам в гостиной нас ждал ужин. Мы пили больше водки, чем минеральной воды, и больше молчали, чем разговаривали. Мой издатель рассказал мне, что пока меня нет, Хиляль репетирует, играя на воображаемой скрипке. Я слышал, что шахматисты поступают точно так же, играя в голове целые партии.

— Да, Хиляль играет неслышную музыку для невидимых существ. Возможно, им того и надо.

* * *

Еще один завтрак. Впрочем, сегодня все не такое, как обычно. Кажется, все мы начинаем привыкать к новому образу жизни. Мой издатель жалуется, что у него плохо работает мобильный телефон (мой вообще не работает). Его жена одета как одалиска, что кажется мне одновременно забавным и нелепым. Она не говорит по-английски, но мы прекрасно понимаем друг друга с помощью языка взглядов и жестов. Хиляль вдруг решает принять участие в общем разговоре и рассказывает, как трудно живется оркестрантам. Это престижная профессия, только многие музыканты зарабатывают меньше, чем водители такси.

— Сколько вам лет? — спрашивает редакторша.

— Двадцать один.

— Никогда бы не подумала.

Это означает: «Вы выглядите старше». Верно. Я и не подозревал, что Хиляль так молода.

— В Екатеринбурге я познакомилась с директором консерватории, — говорит редакторша. — Он сказал, что вы одна из самых талантливых скрипачек, которых ему доводилось встречать, и что вы внезапно утратили к музыке всякий интерес.

— Это все Алеф, — говорит Хиляль, стараясь не смотреть на меня.

— Алеф?

Все смотрят на нее с удивлением. Я делаю вид, будто ничего не слышал.

— Да, Алеф. Я не смогла найти его, и моя энергия иссякла. Что-то в моем прошлом заблокировало ее.

Обычный разговор прямо на глазах превращается в сюрреалистический. Я отмалчиваюсь, а мой издатель пытается разрядить обстановку:

— Так называлась одна книга по математике, которую я издал. На языке специалистов этот термин означает число, содержащее все числа. Книга была посвящена Каббале и математике. Насколько я понимаю, в математике этот термин используется для обозначения бесконечного ряда множеств...

Увидев, что его никто не слушает, издатель замолкает на полуслове.

— А еще в Апокалипсисе, — подхватываю я, словно только что уловив тему беседы. — Агнец есть воплощение конца и начала, вещь вне време-

ни. Кроме того, Алеф — первая буква еврейского, арабского и арамейского алфавитов.

Редакторша начинает жалеть, что сделала Хиляль объектом всеобщего внимания, и решает сбить с нее спесь.

— Тем не менее для девушки в двадцать один год, к тому же выпускницы консерватории со столь блестящим будущим, вполне достаточно было проехать с нами из Москвы в Екатеринбург.

— Особенно если она spalla, — охотно соглашается Хиляль.

Она заметила, какое впечатление произвело на всех упоминание Алефа, и решила смутить редактору еще одним загадочным термином.

На этот раз положение спасает Яо.

— Так вы уже spalla? Поздравляю. — И обернувшись к остальным, поясняет: — Как вы, конечно, знаете, spalla — это первая скрипка в оркестре, музыкант, который поднимается на сцену последним, перед дирижером, и сидит впереди, по левую руку от него. Его скрипка задает тон остальным инструментам оркестра. Кстати, я знаю одну весьма примечательную историю на эту тему. Она случилась в Новосибирске, где будет наша следующая остановка. Хотите послушать?

Все соглашаются с важным видом, словно давая этим понять, что они и в самом деле знали, что означает слово spalla.

История Яо оказывается не такой уж примечательной, но благодаря его рассказу ссора, так и не

вспыхнув, затухает. После скучнейшей лекции о достопримечательностях Новосибирска все окончательно успокаиваются и начинают расходиться по своим купе, а я в очередной раз жалею о том, что мне когда-то пришла в голову мысль проехать чуть ли не через весь континент по железной дороге.

— Чуть было не забыл записать изречение на сегодня, — спохватывается Яо.

Китаец выводит на желтом листочке: «Мечтателя синицей не прельстить», и приклеивает его к зеркалу, следом за листочком с изречением предыдущего дня.

— На нашей следующей остановке вас ждет телевидение, они хотят взять у вас интервью, — сообщает издатель.

Интервью так интервью. Все что угодно, лишь бы скоротать время.

— Напишите о бессоннице, — советует издатель. — Как знать, вдруг это поможет вам заснуть.

— Я тоже хочу взять у вас интервью, — заявляет Хиляль, окончательно очнувшаяся от своей летаргии.

— Уточните расписание у моего издателя, — советую я.

Я иду в свое купе, чтобы провести ближайшие несколько часов, ворочаясь с боку на бок. Мои биологические часы окончательно сбились с толку, и хотя я, как все, кто страдает бессонницей, убеждаю себя, что это время можно использовать для размышлений о важных вещах, у меня, естественно, ничего из этого не выходит.

И вдруг до меня доносится музыка. Вначале я решаю, что ко мне вернулась способность проникать в духовный мир без всяких дополнительных усилий с моей стороны, однако тут же сознаю, что, помимо музыки, по-прежнему слышу, как стучат колеса и дребезжит и позвякивает стоящая на століке посуда.

Эта музыка реальна. И доносится она из моей ванной. Я встаю и распахиваю дверь.

Хиляль играет на скрипке, балансируя на пороге душевой кабины. И улыбается, увидев меня в одних трусах. Впрочем, происходящее кажется мне столь естественным и невинным, что мне даже в голову не приходит вернуться за брюками.

— Как вы сюда попали?

Не прерывая игры, девушка кивком головы указывает на дверь: она прошла через купе, с которым у меня общая ванная.

— Сегодня утром я поняла, что должна помочь вам снова подключиться к энергии Вселенной. Господь дал знать моей душе, что, если вы обретете гармонию, ее обрету и я. И мне было велено прийти сюда и сыграть для вас, чтобы вы могли уснуть.

Я никогда не говорил, что утратил связь с энергией Вселенной, но забота девушки трогает меня. Оба мы из последних сил противостояим вагонной тряске, отчаянно стараясь удержаться на ногах; смычок Хиляль легко касается струн, струны поют, мир наполняется музыкой, покоем, божественным

светом, исходящим от всего живого, и благодарностью к ней и ее скрипке.

Душа Хиляль наполняет каждую ноту, каждый аккорд. Алеф приоткрыл мне ее тайну. Я не помню деталей, но точно знаю одно: мы встречались в прошлой жизни. Мне остается лишь надеяться, что Хиляль никогда не узнает, при каких обстоятельствах. Сейчас, совсем как тогда, она наделяет меня энергией любви. И ей придется приложить длительные усилия, потому что только любовь может нас спасти, сколько бы ошибок мы ни совершали. Любовь всегда сильнее.

Я представляю себе Хиляль в одеяниях, которые были на ней, когда чужие люди пришли в наш город и навеки изменили нашу жизнь: вышитый корсет, белая кружевная рубаша, юбка в пол из шитого золотом черного бархата. Я слышу, как она говорит, что знает птичий язык, что птицам есть о чем поведать людям, вот только люди не хотят ни слышать их, ни понимать. Я ее друг, ее наперсник, ее...

Я останавливаюсь. Эту дверь не стоит открывать без особой необходимости. Я открывал ее уже четырежды, но она так никуда меня и не привела. Я помню восемь женщин, которых там встретил, и знаю, что в один прекрасный день получу ответ, которого жду, но до сей поры эти знания никак не влияли на мою нынешнюю жизнь. Когда это случилось впервые, я был воистину напуган, но вовремя вспомнил, что прощение действительно лишь тогда, когда вы его принимаете.

И я постарался простить.

В Библии есть такой эпизод: на Тайной Вечере Иисус предсказывает, что один из учеников предаст Его, а другой от Него отречется. И Он считает оба греха одинаково тяжкими. Иуда совершает предательство и, мучимый угрызениями совести, лезет в петлю. Петр отрекается от учителя, и не один раз, а трижды. У него было время на то, чтобы осознать содеянное, но он упорно повторил это еще и еще раз. Но вместо того чтобы казнить себя, в своей слабости он обрел силу, став первым проповедником Нового Завета, полученного от Того, от Кого он отрекся в час испытаний.

Проповедь любви сильнее греха. Иуда не сумел этого понять, а Петр сделал своим знаменем.

Я не хочу открывать ту дверь, она как дамба на берегу океана. Одной маленькой щели может оказаться достаточно, чтобы чудовищное давление воды разрушило и смыло все на своем пути. Я еду в поезде, и все, о чем мне следует помнить, — что эту турецкую девушку зовут Хиляль, и она является первой скрипкой в оркестре, а в данный момент она стоит в моей ванной и играет для меня. Музыка оказывает своей эффект, и меня начинает клонить в сон. Глаза закрываются, голова падает на грудь. Хиляль перестает играть и велит мне ложиться. Я повинуюсь.

Хиляль садится в кресло и продолжает играть. Я уже не в поезде и не в саду, где я видел ее в той кружевной рубашке; я проваливаюсь в глубокий тем-

ный туннель, в небытие, в тяжелый сон без сновидений. Последнее, за что цепляется моя память, — это стикер, который приклеил на зеркало Яо.

* * *

Яо будит меня.

— Вас ждет корреспондент.

За окном светло, поезд стоит на какой-то станции. Я резко поднимаюсь, отчего у меня начинает кружиться голова, приоткрываю дверь и вижу моего издателя.

— Сколько я проспал?

— Почти целый день. Сейчас пять вечера.

Мне нужно время принять душ и окончательно проснуться, чтобы не наговорить чего-то такого, о чем придется потом сожалеть.

— Не волнуйтесь. Поезд простоит здесь еще час.

Хорошо, что мы стоим: принимать душ в движении — дело трудное и небезопасное. Запросто можно поскользнуться, сломать себе что-нибудь и окончить путешествие самым нелепым образом: на костылях. Так что идя в душ, я чувствую себя серфером, — но, к счастью, не сейчас.

Через пятнадцать минут, приведя себя в порядок и выпив кофе, я приглашаю репортера и спрашиваю, сколько продлится наша беседа.

— На ваше усмотрение. Я мог бы проехать с вами до следующей станции.

— Тогда десять минут, чтобы вы успели выйти. Не хватало еще, чтобы вам пришлось испытывать из-за меня какие-то затруднения.

— Но вы же...

— Поверьте, я действительно не хочу доставлять вам лишние хлопоты, — повторяю я. Мне вообще не следовало соглашаться на это интервью; сказав «да», я поступил необдуманно. Это путешествие я предпринял совсем с другими целями.

Корреспондент смотрит на издателя, но тот отворачивается и упорно смотрит в окно. Яо спрашивает, подходит ли гостиная для съемок.

— Откровенно говоря, я предпочел бы расположиться в тамбуре.

Хиляль посылает мне тревожный взгляд.

И как она не устает всю дорогу сидеть на одном месте в одной и той же позе? Отправив меня в небытие, за грань времени и пространства, осталась ли она в купе смотреть, как я сплю? Что ж, у меня еще будет время спросить об этом.

— Отлично, — говорю я. — Устанавливайте камеру. И все же позвольте полюбопытствовать, отчего вы предпочитаете тесный и шумный тамбур просторной гостиной?

Корреспондент с оператором уже шагают по коридору и не слышат моего вопроса, нам остается лишь следовать за ними.

— Так почему все-таки в тамбуре? — снова спрашиваю я, пока они устанавливают оборудование.

— Чтобы дать зрителю ощущение реальности. Именно здесь все и происходит. Люди выходят из купе и, поскольку в коридоре совсем мало места, идут сюда поболтать. Сюда приходят покурить. Это место тайных свиданий. У всех вагонов есть такие тамбуры.

В наш тамбур, кроме меня, репортера и оператора, втиснулись Хиляль, Яо, издатель и любопытствующий повар.

— Боюсь, мы нуждаемся в уединении, — прошу я.

При чем тут уединение, если речь идет о телеинтервью? Впрочем, издатель и повар безропотно уходят. Яо и Хиляль остаются.

— Не могли бы вы немного сдвинуться влево?

Нет, не мог бы. Слева располагается Алеф, сотворенный множеством заходивших сюда прежде людей. И хотя Хиляль предусмотрительно держится на расстоянии, я предпочитаю не рисковать.

Камера включена.

— Вы неоднократно говорили, что предприняли эту поездку отнюдь не с рекламными целями. Так зачем же вы в таком случае отправились в путешествие по Транссибирской магистрали?

— Потому что мне давно этого хотелось. Я мечтал об этом с юношеских лет. Вот и все.

— Однако, насколько я могу судить, поезд — не самый комфортабельный вид транспорта.

Я включаю автопилот и перестаю раздумывать над ответами. Корреспондент задает стандартные вопросы о моих впечатлениях, ожиданиях, встре-

чах с читателями. Я терпеливо и вежливо отвечаю, про себя желая, чтобы все поскорее завершилось. По моим расчетам, отведенные для интервью десять минут давно истекли, но корреспондент продолжает спрашивать. Я делаю едва заметный жест, призванный показать, что нам пора закругляться. Репортер улавливает мое движение, но тем не менее не останавливает съемку.

— Вы путешествуете один?

Впереди вспыхивает сигнальный фонарь. Выходит, уже пошли слухи. Так вот, значит, зачем он приехал.

— Разумеется нет. Вы же видели большую компанию в нашем вагоне.

— Однако присутствие первой скрипки Екатеринбургской консерватории...

Как любой опытный репортер, он приберет главный вопрос на десерт. Что ж, я даю интервью не в первый раз. Я его прерываю:

— Да, эта барышня едет с нами в одном поезде, и, узнав об этом, я пригласил ее присоединиться к нашей компании. Я люблю музыку. Хилляль очень талантлива, и слушать ее игру для меня истинное наслаждение. Впрочем, вы можете расспросить ее сами. Уверен, она будет рада ответить на ваши вопросы.

— Да, конечно, если время позволит.

Он явился сюда не для того, чтобы говорить о музыке, однако он решает не перегибать палку и меняет тему:

— Что для вас Бог?

— ТОТ, КТО ЗНАЕТ БОГА, НЕ МОЖЕТ ЕГО ОПИСАТЬ. ТОТ, КТО МОЖЕТ ОПИСАТЬ БОГА, ЕГО НЕ ЗНАЕТ.

Ничего себе!

Я сам удивился тому, что сказал. Подобный вопрос мне задавали десятки раз, и обычно я не задумываясь отвечал: «Когда Бог говорил с Моисеем, Он сказал: “Я есть”, стало быть, это не объект и не признак, но глагол, то есть действие».

Яо приходит мне на помощь:

— Что ж, на этом мы завершим наше интервью. Спасибо за внимание.

ДОЖДЬ И СЛЕЗЫ

Вернувшись в купе, я начинаю лихорадочно перебирать в уме и записывать все разговоры, что были у меня в последнее время. Мы вот-вот прибудем в Новосибирск. Нельзя упустить ни одной детали. Неважно, кто о чем спрашивал. Если я сумею записать мои ответы, это будет бесценный материал для размышлений.

* * *

Когда интервью было окончено, поскольку репортер еще какое-то время оставался с нами, я попросил Хиляль принести скрипку. Мне хочется, чтобы ее игру услышали как можно больше людей. Однако репортер торопится, им нужно успеть передать отснятый материал в редакцию.

Хиляль возвращается со скрипкой, оставленной в пустом купе рядом с моим.

Редакторша пылает праведным гневом.

— Уж если вы решили перебраться в купе-люкс, потрудитесь оплатить разницу. Нам и без вас тесно, — заявляет она, но тушуетя под моим суровым взглядом и умолкает.

— Раз уж все так вышло, может, вы сыграете для нас? — предлагает Яо.

Я велю выключить радио и прошу Хиляль сыграть какую-нибудь небольшую пьесу. Она охотно соглашается.

Атмосфера в гостиной меняется, и это не могут не заметить все остальные, потому что постоянная усталость вдруг отступает. На душе у меня легко и спокойно, даже спокойнее, чем несколько часов назад, когда я засыпал в своем купе.

И почему все эти месяцы я сетовал, что утратил связь с Божественной энергией? Что за глупость! Она постоянно питает наши души, просто замечать это нам мешает рутина.

— Мне нужно поговорить, но я толком не знаю, о чем, так что спрашивайте меня, о чем хотите, — говорю я.

На самом деле ответы буду давать не я, но нет смысла пытаться это объяснить.

— Вы встречали меня в прежней жизни? — спрашивает Хиляль.

Она и вправду хочет услышать ответ прямо сейчас, при всех?

— Это не имеет значения. Нас должно волновать лишь то, что происходит здесь и сейчас. Мы привыкли измерять время как расстояние, скажем,

от Москвы до Владивостока, но это неправильно. Время не стоит на месте и никуда не движется. Время меняется. Мы существуем в определенной точке постоянно меняющегося времени; это наш Алеф. Нам имеет смысл считать, что оно движется, когда речь идет о поезде, на который мы рискуем опоздать, но для всего остального, даже для приготовления ужина например, это ничего не дает. Ведь, когда готовите по рецепту, мало у кого все получается так, как там написано. Вы понимаете?

Пример Хиляль оказывается заразительным, и на меня со всех сторон сыплются вопросы.

— Мы и в самом деле — результат того, чему учились?

— То, чему мы учились, в прошлом, и это, конечно, не так. В прошлом мы страдали, любили, плакали и смеялись, но все это не имеет отношения к настоящему. У настоящего есть собственные вызовы, свои светлые и темные стороны. Но нам не стоит ни проклинать, ни благословлять прошлое за то, что происходит сейчас. Новая любовь ничего не имеет общего со старой, любовь всегда новая.

Я говорю не только со своими попутчиками, но и с самим собой.

— Можно ли остановить мгновение и удержать любовь? Попробовать, конечно, можно, но это верный способ превратить свою жизнь в ад. Я не могу сказать, что двадцать семь лет женат на одной женщине, ведь все эти годы мы постоянно меня-

лись; как знать, возможно, именно поэтому наши отношения стали даже крепче. Я никогда не ждал, что моя жена станет вести себя точно так, как при нашем знакомстве. Она не ищет во мне человека, которого когда-то повстречала. Любовь выше времени, точнее, любовь — это и время и пространство, сосредоточенные в одной-единственной постоянно меняющейся точке. Это и есть Алеф.

— Люди обычно думают иначе. Они хотят, чтобы все оставалось по-прежнему ...

— ... и жестоко за это расплачиваются, — прерываю я говорящего. — Мы никогда не бываем такими, какими нас хотят видеть другие. Мы таковы, какими сами хотим быть. Проще всего винить других. Можно потратить жизнь, посылая проклятья миру, но наши успехи и неудачи целиком зависят от нас самих. Попытки остановить время — напрасная трата энергии.

Поезд внезапно тормозит, и мы все дружно вздрагиваем. Я стараюсь не упустить нить повествования, в надежде, что хоть кто-нибудь меня слушает.

— Вообразите, что наш поезд разогнался и не смог вовремя затормозить; разразилась непредвиденная катастрофа. Все эти мгновения растворятся во времени, словно слезы в дождь, как говорил киборг из «Бегущего по лезвию бритвы». Но растворятся ли? Нет, потому что ничто не исчезает, но все сохраняется во времени. Куда пропал мой первый поцелуй? Затерялся в дальнем уголке сознания?

Разрядился в цепочке сошедших на нет электрических импульсов? Мой первый поцелуй жив и поныне, и я никогда его не забуду. Он здесь, со мной. Это часть моего Алефа.

— А как быть с проблемами, которые необходимо решить здесь и сейчас?

— Они коренятся в том, что вы называете «прошлым», и ждут решения в условном «будущем». Они засоряют наш рассудок, мешают идти вперед, не дают сосредоточиться на настоящем. Тот, кто опирается исключительно на свой опыт, обречен решать новые проблемы старыми способами. Мне часто приходится встречать людей, которые чувствуют себя самими собой лишь тогда, когда говорят о своих проблемах. Для них проблемы составляют то, что принято называть «историей жизни».

Никто не пытается возразить, и я продолжаю:

— Требуется гигантское усилие, чтобы освободиться от бремени памяти, но когда это удастся, человек обнаруживает, что способен на гораздо большее, чем себе представлял. Мы живем в безбрежной Вселенной, которая содержит в себе все вопросы и ответы. Попробуйте обратиться не к прошлому, а к собственной душе. Вселенная постоянно меняется, и прошлое меняется вместе с ней. Мы зовем эти изменения жизнью, но подобно тому, как обновляются клетки нашего организма, а мы при этом остаемся теми же, так же и время, оно не переходит и почти не движется. Нам кажется, что мы ничуть не изменились с тех пор, как выехали из

Екатеринбурга, но это не так. Я нынешний уже не такой, каким был в начале разговора. Так же и поезд сейчас находится в другом месте, не там, где был, когда Хиляль играла нам на скрипке. Все изменилось; просто мы этого не видим.

— Но однажды время каждого из нас подойдет к концу, — возражает Яо.

— К концу? Но смерть — это всего лишь дверь в иное измерение.

— И все же, что бы вы ни говорили, и те, кого мы любим, и мы сами однажды исчезнем.

— Никогда! Мы никогда не утрачиваем наших любимых. Они остаются с нами, они не уходят из наших жизней. Просто мы оказываемся как будто в разных комнатах. Я не вижу пассажиров соседнего вагона, но знаю, что там такие же люди, как мы с вами, и едут они в том же направлении. То, что мы не можем с ними говорить или увидеть, чем они заняты, ровным счетом ничего не значит. Они там, в вагоне. То, что мы называем жизнью, — это поезд со множеством вагонов. Иногда мы путешествуем в одном вагоне, иногда в другом, а порой переходим из вагона в вагон, например, когда спим или когда нас сбивает с толку нечто необычное.

— Но мы ведь не можем ни увидеть их, ни поговорить с ними.

— Ну конечно можем. Каждую ночь, закрывая глаза, мы переносимся в другой поезд. Мы беседуем с живыми, с теми, кого считали мертвыми, с

обитателями других измерений и с самими собой, с теми, кем мы были и кем еще станем.

Энергия начинает рассеиваться, и я чувствую, что вот-вот утрачу с ней связь.

— Любовь всегда торжествует над тем, что мы называем смертью. Любимых не нужно оплакивать, ибо они остаются любимыми, и они с нами. Принять это нелегко. Тому, кто не верит, нет смысла это объяснять.

Я сидит, опустив голову. Он получил ответ на свой вопрос.

— А как быть с теми, кого мы ненавидим?

— Не стоит сбрасывать со счетов даже тех из них, кого уже больше здесь нет, — отвечаю я. — Интересно, что Традиция именует их странниками. Не берусь утверждать, что они действительно могут нам навредить; это возможно лишь в том случае, если мы сами им позволим. Факт в том, что мы здесь с ними, а они — с нами. В одном поезде. Единственный путь к решению заключается в том, чтобы исправлять ошибки и предотвращать конфликты. И рано или поздно решение придет, даже если на это потребуется не одна жизнь. Мы постоянно встречаемся и прощаемся в вечности. За расставанием следует встреча, за встречей — расставание.

— Но вы сказали, что мы — часть целого. Не означает ли это, что нас не существует?

— Нет, отчего же, мы существуем, но так, как существует клетка. Клетка может переродиться в ра-

ковую опухоль и убить весь организм, а может представлять ему нужные для здоровья и счастья вещества, однако клетка — не человек.

— Отчего в мире так много вражды?

— Для того чтобы мир развивался, а человек менялся. Ничего личного. Поверьте.

Они слушают, но не слышат. Видно, мне следует объяснить, чтобы было понятнее.

— Прямо сейчас рельсы борются с колесами, и нам слышно, как металл трется о металл. Однако без рельсов не было бы колес, и наоборот. И пусть нас не смущает звон металла; это боевой клич, не жалоба.

Энергия почти иссякла. Мои собеседники продолжают задавать вопросы, но у меня больше нет сил отвечать. Всем становится ясно, что пора остановиться.

— Спасибо, — говорит Яо.

— Не нужно меня благодарить. Это не я вам отвечал.

— Вы хотите сказать...

— Все и в то же время ничего. Вы, должно быть, заметили, что я изменил свое мнение относительно Хияляль. Мне не стоило бы этого сейчас говорить, боюсь, мои слова не пойдут ей на пользу; напротив, слабые духом могут испытать эмоцию, способную погубить любого, — ревность. Однако встреча с Хияляль открыла мне дверь, не ту, какую я хотел открыть, другую. Я шагнул в другое измерение моей жизни, заглянул в другой вагон, где полно не-

разрешенных конфликтов. Там меня ждут, и мне придется туда пойти.

— Другой поезд, другой вагон...

— Именно. Мы всегда путешествуем по жизни в одном и том же поезде, пока Господь не изменит это по известным Ему одному причинам. Когда мы понимаем, что больше не можем оставаться в своем вагоне, мы встаем и переходим из одной жизни в другую, словно они так и следуют одна за другой. На самом деле это не так: я тот, кем был и кем стану. В Москве, в день нашей встречи, Хиляль напомнила мне притчу об огне на вершине горы. О священном огне есть еще одна притча, и я хочу вам ее рассказать.

Во время гонений на евреев рабби Израэль Шем Тов отправился в лес, разжег священный огонь и прочел особую молитву, прося Господа защитить его народ. И Господь явил ему чудо.

Позже ученик раввина Маггид Мецрих отправился по стопам учителя, пришел в тот же лес и воззвал к Господу: «Господь Вседержитель, я не умею разводять священный огонь, но знаю особую молитву; прошу, услышь меня!» И чудо было явлено вновь.

Сменилось поколение, и евреев снова стали преследовать. Раввин Моше-Лейб Сасов пришел в тот лес и произнес: «Господи, я не умею разжигать священный огонь, не знаю особой молитвы, но чту священное место. Помоги нам, Господи!» И Господь помог.

Спустя пятьдесят лет рабби Израэль Рицин, сидя в инвалидном кресле, обратился к Господу: «Я не умею

разжигать священный огонь, не знаю особую молитву и даже не могу отыскать то место в лесу. Я могу лишь рассказать эту историю и уповать на то, что Господь меня услышит».

Теперь говорю уже я сам, а не Божественная энергия моими устами, и хотя я не умею разводить священный огонь, все же могу рассказать эту историю.

— Будьте с ней добрее, — прошу я.

Хиляль делает вид, будто ничего не слышала. И остальные тоже.

СИБИРСКИЙ ЧИКАГО

Наши души — космические странники, и при этом мы проживаем земную жизнь, сохраняя смутное чувство, что это не единственное наше воплощение. Если разгадать код нашей души, память об этом останется навсегда, и на все, что будет после, это наложит свою печать.

Я смотрю на Хиляль с любовью, отраженной во времени или в том, что мы так называем, точно в зеркале. Она никогда не была и не будет моей; так предначертано. Оба мы творцы и творения, и оба марионетки в руках Господа, и мы не можем переступить черту, которая существует по неизвестным нам причинам. Мы можем подойти к этой реке и даже ступить в нее, но нам не позволено погрузиться в воду и отдаться течению.

Я благодарен жизни хотя бы за то, что вновь повстречал Хиляль, когда мне это было необходимо. Я начинаю постепенно привыкать к мысли о том, что мне придется войти в эту дверь в пятый раз, даже если я все еще не найду ответ. И я благодарен жиз-

ни за то, что прежде меня одолевал страх, а теперь я перестал бояться. А также за это путешествие.

Мне забавно наблюдать, как она ревнует. И хотя она виртуозная скрипачка и искусный воин, в стремлении получить то, чего хочет, она все еще ребенок и всегда им останется, как и я, и все, кто хочет получить от жизни все самое лучшее, как это бывает только у детей.

Пусть ревнует, это научит ее противостоять чужой ревности. Я приму ее беззаветную любовь, потому что когда беззаветно полюбит кого бы то ни было, она должна знать, с чем ей придется столкнуться.

* * *

— Некоторые называют этот город сибирским Чикаго.

Сибирский Чикаго. Подобные сравнения на поверку оказываются на редкость фальшивыми. До строительства Транссибирской железной дороги в городе жили около восьми тысяч человек. Теперь здесь более миллиона четырехсот тысяч жителей, и все благодаря мосту, с помощью которого была продолжена эта стальная магистраль, устремленная к Тихому океану.

Говорят, новосибирские женщины самые красивые в России. Похоже, не врут, хотя мне никогда не приходило в голову сравнивать. Мы с Хиляль и одной из местных богинь изучаем любопытную ано-

малию: гигантскую статую Ленина, воплотившего коммунистическую теорию в жизнь. Трудно придумать зрелище менее романтическое, чем эта фигура, устремленная в будущее даже клином своей козлиной бородки, но неспособная сойти с пьедестала и воистину изменить мир.

Богиню, назвавшую город сибирским Чикаго, зовут Татьяна, ей около тридцати, она работает инженером, а теперь составляет нам компанию на прогулке после ужина и встречи с читателями. Возвращение на твердую землю на этот раз напоминает высадку на другую планету. Я определенно отвык ходить по поверхностям, которые не находятся в постоянном движении.

— Давайте пойдем куда-нибудь выпить и потанцевать. Надо как следует повеселиться.

— Но мы устали, — заявляет Хиляль.

В такие минуты во мне просыпается женское начало, а с ним способность читать между строк. «Мы устали» означает: «Тебе она нравится, а мне это неприятно».

— Если вы устали, возвращайтесь в отель, а мы с Татьяной еще погуляем.

Хиляль меняет тактику:

— Я тоже хочу вам кое-что показать.

— Отлично, так покажите же. Для этого ведь не обязательно оставаться наедине. В конце концов, мы знакомы всего десять дней.

Вот и конец пьесы под названием «Он-сомной». Татьяна заметно оживляется; полагаю, дело

тут не столько во мне, сколько в извечном духе соперничества, которое возникает между женщинами в таких ситуациях.

Ленин бесстрастно взирает на нас сверху вниз, словно уже видел все это прежде. Установи он вместо диктатуры пролетариата диктатуру любви, возможно, все пошло бы иначе.

— Тогда идемте со мной, — распоряжается Хиляль.

«Идемте со мной»? Прежде чем я успеваю отреагировать, Хиляль уже вырывается вперед и идет не оглядываясь. Она намерена взять реванш, и Татьяна заглывает наживку. Мы идем по широкому проспекту, который ведет к мосту.

— Так вы знаете город? — с легким удивлением спрашивает богиня.

— Смотря что понимать под словом «знать». Мы знаем все. Когда я играю на скрипке, мне открывается...

Хиляль подбирает слова и наконец находит слово, которое будет мне понятно и которое позволит выключить Татьяну из разговора.

— Вокруг меня существует обширное и мощное «информационное поле». Контролировать его я не могу; скорее, оно контролирует меня и в минуту сомнений помогает принять верное решение. Мне не обязательно знать город; достаточно просто позволить ему вести меня.

Хиляль все ускоряет шаг. К моему удивлению, Татьяна прекрасно понимает, что она имеет в виду.

— Я пишу картины, — говорит Татьяна. — По профессии я инженер, но когда стою у холста, каждый взмах кисти открывает путь к бесконечному счастью, какого никогда не давала работа, и какое, надеюсь, мне удастся сохранить.

Ленину, должно быть, не раз приходилось видеть такие сцены: столкновение двух сил за главенство над третьей. Нередко бывает так, что две силы становятся союзницами, а к третьей напрочь теряют интерес. Теперь мои спутницы увлеченно болтают по-русски, будто с детства были лучшими подругами, и почти не обращают на меня внимания. На улице холодно, — учитывая, что мы находимся в Сибири, где, видимо, всегда холодно, — но гулять мне нравится. С каждым шагом на душе делается легче, каждый километр приближает меня к моему царству. В Тунисе в какой-то момент мне показалось, что все старания тщетны, но моя жена была права: без нее я более уязвим, но и более открыт миру.

И все же щебетание моих спутниц вскоре начинает меня утомлять. Завтра надо будет предложить Яо позаниматься айкидо. В последнее время мой мозг работает интенсивнее, чем тело.

* * *

Мы останавливаемся в каком-то богом забытом месте, посреди пустынной площади с заледеневшим фонтаном. Хиляль прерывисто дышит; еще

пара минут такого дыхания, и она поплывет — упадет в искусственный транс, из тех, что уже давно меня не вдохновляют.

Хиляль, жрица неизвестного мне культа, велит нам взяться за руки и подойти к фонтану.

— Господи Всемогущий, — произносит она, все так же неглубоко вдыхая. — Яви свою мудрость детям Твоим, раскрывшим ей свои сердца.

Хиляль снова и снова повторяет свою просьбу, и я чувствую, как рука Татьяны дрожит в моей руке; она тоже входит в транс. Кажется, Хиляль удалось вступить в контакт с Вселенной или с тем, что она называет «информационным полем». Она продолжает молиться, и рука Татьяны, перестав дрожать, сжимает мою ладонь. Ритуал длится минут десять.

Я не уверен, что мне стоит поизнести вслух то, что я думаю, но Хиляль исполнена любви и великодушия, она безусловно достойна того, что я скажу.

— Что это было? — спрашиваю я.

Хиляль кажется расстроенной.

— Ритуал приобщения к миру духов.

— Где ты ему научилась?

— Прочла в одной книжке.

Сказать сейчас или дождаться, пока мы останемся наедине? Поскольку Татьяна тоже участвовала в ритуале, я решаю продолжить.

— При всем моем уважении к вашим исканиям и автору этой книги, боюсь, вы на ложном пути. В чем смысл подобного ритуала? Миллионы людей свято верят в то, что общаются с космосом и та-

ким образом спасают человечество. Всякий раз разочаровываясь — а это неизбежно, — они теряют частицу веры. Очередная книга или семинар возвращает им надежду, но через несколько недель они забывают все, что выучили, и отчаяние возвращается.

Хиляль удивлена. Она хотела поразить меня, показать, что способна не только играть на скрипке, и неосознанно ступила на весьма опасную почву, на которой моя терпимость сходит на нет. Татьяна, задетая моей резкостью, вступается за новую подругу:

— Но разве молитва — не лучший способ приблизиться к Богу?

— Позвольте ответить на вопрос вопросом: «Разве новый день наступает благодаря нашим молитвам?» Разумеется нет, солнце встает по утрам, подчиняясь законам мироздания. Бог всегда с нами, неважно, молимся мы или нет.

— Вы хотите сказать, что молиться бесполезно? — настаивает Татьяна.

— Вовсе нет. Если вы поздно встаете, вам никогда не увидите рассвет. Если вы не молитесь, вы не сможете ощутить присутствие Бога, даже если Он рядом. Однако если вы полагаете, что ритуалы наподобие того, который сейчас совершили, — единственная возможность двигаться вперед, вам следует отправиться в пустыню Сонора в Америке или в индийский ашрам. В реальном мире Бога скорее можно услышать в звуках скрипки Хиляль.

Татьяна плачет. Мы с Хиляль не знаем, что и думать, и ждем, пока она немного успокоится и все объяснит.

— Спасибо, — говорит Татьяна. — Даже если, по-вашему, это бесполезно, все равно спасибо. Знаете, каково это, когда у тебя столько ран, а тебе приходится изображать самого счастливого человека на земле. И вот сегодня наконец появился человек, который взял меня за руку и сказал: ты не одна, идем с нами, поделись тем, что знаешь. Я почувствовала себя любимой, нужной, сильной.

Она продолжает, повернувшись к Хиляль:

— Даже когда вы сказали, что лучше меня знаете город, в котором я родилась и живу всю мою жизнь, я ничуть не обиделась. Я поверила вам, потому что больше не была одинокой и еще потому, что кто-то хотел мне показать то, о чем я не знала. Я действительно никогда не видела этот фонтан, а теперь, когда мне снова будет худо, я приду сюда и попрошу Господа защитить меня. Я знаю, что в вашей молитве не было ничего особенного. Я сама часто так молилась, но мои молитвы оставались без ответа, и всякий раз вера моя все больше слабела. Но сегодня случилось нечто важное: я вижу вас впервые в жизни, но вы отныне для меня не чужие.

Татьяна продолжает с прежним чувством:

— Вы намного моложе меня, и на вашу долю не выпало столько страданий. Вы совсем не знаете жизни, но вам повезло. Я вижу, вы любите, и это

заставило меня снова полюбить жизнь, и теперь я верю, что когда-нибудь тоже смогу полюбить.

Хиляль опускает глаза. Разве это она ожидала услышать? Возможно, у нее на языке вертелись те же слова, но только другой человек произнес их в русском городе Новосибирске, который оказался именно таким, каким мы его представляли, но все равно бесконечно далеким от Божьего замысла.

— Я хочу сказать, что простила себя, и на душе у меня сделалось светлее, — говорит Татьяна. — Я не знаю, почему вы пришли сюда и зачем позвали меня с собой, но вы подтвердили то, во что я всегда верила: люди встречаются тогда, когда становятся нужны друг другу. Вы помогли мне спастись от самой себя.

Лицо Татьяны неуловимо меняется. Богиня превращается в ангела. Она протягивает руки Хиляль, и та делает шаг ей навстречу. Они заключают друг друга в объятия. Татьяна смотрит на меня и кивком зовет к ним присоединиться, но я не двигаюсь с места. Хиляль нуждается в этих объятиях гораздо больше, чем я. Она хотела произвести некое магическое действие, которое обернулось пошлостью, но благодаря Татьяне, которая оказалась способна претворить растрченную энергию в нечто священное, от пошлости не осталось и следа.

Две женщины долго не размыкают объятий. Я смотрю на замерзшую воду фонтана и думаю о том, что вода скоро оттает, потом покроется льдом и наконец оттает снова. Совсем как наши сердца,

которые тоже подвержены переменам, и эти перемены не кончаются никогда.

Татьяна вытаскивает из сумочки визитку и, поколебавшись, вручает ее Хиляль.

— Прощайте, — говорит она. — Я знаю, мы больше никогда не встретимся, но здесь мой телефон. Возможно, все, что я сейчас сказала, следствие моего безнадежного романтизма, и завтра все станет таким, каким было прежде, все равно наша встреча что-то во мне изменила.

— Прощайте, — отвечает Хиляль. — Не беспокойтесь: уж если я разыскала этот фонтан, то и отель как-нибудь найду.

Она берет меня под руку. Мы бредем сквозь холодную ночь, и во мне впервые зарождается желание обладать ею как женщиной. Проводив Хиляль до дверей отеля, я говорю, что хочу еще немного прогуляться в одиночестве и поразмышлять.

ПУТЬ МИРА

Я не должен. Я не могу. И как уже в тысячный раз говорю себе, не хочу.

Яо сбрасывает одежду и остается в спортивных трусах. Несмотря на годы, тело у него поджарое и мускулистое. Я следую его примеру.

Физические упражнения мне необходимы; не только потому, что я долгое время провел взаперти, но и потому, что я испытываю все возрастающее вожделение. Я ощущаю его особенно остро, когда мы расстаемся: когда она уходит к себе в номер или я еду на очередную встречу, — однако я знаю, что мне не так уж сложно будет с ним совладать. Так уже было прежде, во время нашей первой, как я теперь понимаю, встречи. Когда ее не было рядом, я не мог думать ни о чем другом, но при ее появлении демоны немного отступали, и мне вполне удавалось держать себя в руках.

Вот почему Хиляль должна быть рядом.

Мы с Яо надеваем белые кейкоги. В додзо, специальное помещение для занятий боевыми искус-

ствами, которое китаец не без труда отыскал, обзвонив чуть ли не весь город, подобает входить в полном молчании. В зале уже тренируются несколько человек, но места нам вполне хватает.

«Путь Мира широк и долог, он соединяет видимое с невидимым. Воин — трон Божества, он всегда служит высшим целям». Морихей Уэсиба, создатель айкидо, произнес эти слова почти сто лет назад.

Путь к ее телу куда короче. Я постучу в дверь, она откроет, и мне даже не надо будет ничего объяснять: ответ она прочтет в моих глазах. Возможно, она испугается, а может быть, скажет: «Входи, я ждала тебя. Тело мое — трон Божества, я служу тому, что было с нами в ином мире».

Мы с Яо обмениваемся традиционным поклоном и смотрим друг другу в глаза. Мы готовы к схватке.

В моих грезах Хиляль тоже склоняет голову в поклоне, словно хочет сказать: «Я готова, возьми меня, схвати за волосы».

Мы с Яо сходимся, берем друг друга за ворот, застываем на секунду, и схватка начинается. Миг — и я на полу. Нет, я не должен о ней думать. Мысленно призываю дух Уэсибы, учитель приходит мне на помощь, и я возвращаюсь в додзо, к своему противнику, схватке, айкидо и Пути Мира.

«Пусть твой разум пребывает в гармонии со Вселенной. Пусть тело твое пребывает в мире со Вселенной. Ты и Вселенная одно».

Однако новый удар толкает меня прямо к ней, я хватаю ее за волосы, бросаю на кровать и сам падаю сверху. Вот оно, воплощение мировой гармонии: мужчина и женщина, слившиеся в одно.

Я встаю. Я не тренировался несколько лет, мысли мои витают очень далеко, я совсем позабыл, что следует делать, чтобы держать равновесие. Яо ждет, когда я соберусь; я смотрю на его стойку и вспоминаю, как следует ставить стопы. Как только мне удастся принять правильную позицию, мы вновь хватаем друг друга за ворот.

И снова передо мной не Яо, а Хиляль. Я перехватываю ее запястья, зажимаю их между коленями и начинаю расстегивать на ней блузку.

Прежде чем я успеваю что-то сообразить, неведомая сила отрывает меня от земли. И вот я снова на полу, разглядываю лампы дневного света на потолке и пытаюсь понять, отчего я так смехотворно неловок в защите. Яо протягивает мне руку, но я отвергаю помощь. Сам справлюсь.

И снова мы хватаем друг друга за ворот. И вновь мое воображение пускается в странствия: мы в постели, я расстегиваю последние пуговицы и обнажаю маленькие груди с твердыми сосками, которые покрываю поцелуями, а она слабо сопротивляется, изгибаясь и млея, в предчувствии сладкой муки.

— Сосредоточьтесь, — советует Яо.

— Я сосредотачиваюсь.

Я вру, и он это знает. Вряд ли Яо может прочесть мои мысли, но он прекрасно видит, что я сейчас не

здесь. Тело мое в огне от выброса адреналина, который случился не только из-за двух падений, но и от видений, встающих у меня перед глазами: ее блузка, джинсы и трусики разбросаны по комнате. Предвидеть следующий удар невозможно, но к нему можно подготовиться, если сосредоточиться, подключить интуицию, и...

Я отпускает мой ворот и ловко выкручивает мне палец. Классическая блокировка: зажат всего один палец, а пошевелиться невозможно. Мне удастся сдержать крик, но из глаз летят искры, а боль столь сильна, что все плывет перед глазами.

Поначалу я решаю, что боль поможет мне сосредоточиться на главном: на Пути Мира, но вместо этого я чувствую на губах вкус ее губ. Я больше не держу ее; она сама сжимает меня в объятиях, царапает мне спину, я даже слышу, как она стонет. Ее голова запрокинута, полуоткрытые губы ищут поцелуя.

— Закаляй сердце. Оно — щит воина. Тот, кому подвластно собственное сердце, осилит любого врага.

Именно это я и пытаюсь делать. Мне удастся вырваться из хватки и вновь ухватить Яго за ворот. Он думает, я чувствую себя униженным; он понял, что я давно не упражнялся и почти наверняка не сумею защититься и на этот раз.

Я прочел его мысли, я прочел ее мысли, и я сдаюсь. Хиляль перекачивается на кровати, забирается на меня верхом и расстегивает молнию на моих брюках.

— Путь Мира подобен полноводной реке, сметающей любую преграду, он сулит победу до начала схватки. Искусство мира непобедимо, ибо мы боремся не с другими, но с самими собой. Тот, кто одержал победу над собой, завоюет весь мир.

Именно так я и поступаю. Кровь бежит по венам все быстрее, пот заливает глаза, так что я на несколько мгновений перестаю видеть своего соперника. Однако он не желает воспользоваться своим преимуществом. Всего два рывка, и он повержен.

— Зря вы так, — говорю я. — Я не ребенок, чтобы мне подыгрывать. Мое главное сражение разворачивается на другом поле. Не лишайте меня удовольствия от достойной победы над сильным противником.

Яо кивает и приносит свои извинения. Мы больше не боремся; мы следуем Путем Мира. Китаец вновь берет меня за ворот, и я жду удара справа, но мой противник внезапно меняет тактику. Он выворачивает мне руку и вынуждает опуститься на колени.

Несмотря на боль, мне становится легче. Путь Мира — не только боевое искусство. Это искусство заполнения пустот и освобождения того, что переполнено. Я направляю на это всю свою энергию, и постепенно моему сознанию удастся оторваться от девушки с маленькой грудью и налитыми сосками, которая расстегивает на мне брюки и ласкает мой пенис. Мне предстоит решающая битва с самим собой, в которой нужно любой ценой добиться победы,

сколько бы раз ни пришлось падать и вновь подниматься. Неподаренные поцелуи, неслучившиеся оргазмы, небывшие ласки после страстного, романтического, отчаянного секса наконец оставляют меня.

Я следую Путем Мира, моя энергия тонким ручейком вливается в мощный ровный поток, который не знает преград и который следует своим курсом и наконец впадает в море.

Я снова поднимаюсь. И снова падаю. Мы боремся уже около часа, не обращая внимания на окружающих, которые точно так же сосредоточены лишь на том, чтобы выбрать идеальную позицию для боя не только на ковре, но и в жизни.

Под конец оба мы едва держимся на ногах и обливаемся потом. Обменявшись поклонами, мы отправляемся в душ. Яо здорово меня отделал, но на моем теле не осталось ни единого синяка; ранить противника значит ранить самого себя. Путь Мира состоит в том, чтобы сдерживать свою агрессию и не причинять вреда ближнему.

Я подставляю тело под струи воды, которая напроць смывает все накопившееся в моем сознании. Когда желание вернется — а оно непременно вернется, — я попрошу Яо найти место для занятий айкидо, даже если это будет коридор нашего вагона, и попытаюсь вновь отыскать Путь Мира.

Жизнь — бесконечная тренировка, подготовка к тому, что грядет. Жизнь и смерть теряют свое значение, если воспринимать их как вызовы — с радостью — и преодолевать, не теряя спокойствия.

* * *

— Одному человеку нужно поговорить с вами, — сообщает Яо, когда мы одеваемся. — Я обещал устроить эту встречу, потому что в свое время он очень мне помог. Вы можете сделать мне одолжение?

— Но мы ведь утром уезжаем.

— Я имел в виду нашу следующую остановку. Конечно, я всего лишь переводчик, так что если не хотите, я просто передам ему, что вы слишком заняты.

Яо не просто переводчик, и он это прекрасно знает. Он чувствует, когда мне нужна помощь, даже если не понимает, почему.

— Ну что вы, — говорю я, — меня это не затруднит.

— Знаете, я занимаюсь боевыми искусствами практически всю жизнь, — задумчиво произносит китаец. — Создавая Путь Мира, Уэсиба меньше всего думал о физическом превосходстве над противником. Если ученик проявлял подлинное рвение, наставник открывал ему, как совладать со своим внутренним врагом.

— Я очень давно не тренировался.

— Я вам не верю. Можно сколь угодно долго не заниматься айкидо, но оставаться на Пути Мира. Ступив на него однажды, вы с него уже не сойдете.

Я понимаю, к чему он клонит, и могу остановить его прямо сейчас, но решаю дослушать до конца. Он человек с огромным жизненным опытом, зака-

ленный в бедствиях, он выстоял, несмотря на то, что в этой инкарнации ему пришлось сменить множество миров. Мне нет смысла что-то от него скрывать. Пусть говорит.

— Вы боролись не со мной, а с ней.

— Да, это правда.

— В таком случае я предлагаю заниматься каждый день, если только дорога позволит. Я хочу поблагодарить вас за то, что вы сказали в поезде, когда сравнили смерть с переходом в другой вагон, и объяснили, что нам приходится это делать много раз за нашу жизнь. Прошлой ночью я спал спокойно впервые с тех пор, как похоронил жену. Она приснилась мне, и я увидел, что она счастлива.

— Сказать по правде, я говорил вчера не только для вас, но и для себя.

Я благодарю Яо за то, что он оказался достойным соперником и не стал дарить мне незаслуженную победу.

ОГНЕННОЕ КОЛЬЦО

Прежде всего выработай стратегию, которая учитывает абсолютно все, что тебя окружает. Самый верный способ подготовиться к вызову — развить в себе способность из бесконечного множества ответов выбрать единственно правильный.

Я наконец добрался до интернета. На самом деле я помню все, что узнал о Пути Мира.

Стремление к миру является формой молитвы, которая порождает свет и тепло. На какое-то время отрешись от себя и постарайся понять, что этот свет несет мудрость, а тепло — сострадание. Путешествуя по планете, старайся познать подлинную форму земли и небес. Это станет возможно лишь тогда, когда ты изгонишь из сердца страх и убедишься, что все твои слова и поступки отражают твои мысли.

Кто-то стучит в дверь. Я так поглощен чтением, что вначале даже не могу понять, что это за шум.

Мой первый порыв — не открывать, но я тут же передумываю: вдруг что-то срочное? Иначе кто стал бы тревожить меня в такой час?

И только встав из-за стола, я понимаю, что есть один человек, которому хватит смелости так поступить.

За дверью Хиляль в красной майке и пижамных штанах. Не сказав ни слова, она заходит в купе и ложится на мою кровать. Я ложусь рядом. Она придвигается ко мне, и я ее обнимаю.

— Где ты был? — спрашивает Хиляль.

«Где ты был?» — не праздный вопрос. Когда так спрашивают, это означает: «Я скучала по тебе», «Я хочу быть с тобой», «Мне необходимо знать, что с тобой было».

Я молча глажу ее по голове.

— Я звонила Татьяне, и мы провели вечер вместе, — говорит Хиляль, отвечая на незаданный вопрос. — Это очень печальная женщина, и ее печаль заразительна. Она рассказала, что у нее есть сестра-близнец, которая принимает наркотики, и потому не может ни найти работу, ни завести семью. А Татьяна — успешная, красивая, желанная, увлеченная своей работой, правда, развелась с мужем, но зато уже повстречала человека, который безумно ее любит. И при виде сестры ее терзает невыносимое чувство вины. Во-первых, потому что ничем не может помочь, а во-вторых, оттого, что на фоне ее успеха положение сестры представляется еще ужаснее. Мне кажется, мы никогда не бываем по-насто-

ящему счастливы, ни при каких обстоятельствах. Не только из-за Татьяны, а вообще.

Я продолжаю гладить ее волосы.

— Ты, наверное, помнишь, о чем я говорила в посольстве? Все твердят, что я чрезвычайно талантлива, что я великая скрипачка, что успех и признание мне обеспечены. Моя преподавательница сказала тебе те же слова, но добавила: «Она слишком нервная и не верит в себя». Это не так; у меня великолепная техника, я знаю, в чем черпать вдохновение, но музыка — не мое призвание, и никто не убедит меня в обратном. Скрипка — мой способ бежать от реальности, огненная колесница, которая уносит меня от самой себя, ей я обязана жизнью. Я выжила для того, чтобы встретить человека, который освобождает от ненависти, что переполняет меня. Когда читала твои книги, я поняла, что этот человек ты. Понимаешь?

— Понимаю.

— Желая утешить Татьяну, я призналась, что с юности мечтала извести всех мужчин, которые оказывались рядом со мной, лишь потому, что один из них, сам того не сознавая, чуть не погубил меня. Правда, Татьяна, кажется, мне не поверила. Она считает, что я еще ребенок. Думаю, она согласилась встретиться со мной только затем, чтобы стать немного ближе к тебе.

Хиляль продвигается еще немного, и я чувствую тепло ее тела.

— Татьяна спросила, можно ли ей поехать с нами до озера Байкал. Она говорит, что хотя этот поезд проходит через Новосибирск каждый день, у нее не было повода туда отправиться, а теперь он появился.

Я оказался прав. Сейчас лежащая рядом девушка не вызывает у меня никаких иных чувств, кроме бесконечной нежности. Я выключаю лампу, и теперь в комнату проникает лишь слабый свет сварочных горелок на фасаде соседнего здания.

— Я сказала, что это невозможно, что, даже если она сядет в наш поезд, к тебе ее все равно не пустят, потому что охрана не разрешает переходить из одного класса в другой. Кажется, она решила, что я просто хочу от нее избавиться.

— Люди здесь всю ночь работают.

— Ты меня не слушаешь?

— Слушаю, но не понимаю. Человек приходит ко мне искать помощи, совсем как ты, а ты, вместо того чтобы помочь, его прогоняешь.

— Просто я опасаясь, что вы слишком сблизитесь, и ты потеряешь ко мне интерес. Я толком не знаю, кто я и что здесь делаю, и боюсь, что все это может в любой момент исчезнуть.

Я протягиваю руку, нахожу на столике сигареты, одну беру себе, другую предлагаю Хиляль. Пепельницу устраиваю у себя на груди.

— Ты хочешь меня? — спрашивает она.

Я готов сказать: «Да, я хочу тебя, жажду всем сердцем, когда ты далеко, когда ты — мечта и греза.

Сегодня я целый час занимался айкидо и все это время думал о тебе, о твоём теле, твоих ногах, твоей груди, и эти изнурительные занятия израсходовали лишь незначительную часть энергии этого желания. Я люблю и вождедею свою жену, но и тебя вождедею тоже. Я не единственный мужчина, который тебя хочет, не единственный муж, который хочет другую женщину. В мыслях мы все изменяем любимым, раскаиваемся, а потом снова грешим. Но не страх удерживает меня от греха теперь, когда ты лежишь в моих объятиях. Я не чувствую ни малейших угрызений совести. Но сейчас для меня существует нечто несоизмеримо более важное, чем обладание тобой. Вот почему я могу спокойно лежать рядом, обнимать тебя и смотреть на огни за окном».

Вместо этого я говорю:

— Конечно, я тебя хочу. Всем сердцем. Я мужчина, а ты — очаровательная женщина. Кроме того, я испытываю к тебе бесконечную нежность, и она растёт с каждым днём. Мне нравится наблюдать, с какой непринуждённой лёгкостью ты превращаешься из женщины в ребёнка и из ребёнка в женщину. Слово смычок касается струн, рождая божественную мелодию.

Мы сильно затягиваемся, и огоньки наших сигарет становятся заметнее в темноте.

— Почему же ты не хочешь ко мне прикоснуться?

Я тушу сигарету, и Хиляль тушит свою. Я снова принимаюсь гладить её волосы, превращая наше путешествие в путешествие в прошлое.

— Я должен сделать нечто очень важное для нас обоих. Помнишь Алеф? Мне нужно снова отворить дверь, которая так нас с тобой напугала.

— А что делать мне?

— Ничего. Просто быть рядом.

Вокруг меня возникает кольцо золотого света, которое перемещается вдоль моего тела. Оно появляется в ногах, устремляется к голове и вновь возвращается обратно. Вначале мне трудно сконцентрироваться, но постепенно кольцо начинает двигаться все быстрее.

— Можно, я скажу?

Почему бы и нет? Это огненное кольцо не принадлежит нашему миру.

— Нет ничего хуже, чем быть отвергнутой. Твой огонь разжигает пламя другой души, и тебе кажется, что окна вот-вот распахнутся, солнечный свет проникнет в дом и старые раны исцелятся. Но так ничего и не происходит. Возможно, я расплачиваюсь за всех мужчин, которым причинила боль.

Золотое кольцо, вызванное к жизни силой воображения — самый известный способ возвращения в прошлые жизни, — начинает двигаться само собой, без моего участия.

— Ни за что ты не расплачиваешься. Так же, как и я. Помнишь, в поезде я говорил о том, как мы в настоящий момент переживаем то, что было в прошлом и что должно случиться в будущем. Здесь и сейчас, в новосибирской гостинице, мир рушится и создается заново. Прямо сейчас мы искупаем

все наши грехи, если это именно то, что мы намерены сделать.

Не только в Новосибирске, но и во всей Вселенной время пульсирует, ритмично сокращается, как гигантское сердце Бога. Хиляль придвигается ко мне еще ближе, и я ощущаю биение ее маленького сердечка.

Золотое кольцо вокруг меня движется все быстрее. Когда впервые выполнил это упражнение — едва почитав о нем в книге о «тайнах прошлых воплощений», — я попал во Францию девятнадцатого века и увидел самого себя за письменным столом, работающим над книгой о том же самом, о чем пишу сейчас. Я узнал, как меня звали, где я жил, каким пером пользовался и даже какое предложение писал в тот самый миг. Это так меня напугало, что я поспешил обратиться обратно, в Копакабану, в собственную спальню, к мирно спящей под боком жене. На следующий день я разузнал все, что только мог, о том человеке, а еще через неделю решился повторить свой опыт. Но у меня ничего не вышло. И с тех пор, сколько ни пытался, мне никогда уже это не удавалось.

Я поговорил об этом с Ж. Он объяснил, что существует некий принцип, согласно которому новичкам всегда везет: Господь намеренно приоткрывает дверь, чтобы показать, что такое возможно, но затем мы возвращаемся к той же точке, на которой находились до этого опыта. Ж. посоветовал не тратить время зря и оставить мои попытки, пока для такого возвращения в прошлое не появится действительно серьезная причина.

Спустя много лет, в Сан-Пауло, я познакомился с одной женщиной. Она была замечательным врачом-гомеопатом и искренно переживала за своих пациентов. Всякий раз, когда мы встречались, у меня появлялось чувство, будто я знал ее прежде. Мы даже говорили с ней об этом, и оказалось, что она испытывала то же самое. Как-то раз, когда стояли на балконе моего номера и любовались панорамой города, я предложил ей попробовать упражнение с кольцом. Тогда мы оказались у той самой двери, которую мы с Хиляль видели, когда испытали Алеф. В тот день моя знакомая простилась со мной с улыбкой на устах, но с тех пор мы больше не встречались. Она не отвечала на мои звонки, отказывалась меня видеть, когда я заходил к ней в клинику, и я наконец понял, что мне незачем настаивать.

А дверь между тем, оставалась открытой. Сквозь крошечную трещинку в дамбе сочилась вода. В последующие годы мне довелось встретить еще трех женщин, которые казались мне знакомыми, но я не стал повторять прежнюю ошибку и отныне делал это упражнение один. Ни одна из этих женщин так и не узнала, что в их прошлых жизнях из-за меня с ними происходили ужасные события.

Знание о содеянном не парализовало моей воли. Я преисполнен решимости все исправить. Восемь женщин стали жертвами той трагедии, и я убежден, что одна из них как-нибудь расскажет, чем все закончилось. Я помню все, кроме павшего на меня проклятия.

Вот почему более десяти лет спустя я отправился в путешествие по Транссибирской магистрали и снова испытал Алеф. Пятая женщина лежит сейчас рядом со мной и говорит о вещах, которые меня больше не интересуют, потому что кольцо движется все быстрее и быстрее. И я не хочу брать ее с собой туда, где мы впервые встретились.

— Только женщины верят в любовь, мужчины нет, — говорит Хиляль.

— Мужчины тоже верят в любовь, — возражаю я.

Я продолжаю машинально перебирать пряди ее волос. Ее сердце бьется спокойнее. Я представляю себе, как она закрыла глаза, чувствуя себя любимой и защищенной, и как мысль о том, что ее отвергли, исчезла без следа и больше не вернется.

Ее дыхание становится ровным. Она немного отодвигается от меня, приняв более удобную позу. Я приподнимаюсь, чтобы поставить пепельницу на тумбочку, и снова обнимаю Хиляль.

Огненное кольцо с бешеной скоростью перекачивается от моих ступней к макушке и обратно. А воздух вдруг начинает вибрировать, как при взрыве.

* * *

Очки разбиты. Под ногтями грязь. В тусклом свете свечи не видно места, где я нахожусь, мне видна лишь грубая ткань моих рукавов.

Передо мной письмо. То самое письмо.

Кордова, 11 июля 1492 года

Брат мой,

Инквизиция — одно из немногих средств, оставшихся у нас для борьбы с грехом. Маловерие и предрасудки заставляют народ видеть в инквизиторах чудовищ. Но и в эти непростые и беспокойные времена, когда так называемая Реформа грозит обернуться беспорядком в домах и мятежами на улицах, когда иные решаются открыто оспаривать вердикты суда Христового и вслух обвиняют нас в том, что мы пытаем обвиняемых, мы все еще остаемся властью! А дело власти искоренять все, что угрожает общему благу, безжалостно отсекает гниющие конечности, не давая заразе распространиться на все тело. Тот, кто упорствует в ереси, обрекая себя и других на адское пламя, повинен смерти.

Эти женщины без стыда проповедуют разврат и дьявольские соблазны? Да они ведьмы! В таких случаях духовного порицания недостаточно. Большинство людей решительно неспособны его прочувствовать. Церковь должна иметь — и имеет — право проявлять нетерпимость к пороку и требовать того же от светских властей.

Эти женщины попытались отвести мужа от жены, брата от сестры, отца от детей. Церковь — милосердная мать, всегда готовая прощать, и наша единственная забота — чтобы женщины эти рассказали, и мы смогли предать их очистившиеся души Создателю и, применив божественное искусство —

в котором всякий может распознать вдохновенные слова Христа, — с осмотрительностью назначить такое наказание, чтобы привести их к признанию в совершении ритуалов и в плетении интриг, приведших к бедствиям, которые преследуют город, погруженный отныне в хаос и анархию.

В этом году мы, ведомые победоносной дланью Господней, сумели изгнать магометан обратно в Африку. Много лет нехристи владели нашей землей почти безраздельно, но Вера давала нам силы выигрывать сражение за сражением. За маврами были изгнаны евреи, а те, что остались, обратятся к Христу, если потребуется, то и против воли.

Но хуже евреев и мавров оказались те, кто предавал нас, утверждая, будто верит в Христа. Они также понесут наказание, когда меньше всего будут того ожидать; это лишь дело времени.

Теперь нам надлежит обратить свое оружие против волков в овечьих шкурах, что коварно подбираются к нашей пастве. Вам выпал шанс показать всем, что зло не останется незамеченным, ибо если эти женщины преуспеют, дурные новости распространятся повсюду, плохой пример будет подхвачен, и поветрие греха обернется ураганом. Покажи мы слабость, мавры возвратятся, евреи воспрянут, и полторатысячелетние усилия по установлению Мира Христова пойдут прахом.

Утверждают, будто пытки учреждены судом Святой Инквизиции. Ничто не может быть далее от правды! Напротив, во времена, когда римское право

узаконило пытку, Церковь изначально ее порицала. Теперь же, в связи с суровой необходимостью, мы тоже вынуждены ее применять, но лишь в исключительных случаях. Папа дал нам на то свое дозволение — не приказ — и выразил надежду, что мы не станем им злоупотреблять. Это дозволение распространяется исключительно на еретиков. Девиз суда Инквизиции, столь несправедливо оболганного: мудрость, справедливость и благоразумие. Каким бы ни было обвинение, мы никогда не отказываем приговоренным в таинстве исповеди перед тем как они предстанут перед судом Небесным, на котором раскроются все тайны, неизвестные даже нам. Мы печемся единственно о спасении этих заблудших душ, и именно для этой цели инквизитор обязан задействовать все известные ему способы, чтобы помочь им сознаться в своем грехе. Только в таких случаях нами иногда применяются пытки.

Между тем враги славы Божией называют нас бессердечными палачами, не принимая в расчет того, что в наших судах суровые меры применяются с умеренностью и снисхождением, каких не знает светская власть. Прибегнуть к пытке дозволяется лишь один раз в течение процесса, так что, надеюсь, вы не упустите эту предоставившуюся вам возможность. Если поведете дело недолжным образом, вы опорочите наш суд, и мы вынуждены будем освободить тех, кто явился в мир лишь для того, чтобы сеять семя греха. Все мы слабы, всесилен лишь Господь. Но Он делает нас сильными, когда дарует нам честь бороться во славу Его Имени.

Прочь сомнения! Если эти женщины виновны, они должны раскаяться, прежде чем мы предадим их воле Господней.

И хотя это ваш первый опыт, и сердце ваше исполнено того, что вы принимаете за сострадание — и что на деле является не более чем слабостью, — помните, что рука Христа не дрогнула, когда он изгнал меня из Храма. Ваш наставник укажет вам, какие следует применять процедуры, чтобы, когда придет время, вы смогли без содрогания использовать кнут, колесо и прочие орудия. Помните: нет казни более милосердной, чем очистительное пламя костра. Огонь пожирает плоть, но счищает с души скверну, чтобы она без труда воспарила к престолу Господа.

Значение нашей деятельности в стране, Церковь которой стремится упрочить свое влияние, а народ как никогда остро нуждается в слове Божьем, невозможно переоценить. Порой лишь страх может вывести душу на путь истины. Порой, чтобы утвердить мир, приходится воевать. Неважно, что говорят о нас современники, ибо нас ждет благодарность потомков.

И даже если потомки не признают нашей правоты и станут сурово судить нас за то, что нам приходилось быть жестокими, дабы наставить ближних в милосердии и смирении, кои заповедал человечеству Сын Божий, заслуженная награда ожидает нас на небесах.

Семя зла следует изничтожить, пока оно не успело пустить корни и прорасти. Помогите тем, кто

стоит над Вами в этой священной миссии, не омрачая сердца ненавистью, но и не проявляя постыдной жалости к слугам Врага.

Помните, на Небесах всех нас ждет иной Суд, где каждого станут судить согласно тому, насколько он был тверд, проводя он на земле волю Господа.

Б. Т. Т., Е. П.

ВЕРЬ, И ПУСКАЙ В ТЕБЯ НИКТО НЕ ВЕРИТ

Всю ночь мы не размыкаем объятий и просыпаемся в тех же самых позах, в каких нас накрыло огненное кольцо. Я поворачиваю голову, разминая затекшую шею.

— Пора вставать. У нас много дел.

Хиляль поднимается, сетуя на то, что в это время года солнце в Сибири встает слишком рано.

— Давай, хватит лениться. Нам пора. Иди к себе, собирайся и жди меня внизу.

* * *

Администратор в лобби отеля снабжает меня картой и объясняет, как добраться до места. Дорога должна занять не более пяти минут. Хиляль недовольна, потому что завтрак еще не накрыли, и мы покидаем отель натошак.

Миновав два квартала, оказываемся на месте.

— Да ведь это же церковь!

Вот именно, церковь.

— Больше, чем рано вставать, я ненавижу только... это! — Девушка машет рукой в сторону синей маковки, увенчанной золотым крестом.

Двери храма открыты, в них как раз входят несколько пожилых женщин. Я оглядываюсь по сторонам и убеждаюсь, что улица совершенно пуста, ни прохожих, ни машин.

— Прощу тебя, сделай кое-что для меня.

Хиляль впервые за утро улыбается. *Я о чем-то ее прошу. Она мне необходима.*

— Это могу сделать только я?

— Да. Ты, и никто больше. Только не спрашивай, почему.

* * *

Я беру Хиляль за руку и веду ее в храм. Мне приходилось бывать в православных храмах, но я никогда толком не знал, как там следует себя вести, знал лишь, как ставить свечи и молиться всем святым и ангелам, ища у них защиты. И в то же время меня всегда прельщала красота православных церквей, построенных по единому образцу: сводчатый потолок, просторный центральный неф, боковые арки, написанные с молитвой и постом иконы в золотых окладах, перед которыми бьют поклоны пожилые женщины, прежде чем приложиться губами к защитному стеклу.

Как всегда бывает, когда мы по-настоящему чего-то хотим, обстоятельства сразу начинают складываться в нашу пользу. Несмотря на все то, что я пережил прошлой ночью, несмотря на то, что я так и не продвинулся дальше чтения письма, у нас еще достаточно времени до конечного пункта путешествия — Владивостока, и на душе у меня покой.

Хиляль, похоже, тоже очарована царящей вокруг красотой. Она как будто забыла, что не любит церкви. Я подхожу к пожилой женщине, торгующей в углу восковыми свечами, и покупаю у нее четыре свечки, три ставлю перед образом святого Георгия и молюсь перед ним о себе, своей семье, своих читателях и книгах.

А зажженную четвертую свечу передаю Хиляль.

— Прошу тебя, делай как я скажу. Возьми свечку.

Хиляль инстинктивно оглядывается, чтобы проверить, не смотрит ли кто на нас. Видимо, она решила, что я попрошу ее сделать нечто кошунственное, немислимое в этих стенах. Однако в следующее мгновение девушка вновь принимает свой обычный заносчивый вид. В конце концов, она ненавидит церкви, и ей нет дела до того, что здесь принято, а что нет.

Пламя свечи отражается в ее глазах. Я склоняю голову, хотя не чувствую никакой вины. Только смирение и отдаленную, словно настигшую меня из другого мира боль, боль, которую я должен принять.

— Я предал тебя и прошу меня простить.

— Татьяна!

Я зажимаю ей рот ладонью. Хиляль талантливая скрипачка и очень сильный человек, но я не должен был забывать, что ей всего двадцать один. Мне следовало сформулировать свою просьбу иначе.

— Нет, дело не в Татьяне. Но все равно прости меня.

— Как я могу простить тебя, если не знаю, в чем твоя вина.

— Вспомни Алеф. Вспомни, что ты тогда чувствовала. Постарайся передать этому священному месту частичку того, о чем ты не знаешь, но что живет в твоём сердце. Если тебе так проще, попробуй думать о любимой симфонии и позволь музыке унести тебя с собой. Все остальное не имеет значения. Слова, объяснения и вопросы не помогут; они только еще больше запутают то, что и так достаточно непросто. Прости меня, и пусть это прощение придет из самой глубины твоей души, той самой души, что переходит из тела в тело, и познает себя, переходя сквозь время небытия и бесконечность пространства.

Душу ранить нельзя, как нельзя ранить Бога, но порой мы оказываемся в плену у собственной памяти и влачим жалкую жизнь, даже если у нас все есть для счастья. О, если бы мы могли быть только здесь и сейчас, словно пробудившись на планете Земля под сводами золотого храма. Но это невозможно.

— Не понимаю, почему должна простить за что-то человека, которого люблю. Разве только за то, что никогда слова любви не слетали с его губ.

До нас доносится запах ладана. Причт готовится к утренней службе.

— Забудь о том, кто ты теперь, и отправляйся туда, где ждет тебя та женщина, какой ты была всегда. Там ты найдешь нужные слова и сможешь простить меня.

Взгляд Хиляль скользит по расписным стенам, колоннам, людям, наполняющим храм перед заутреней, огонькам свечей. Она закрывает глаза, возможно, следуя моему совету и вспоминая любимую музыку.

— Можешь мне не верить... но я вижу девушку... Девушку, которой здесь больше нет и которая хочет вернуться...

Я прошу ее выслушать, что хочет сказать ей эта девушка.

— Она прощает тебя. Не потому, что она стала святой, но потому, что ей уже невмоготу нести бремя ненависти. Ненавидеть тяжело. Я не знаю, изменится ли что-нибудь на небесах или на земле, вспарит ли моя душа или будет проклята, но я чувствую смертельную усталость и теперь знаю, отчего. Я прощаю того, кто едва не сломал мою жизнь, когда мне было десять лет. Он понимал, что делает, а я нет. Но я полагала, что в этом есть моя вина, и ненавидела и его, и себя. Я ненавидела всех, кто оказывался рядом, но теперь моя душа освобождается от этих пут.

Но не это я ожидал услышать.

— Прощай всех и вся, но прости и меня также, — заклинаю я. — Распространи и на меня свое прощение.

— Я прощаю всех и вся, и тебя прощаю, хоть и не знаю, в чем твоя вина. Я прощаю, потому что люблю тебя, а ты меня не любишь, прощаю, потому что ты заставил меня встретиться лицом к лицу с демоном, о котором я столько лет пыталась забыть. Я прощаю тебя, потому что ты меня отвергаешь и моя любовь пропадает зря, я прощаю тебя, потому что ты не понимаешь, кто я и что я здесь делаю. Я прощаю и тебя и демона, который касался моего тела, когда я еще не представляла себе, что такое жизнь. Покушаясь на мое тело, он осквернил мою душу.

Хиляль молитвенно складывает руки. Я предпочел бы, чтобы ее прощение распространялось только на меня, а не на целый свет, но быть может, оно и к лучшему.

Девушку пробирает дрожь, и ее глаза наполняются слезами.

— Нам обязательно быть здесь, в церкви? Давай выйдем на воздух. Прошу тебя!

— Обязательно. Когда-нибудь мы сделаем это на улице, но сегодня нам надо быть в церкви. Прости же меня.

Хиляль закрывает глаза и вскидывает руки. Вошедшая в церковь женщина замечает ее жест и неодобрительно качает головой. Мы находимся в священном месте, здесь так не принято; традиции следует уважать. Я делаю вид, будто не замечаю ее неодобрения, и с облегчением вижу, что Хиляль сейчас во власти Святого Духа, который диктует

слова молитв и устанавливает истинные правила, и ничто в целом мире не сможет отвлечь ее.

— Я освобождаю себя от ненависти через прощение и любовь. Порой мне приходится страдать, и страдание направляет меня на путь благодати. Все в мире связано, все дороги пересекаются, все реки впадают в одно море. Сейчас я — само прощение, прощение за совершенное зло: и за то, о котором я знаю, и за то, о котором мне ничего не известно.

Да, дух сошел на нее. Я знаю эту молитву, я выучил ее много лет назад, в Бразилии. Тогда ее произносил маленький мальчик. И теперь Хиляль пришли из космоса слова, ждавшие своего часа.

Хиляль говорит негромко, но ее голос, отражаясь от гулких церковных стен, достигает каждого отдаленного уголка.

*Я прощаю пролитые слезы,
Я прощаю боль и разочарование,
Я прощаю предательство и ложь,
Я прощаю сплетни и клевету,
Я прощаю гонения и ненависть,
Я прощаю удары судьбы,
Я прощаю разбитые надежды,
Я прощаю тщетные упования,
Я прощаю грубость и зависть,
Я прощаю равнодушие и злую волю,
Я прощаю несправедливость,
 творимую во имя справедливости,*

*Я прощаю гнев и жестокость,
Я прощаю пренебрежение и презрение,
Я прощаю этот мир и все зло этого мира.*

Хиляль опускает руки, открывает глаза и закрывает лицо ладонями. Я хочу подойти и обнять ее, но она жестом останавливает меня.

— Я еще не закончила.

Она снова закрывает глаза и поднимает лицо к небесам.

— И еще я прощаю себя. Пусть ошибки прошлого больше не разрывают мое сердце. Вместо боли и обиды я выбираю понимание и сострадание. Вместо бунта я выбираю звуки моей скрипки. Вместо печали я выбираю прощение. А вместо мести — победу.

*Я научусь любить, не требуя ответной любви,
Отдавать, даже если мне самой ничего не останется,
Чувствовать себя счастливой даже в разгар
тяжкой работы,
Протягивать руку ближнему, будучи сама одинока
и покинута,
Не давать воли слезам, даже когда захочется вить,
И верить — даже если никто не будет верить в меня.*

Хиляль открывает глаза, кладет руки мне на голову и торжественно произносит, наставляемая свыше:

— Да будет так.

Верб, и пускай в тебя никто не верит

* * *

Вдалеке поет петух. Это знак. Я беру Хиляль за руку, и мы возвращаемся в гостиницу, по дороге любуясь пробуждающимся городом. Девушка явно удивлена тем, что только что говорила, но для меня ее молитва о прощении — главное событие всего путешествия. Впрочем, это еще не конец. Я еще должен узнать, что последовало за чтением того письма.

Мы приходим как раз вовремя, чтобы позавтракать вместе со всеми, уложить вещи и добраться до вокзала.

— Хиляль переезжает в свободное купе рядом с моим, — объявляю я.

Никто не возражает. Я представляю себе, о чем они думают, но не хочу утруждать себя объяснениями.

— *Korkmaz git*, — произносит Хиляль.

Судя по недоуменным лицам всех присутствующих, включая переводчика, это не по-русски.

— *Korkmaz git*, — повторяет девушка. — По-турецки это значит «долой страх».

ЧАЙНЫЕ ЛИСТЬЯ

Похоже, мои попутчики окончательно приновились к походной жизни. Стол в гостиной сделался для нас центром вселенной, за ним мы собираемся на завтрак, обед и ужин, беседуем о жизни и делимся планами на будущее. Теперь Хиляль — полноправный член команды; она ест с нами за одним столом, пользуется моей ванной, с утра до вечера играет на скрипке и все реже участвует в общих разговорах.

Следующая остановка — озеро Байкал, и сегодня мы говорим о байкальских шаманах. По словам Яо, мне непременно нужно встретиться с одним из них.

— Посмотрим, — отвечаю я, что означает: «Мне это не интересно».

Однако я понимаю, что китаец не собирается сдаваться. Один из главных принципов боевых искусств — непротивление. Истинный воин умеет обращать энергию соперника против него самого. Чем больше сил и слов я потрачу, тем меньше буду

уверен в собственной правоте и тем легче поддамся на уговоры.

— Я все думаю о нашем разговоре перед прибытием в Новосибирск, — говорит мой издатель. — Вы сказали, что Алеф — некая точка, находящаяся вне нас, и что люди, которые по-настоящему любят друг друга, могут обнаружить эту точку где угодно. Однако шаманы верят, что обладают особой магической силой и что только им дано видеть нечто подобное.

— Если рассуждать с точки зрения магической Традиции, то да, Алеф действительно находится вне нас. Но если говорить о человеческой традиции, любящие в некоторые специфические моменты переживают это ощущение принадлежности Целому. Однако для того чтобы узреть Алеф должно случиться нечто необычное: бурный оргазм, страшная утрата, кульминация ожесточенного конфликта, восторг при виде истинной красоты.

— В чем в чем, а в ожесточенных конфликтах мы не испытываем недостатка, — замечает Хиляль. — Они преследуют нас, даже в нашем вагоне.

Хоть она и вела себя некоторое время вполне миролюбиво, похоже, ей все еще не дает покоя давно улаженный конфликт. Она тогда победила и теперь не упускает случая продемонстрировать завоеванное превосходство. Редакторша понимает, что слова Хиляль — камешек в ее огороде.

— Вражда — удел примитивных натур, — произносит она как бы рассуждая вслух, и при этом ее

слова бьют точно в цель. — Мир делится на тех, кто понимает меня, и тех, кто не понимает. С последними все ясно, я просто предоставляю им возможность мучительно завоевывать мою симпатию.

— Забавно, — отвечает Хиляль. — Со мной точно так же. Я всегда делаю то, что считаю нужным, не оглядываясь на других, и обычно добиваюсь своего. Например, перебираюсь в вагон первого класса.

Я встает, чтобы откланяться. Такие разговоры ему не по душе.

Издатель смотрит на меня. Чего он ждет? Чтобы я принял чью-то сторону?

— Вы сами не знаете, о чем говорите. — Теперь редакторша смотрит прямо на Хиляль. — Я всегда думала, что почти всемогуща, пока не родила сына. И тогда вдруг оказалось, что мой мир невероятно хрупок. Я чувствовала себя ничтожной, беспомощной, неспособной защитить собственного ребенка. Только дети верят, что они всеильны. Они доверчивы и бесстрашны; они получают все, что хотят, и думают, что так будет всегда. Когда дети вырастают и начинают трезво оценивать свои силы, они осознают свою зависимость от других. Тогда человек учится любить и рассчитывает на взаимную любовь. И чем старше он становится, тем сильнее нуждается в любви, даже если ради нее придется отказаться от своей силы. Лезть из кожи вон, чтобы тебя признали и полюбили, — вот удел каждого взрослого человека.

Яо возвращается, ловко удерживая поднос, на котором позвякивают шесть кружек с чаем.

— Вот почему я спросила о том, как Алеф связан с любовью, — продолжает редакторша. — Я вовсе не имела в виду любовь между мужчиной и женщиной. Иногда, глядя на спящего сына, я видела все, что происходило в мире: место, где он появился на свет, места, где ему предстояло побывать, и испытания, которые ему суждены на пути к его и моей мечте. Сын вырос, я люблю его ничуть не меньше, но Алеф исчез.

Что ж, этой женщине дано постичь истинный смысл Алефа. Остальные встречают ее слова уважительным молчанием. Хиляль потерпела сокрушительное поражение.

— Я запуталась, — признается она. — Кажется, у меня нет причин здесь дольше оставаться. Можно смело выходить на следующей станции, возвращаться в Екатеринбург, посвятить свою жизнь игре на скрипке, но так ничего и не понять. И перед смертью спросить себя: что же я здесь делала?

Я касаюсь ее руки.

— Пойдем со мной.

Я собираюсь отвести Хиляль в Алеф, напомнить ей, ради чего она задумала пересечь на поезде Азию, и позволить ей самой принять решение. Доктор-гомеопат после нашего совместного путешествия в прошлое больше не пожелала меня видеть; не исключено, что с Хиляль будет так же.

— Одну минуту, — останавливает меня Яо.

Он просит нас вновь сесть за стол, протягивает каждому кружку и ставит посередине чайник.

— В Японии я научился ценить красоту простых вещей. А самая простая и самая изысканная вещь — это чаепитие. Мне захотелось показать вам, что, несмотря на все конфликты и трудности, несмотря на наши подлость и благородство, мы все еще способны любить самые простые вещи в этой жизни. Перед началом чайной церемонии самураи оставляли за порогом свои мечи и усаживались за стол со смирением, принимая предписанные позы. На это время они переставали быть воинами и отдавались служению красоте. Что если и нам последовать их примеру?

Яо разливает чай. Мы ждем в полном молчании.

— Я отправился готовить чай, потому что приметил за столом двух самураев, готовых ринуться в бой, но когда я вернулся, доблестные воины исчезли, и на их месте оказались люди, способные понять друг друга и без чаепитий. Однако выпить чаю все-таки не помешает. Давайте объединим усилия, чтобы привнести в нашу далеко не совершенную повседневную жизнь хотя бы тень совершенства. Истинная мудрость состоит в том, чтобы уважать такие простые вещи, ибо они могут привести нас туда, куда мы стремимся.

Мы почтительно принимаем из рук Яо кружки с чаем. Теперь, когда получил прощение, я могу насладиться заваркой из молодых листочков, собранных чьими-то мозолистыми руками, высушенных

Чайные листья

и превращенных в утверждающий вокруг гармонию напитков. Мы пьем не спеша; за время путешествия мы постоянно разрушаем себя, а потом восстанавливаем — такими, какие мы есть.

Когда чаепитие подходит к концу, я снова зову Хиляль пойти со мной. Она заслуживает того, чтобы узнать всю правду и принять решение.

Мы снова в тамбуре. Мужчина приблизительно моих лет беседует со своей попугачицей ровно на том месте, где находится Алеф. Учитывая особую энергетику этого места, они могут так стоять довольно долго.

Мы решаем подождать. В тамбур заходит еще один пассажир, закуривает и присоединяется к ним.

Хиляль тянет меня за рукав.

— Это *наше* место. Неужели нельзя было потрепаться в другом купе?

Я прошу ее набраться терпения. Нам некуда спешить.

— Зачем ты на нее набросилась? — спрашиваю я. — Она ведь хотела помириться.

— Не знаю. Я растерялась. С каждым днем, с каждой новой остановкой я чувствую себя все более потерянной. Мне казалось, я должна зажечь огонь на вершине, быть рядом с тобой, помочь тебе осуществить какую-то миссию. И что она будет

мне мешать. Я готовилась к непониманию, обидам, унижениям, я просила у Бога сил все вынести и преодолеть во имя любви, в которую никогда не верила, но которая, оказывается, существует. И у меня почти получилось. Теперь я ночью через стенку от тебя, потому что Богу отчего-то было угодно, чтобы человек, купивший билет в соседнее купе, передумал ехать. Он не сам так решил, это было предопределено свыше, я уверена. И вот теперь, впервые с самого начала путешествия, у меня пропало всякое желание его продолжать.

В тамбур заходит еще один пассажир. В руках у него три банки пива. Похоже, их разговор затянется.

— Я тебя понимаю. Ты думаешь, что дошла до самого конца, но это не так. Ты совершенно права в одном: нужно понять, зачем ты здесь. Ты здесь для того, чтобы меня простить, и я хочу, чтобы ты знала, за что. Ведь слова убивают, и только через непосредственный опыт ты сможешь все понять, точнее, *мы* сможем все понять, потому что я тоже не знаю конца истории, не знаю, на каком слове она обрывается.

— Тогда давай дождемся, когда они уйдут, и снова окажемся в Алефе.

— Сначала я тоже так думал, но они здесь надолго, именно из-за Алефа. Осознанно или нет, они сейчас испытывают чувство эйфории, полноты бытия. Глядя на них, я понял, что не должен показывать тебе все сразу. Приходи ко мне сегодня ночью.

В этом вагоне трудно заснуть, но ты просто ляг рядом, закрой глаза и постарайся расслабиться. Я обниму тебя, как тогда в Новосибирске. Я постараюсь досмотреть конец истории один, а потом расскажу тебе ее всю до конца.

— Как раз это я и хотела услышать. Приглашение. Только, пожалуйста, не отвергай меня, как в тот раз.

ПЯТАЯ ЖЕНЩИНА

— Я не успела постирать пижаму. — Хиляль все в той же футболке, которую я ей одолжил, и с голыми ногами. Трудно сказать, надето что-нибудь на ней, кроме футболки, или нет. Она ложится ко мне в постель.

Я глажу ее волосы. Мне понадобится все имеющиеся у меня такт и деликатность, чтобы сказать ей все и ничего.

— Обними меня, мне только это сейчас нужно. Этот жест древний, как само человечество, и значит он куда больше, чем просто соприкосновение двух тел. Я обнимаю тебя — значит, от тебя не исходит угрозы, я не боюсь подпустить тебя совсем близко — значит, мне хорошо, спокойно, и рядом со мной тот, кто меня понимает. Говорят, каждое искреннее и сердечное объятие продлевает нам жизнь на один день. Так что, будь добра, обними меня, — прошу я.

Я кладу голову Хиляль на грудь, и она заключает меня в свои объятия. Я вновь слышу, как бьется ее сердце, и заодно отмечаю, что на ней нет лифчика.

— Я бы очень хотел рассказать тебе, что собираюсь сделать, но не могу. Мне еще ни разу не удавалось добраться то самого конца, до той черты, где можно найти ответы и объяснения. Я неизменно останавливался на одном и том же месте.

— На каком? — спрашивает Хиляль.

— На площади, и не проси меня ничего объяснять. Там восемь женщин, и одна из них говорит то, что я никак не могу расслышать. За последние двадцать лет я встретил четверых из них, но ни одна из них не помогла мне добраться до конца истории. Ты пятая. Это путешествие состоялось не случайно, Бог не решает судьбу Вселенной при помощи жребия; теперь я знаю, почему история о костре на вершине горы заставила тебя искать встречи со мной, но осознал я это лишь тогда, когда мы с тобой открыли Алеф.

— Мне надо закурить. Не мог бы ты выразаться яснее? Я думала, ты хочешь, чтобы мы были вместе.

Мы садимся на кровати и закуриваем.

— Поверь, я бы очень хотел говорить яснее и рассказать тебе все с самого начала. Первое, что я обычно вижу, это письмо. Потом я слышу голос моего наставника, который сообщает мне, что нас ждут восемь женщин. И еще я знаю, что в самом конце одна из этих женщин что-то говорит,

но я не могу сказать, благословляет она меня или проклинает.

— Ты говоришь о прошлой жизни? Это письмо было в прошлой жизни, да?

Мне важно, чтобы она это поняла, впрочем, как и то, что не должна требовать от меня объяснений, о какой жизни идет речь.

— Все, что с нами происходит, происходит здесь и сейчас. Здесь и сейчас мы спасаем или губим навек свои души. Мы то и дело меняем стороны, пересаживаемся из вагона в вагон, переходим из одного параллельного мира в другой. Просто поверь.

— Я верю. Мне кажется, я понимаю, о чем ты говоришь.

Мимо нас проносится встречный поезд. Его освещенные окна яркими вспышками озаряют мое купе. Мы слышим удар воздушной волны и грохот колес. Вагон болтает пуще прежнего.

— Мне нужно перебраться сейчас в другой конец поезда под названием время и пространство. Это нетрудно сделать. Попробуй себе представить золотое кольцо, которое движется вдоль твоего тела, сначала медленно, а потом все быстрее. В Новосибирске этот прием отлично сработал. И я хочу повторить этот опыт. Тогда мы обнялись, и кольцо почти мгновенно перенесло меня в прошлое.

— Только и всего? Вообразить кольцо?

Мой взгляд сосредоточен на ноутбуке, лежащем на столике. Я встаю и переносу его на кровать.

— Нам представляется, что компьютер, полный фотографий и картинок, — это окно в мир, однако на деле мы видим на экране не что иное, как последовательность нулей и единиц, который программисты называют бинарным кодом.

Человек нуждается в том, чтобы создавать вокруг себя некую видимую реальность. Если бы мы этого не делали, мы, люди, перестали бы существовать. Мы придумали нечто, называемое памятью, схожее с памятью компьютера. Эта память защищает нас от опасности, помогает жить в социуме, находить пропитание, взрослеть, передавать обретенные знания грядущим поколениям, но суть нашей жизни не в этом.

Я возвращаю компьютер на место.

— Огненное кольцо — всего лишь уловка, помогающая освободиться от памяти. Я где-то читал об этом. Имя автора не помню, но он писал, что мы неосознанно проделываем подобное каждую ночь, во сне: мы возвращаемся в свое недавнее или давнее прошлое. Когда пробуждаемся, пришедшее представляется нам забавными пустяками, однако это не так. На самом деле мы побывали в ином измерении, где все происходит совсем не так, как в нашем мире. Нам все это представляется чепухой, потому что проснувшись, мы вновь оказываемся в мире, выстроенном «памятью», которая является нашим инструментом восприятия. И то, что увидели во сне, очень скоро забываем.

— Выходит, вернуться в прошлую жизнь или попасть в другой мир довольно легко?

— Да, но только во сне или если мы намеренно вводим себя в подобное состояние, что делать нежелательно. Когда кольцо начинает вращаться над телом, душа покидает его и отправляется в подобие небытия. Если она не имеет представления о том, куда направляется, можно погрузиться в очень глубокий сон и забрести в опасные зоны, а это может ни к чему не привести, а может перенести проблемы из прошлого в настоящее.

Мы делаем последние затяжки. Я переставляю пепельницу на кресло, которое служит мне прикроватной тумбочкой, и снова прошу ее обнять меня. Ее сердце бьется сильнее.

— А я точно одна из этих восьми женщин?

— Да. Мы вновь и вновь встречаемся с теми, с кем у нас были проблемы в прошлой жизни. Мистики называют это Колесом Судьбы. С каждым новым воплощением мы все больше осознаем эту связь, и конфликты постепенно разрешаются. Когда в мире больше не останется вражды, человечество вступит в новую эру.

— Получается, что мы породили эти конфликты в прошлом именно для того, чтобы разрешить их в будущем?

— Нет, конфликты были необходимы человечеству, они определяют наше развитие, заставляют выбирать путь, но куда он приведет, пока неизвестно. Представь себе времена, когда мы были частью

некоего биологического супа, разлитого по всей планете. Клетки миллионы лет воспроизводили сами себя, пока в один прекрасный день одна из них не начала мутировать. Тогда миллиарды остальных клеток решили: «Так не должно быть! Эта клетка вступила со всеми нами в конфликт!» Тем временем мутация передалась и другим, соседним клеткам. «Ошибки» следовали одна за другой, и в результате получились амебы, рыбы, животные и, наконец, человек. В основе эволюции лежит конфликт.

Хиляль снова закуривает.

— Тогда для чего нам разрешать все эти конфликты прямо сейчас?

— Потому что Вселенная, сердце Бога, вечно сжимается и расширяется. Девиз алхимиков: «Solve et coagula», что означает «разделяй и соединяй». Не спрашивай почему, я и сам не знаю.

Сегодня утром ты повздорила с моим редактором. Это столкновение помогло вам обоим раскрыться с таких сторон, о каких остальные и не подозревали. Вы разделились и снова сошлись, и все мы от этого только выиграли. Бывает и по-другому, ссоры не всегда дают положительный результат. В таких случаях их все равно рано или поздно пришлось бы разрешить. Иначе энергия ненависти, излучаемая вами обеими, заполнила бы весь вагон. А этот вагон, как ты видишь, является метафорой жизни.

Хиляль не слишком интересуют мои теории.

— Тогда начинай. Я с тобой.

— Нет. Ты можешь держать меня в своих объятиях, но тебе неведомо, куда я направляюсь. Не делай этого. Обещай, что не станешь представлять себе кольцо. Даже если я не смогу найти окончательного решения, я непременно расскажу тебе, где мы встретились в прежней жизни. Я не уверен, что это была наша первая встреча, но о других мне ничего не известно.

Она не отвечает.

— Обещай, — настаиваю я. — Мы пытались открыть Алеф, но нам помешали. Значит, прежде я должен отправиться туда один.

Хиляль разнимает руки и делает попытку подняться. Я удерживаю ее.

— Пойдем к Алефу прямо сейчас, — требует она. — В такое время мы там точно никого не встретим.

— Прошу, доверься мне. Обними меня снова и постарайся не шевелиться, даже если тебе трудно будет заснуть в таком положении. Позволь мне самому поискать ответ. Зажги для меня священный огонь на вершине, ведь там, куда я направляюсь, царит смертный холод.

— Я точно одна из тех женщин? — переспрашивает Хиляль.

— Да, — отвечаю я, прислушиваясь к биению ее сердца.

— Я зажгу огонь и останусь здесь. Ступай с миром.

Пауло Коэльо. Алеф

Я воображаю кольцо. Произнесенные девушкой слова прощения сняли с моей души изрядную тяжесть, и на этот раз кольцо движется вдоль моего тела легко и быстро, унося меня туда, где я не хочу оказаться, но куда должен вернуться даже против собственной воли.

AD EXTIRPANDA¹

Я поднимаю глаза от письма и вижу перед собой супружескую чету в изысканных одеяниях. На мужчине белоснежная льняная рубаша и бархатный камзол сшитыми золотом рукавами. На женщине меховая накидка, лиф ее шерстяного платья украшен жемчугами, высокий ворот покрывает изящная вышивка. Глаза полны тревоги. Оба супруга обращаются к моему наставнику.

— Мы столько лет были друзьями, — говорит женщина с вымученной улыбкой, словно пытаюсь убедить нас в том, что ничего не изменилось и все происходящее — простое недоразумение. — Вы крестили ее, вы наставляли ее на путь истинный.

Повернувшись ко мне, она продолжает:

— Ты знаешь ее как никто другой. Вы вместе играли, вместе росли и не расстались бы по сей день, если бы ты не принял сан.

¹ Дословно: для искоренения (*лат.*). *Прим. пер.*

Лицо инквизитора остается непроницаемым.

Просители безмолвно умоляют меня о помощи. Когда-то мне довелось жить в их доме и преломлять их хлеб. Они взяли меня к себе, когда мои родители умерли от чумы. Теперь я лишь согласно киваю. Я действительно знаю их дочь как никто другой, хоть и старше ее на пять лет. И дело не только в том, что мы вместе росли, — она единственная женщина, с которой я хотел бы встретить старость, если бы не вступил в орден доминиканцев.

— Мы ничего не можем сказать о ее друзьях, — вступает в беседу отец, с такой же принужденной улыбкой обращаясь к инквизитору. — Я понятия не имею, что они натворили. Я понимаю, что наша Церковь должна неустанно бороться с ересью, как некогда боролась с маврами. Эти женщины наверняка виновны, ибо церковь не может ошибаться, но мы-то с вами знаем, что моя дочь здесь ни при чем.

Магистры ордена прибыли в город накануне с ежегодным визитом. Местные жители собрались на главной площади. Никто не сгонял их насильно, но остаться дома означало навести на себя подозрения. Один из монахов прочел перед столпившимися у собора простолюдинами и вельможами грамоту, в которой излагалась причина визита: святые отцы прибыли разоблачить еретиков и совершить земное и небесное правосудие. Тому, кто прямо сейчас добровольно признается в грехе, смягчат

наказание. Глаза людей полны ужаса, но никто из них не двигается с места.

Тогда толпе предложили сообщить о подозрительных деяниях. Вперед вышел крестьянин и перечислил имена восьми девиц. Все знали, что доносчик бьет своих дочерей, но каждое воскресенье он ходил на мессу, а стало быть, в глазах церкви был чист, словно агнец.

* * *

Инквизитор поворачивается ко мне и кивает, и я протягиваю ему письмо. Он кладет его на стопку книг.

Супруги ждут. Несмотря на холод, лоб отца блестит от испарины.

— В нашей семье все богобоязненны. Мы не просим за всех обвиняемых; мы лишь хотим, чтобы нам вернули нашу дочь. Клянусь всем святым, мы отправим ее в монастырь, как только ей исполнится шестнадцать. И душа ее и тело будут посвящены Всемогущему Господу.

— Тот человек выдвинул обвинения на глазах у всего города, — наконец говорит инквизитор. — Он рискует сделаться изгоем, если его слова окажутся ложью. Это очень смелый шаг. Обычно разоблачители скрывают свои имена.

Обрадованный тем, что инквизитор наконец удостоил его ответом, отец решает, что еще не все потеряно.

— Вы знаете, мы с тем человеком давние враги. Он был моим работником, и я прогнал его за nepочтительные взгляды, которые он бросал на мою дочь. Вера тут ни при чем, он просто хочет отомстить.

Он мог бы еще добавить, что это справедливо и по отношению к остальным семи девушкам. Ходят слухи, что этот человек спит с собственными дочерьми. Что он негодяй и развратник, который получает удовлетворение от сексуальных контактов только с молодыми девушками.

Инквизитор берет верхний том из лежащей перед ним стопки.

— Я был бы рад поверить вам, я даже готов вам поверить, но вынужден следовать раз и навсегда установленной процедуре. Если ваша дочь невиновна, ей нечего бояться. С ней не сделают ничего сверх того, что описано в этой книге. Прежде и вправду имели место некоторые эксцессы, но с тех пор мы стали действовать куда более осторожно и организовано. Никто больше не умирает от нашей руки.

Книга называется «Directorium Inquisitorum»¹. Отец девушки берет ее, но не решается раскрыть. Он крепко прижимает ее к себе, словно боясь показать, что у него дрожат руки.

— Это наш кодекс, — поясняет инквизитор. — Основы христианской веры. Примеры еретических измышлений. И способы отличить одно от другого.

¹ «Установления инквизиции» *Прим. пер.*

Женщина прижимает ладонь к губам, словно желая подавить стон и сдерживая слезы. Она уже понимает, что мольбы бесполезны.

— Не одному мне известно, что ваша дочь, будучи еще совсем ребенком, беседовала с «невидимыми друзьями». В городе говорят, что она и ее подружки, укрывшись в лесной чаще, садились вокруг перевернутого кубка, касались его руками и пытались заставить двигаться посредством силы мысли. Четверо из них признались, что призывали души умерших, желая узнать будущее и получить демоническую силу, чтобы общаться с тем, что они называют «силами природы». Господь — наша единственная сила и единственная власть.

— Но это же просто детские шалости!

Инквизитор встает, подходит к моему столу, берет еще одну книгу и начинает неторопливо перелистывать. Несмотря на дружбу, которая связывает его с родителями девушки — из-за чего он и согласился их принять, — он хочет, чтобы дело было решено к воскресенью. Что до меня, то в его присутствии я вообще не смею подать голос. Все, что мне остается, — это сочувственные взгляды.

Впрочем, родители жадно следят за каждым жестом инквизитора и едва ли помнят о моем существовании.

— Прошу вас, — шепчет женщина, не в силах и дальше скрывать отчаяние, — пощадите нашу дочь. Если ее подружки в чем-то признались, то лишь потому, что их...

Супруг сжимает ее руку, но инквизитор сам завершает фразу:

— Пытали? Послушайте, мы знакомы много лет, нам не раз случалось вести богословские беседы. Вы не можете не знать, что Господь пребывает в каждой из этих девиц, и Он не допустит, чтобы они испытали муки или оклеветали сами себя. Разве вы не понимаете, что незначительная боль способствует очищению их душ от скверны? Его святейшество папа Иннокентий Четвертый более двухсот лет назад узаконил пытку своей буллой «Ad Extirpanda». Мучения обвиняемых не доставляют нам удовольствия, мы применяем пытку, испытывая их веру. Святой Дух защитит тех, кому не в чем каяться.

Богатое одеяние пришедших ярко контрастирует с аскетической, почти убогой обстановкой холодной, тускло освещенной комнаты. Луч солнца пробивается сквозь щель в каменной стене, и драгоценные камни в кольцах и ожерелье дамы играют разноцветными бликами.

— Святая Инквизиция не впервые посещает ваш город, — продолжает инквизитор. — Прежде вам не приходило в голову жаловаться и обвинять нас в несправедливости. Напротив, вы поощряли нашу деятельность, утверждая, что она способствует искоренению зла. Вы приветствовали наши усилия по избавлению города от ереси. Мы были для вас не кровожадными тиранами, но защитниками истины, которая не всегда столь очевидна, как хотелось бы.

— Но...

— Но тогда речь шла о других людях, которых вы без содрогания отправили бы на пытку и на костер. Однажды, — он указал на мужчину, — вы донесли на собственных соседей. Вы заявили, что мать семейства наслала порчу на ваш скот. Вина ведьмы была доказана, ее вместе с домочадцами приговорили к смерти, а я...

Инквизитор делает паузу, подбирая точные слова.

— А я помог вам купить их землю за бесценок. Ваше благочестие было щедро вознаграждено.

Он поворачивается ко мне:

— Принеси мне «*Malleus Maleficarum*»¹.

Я направляюсь к полкам за его столом. Инквизитор неплохой человек, и он убежден в своей правоте. Он не ищет выгоды или мести, но защищает веру. И хотя он никогда не откровенничал со мной, я часто замечал, как он напряженно смотрит вдаль, будто хочет спросить у Бога, почему на его плечи возложена столь тяжкая ноша.

Я протягиваю ему толстый фолиант в кожаном переплете с тисненным названием.

— В этой книге собраны все факты детального расследования вселенского заговора новых язычников, тех, кто верит в силы природы и духов потустороннего мира, в нелепые представления о существо-

¹ «Молот ведьм» — лат., трактат по демонологии, написанный доминиканскими инквизиторами Генрихом Крамером и Якобом Шпренгером в 1486 году. *Прим. пер.*

вании прошлых жизней, в колдунов и астрологов, в так называемых ученых, отвергающих таинства веры. Дьявол ничего не может сделать один, ему нужны ведьмы и ученые, чтобы соблазнять и растлевать. Пока мужчины сражаются в бесчисленных войнах за веру и отечество, женщины пытаются установить свою власть, а ничтожества, мнящие себя мудрецами, пытаются подменить Библию колдовством и еретической наукой. Предотвратить это — наша святая обязанность. Не я привел сюда этих девиц. Мое дело доподлинно установить, действительно ли они невиновны или их необходимо спасти.

Инквизитор встает и велит мне следовать за ним.

— Я должен идти. Если ваша дочь невиновна, она будет дома еще до рассвета.

Женщина бросается к его ногам.

— Ради бога! Вы баюкали ее, когда она была младенцем!

Ее муж прибегает к последнему аргументу:

— Я прямо сейчас отпишу церкви все свои земли и состояние, дайте мне перо и бумагу. Только верните мою дочь, я хочу выйти отсюда вместе с ней.

Инквизитор отталкивает женщину, и она остается распростертой на полу, спрятав лицо в ладонях и содрогаясь от рыданий.

— Орден доминиканцев для того и создан, чтобы не допускать подобных вещей. Прежних инквизиторов ничего не стоило подкупить, но мы, доми-

никанцы, живем подаянием и будем жить так и впредь. Деньгами нас не соблазнить; напротив, своим мерзким предложением вы лишь усугубляете положение вашей дочери.

Отец хватает меня за плечи:

— Ты был нам как сын! Когда твои родители умерли, мы взяли тебя в свою семью, защитили от дяди, который над тобой издевался!

— Не убивайтесь так! — шепчу я ему на ухо, боясь, как бы не услышал инквизитор. — Не надо!

Мы оба знаем, что он взял меня к себе лишь для того, чтобы я трудился на него, словно раб. И жестоко бил и бранил за малейшую провинность.

Я резко высвобождаюсь из его объятий и бросаюсь к дверям. Инквизитор в последний раз обращается к просителям:

— Вы еще будете благодарить меня за спасение вашей дочери от вечного проклятия.

* * *

— Раздеть ее.

Инквизитор сидит за огромным столом один, в окружении пустых стульев.

Двое стражников собираются выполнить приказ, но девушка вскидывает руку.

— Не надо, я сама! Пожалуйста, не трогайте меня!

Она медленно снимает расшитую золотом бархатную юбку, такую же элегантную, как у матери. Двадцать мужчин, присутствующих в зале, делают вид, будто им совершенно все равно, но я отлично представляю, какие мысли их одолевают: мерзкие, похотливые, порочные.

— Теперь рубаху.

Девушка снимает рубаху, которая еще вчера, несомненно, была белоснежной, но теперь грязна и измята. Ее движения нарочито медленны и старательны, и я догадываюсь, о чем она думает: «Он спасет меня. Он сумеет все это остановить». Я молчу, а про себя вопрошаю Господа, верно ли мы поступаем. Я вновь и вновь творю Иисусову молитву, прошу Господа вразумить и инквизитора, и девушку. Я догадываюсь, что инквизитор видит причину происходящего не только в чужой ревности и злобе, но и в ее удивительной красоте. Она — живое воплощение Люцифера, самого прекрасного и порочного из небесных ангелов.

Все здесь знают ее влиятельного отца, знают, что он сделает с теми, кто посмеет обидеть его дочь. Она смотрит на меня, и я не отвожу глаз. Остальные прячутся в тени, будто опасаясь, что она выйдет из переделки живой и невредимой и сможет со всеми поквитаться. Трусы! И эти люди призваны служить высокой цели, избавить мир от зла! Что же они прячутся от беззащитной юной девушки?

— Остальное тоже.

Продолжая пристально смотреть на меня, девушка развязывает ленты голубой нижней сорочки и позволяет ей соскользнуть на пол. Взгляд ее полон мольбы и страха, и я едва заметно киваю, призывая ее не бояться, обещая, что все будет хорошо.

— Ищи метку Сатаны, — приказывает мне инквизитор.

Я беру свечу и подхожу к девушке. Соски маленьких грудей отвердели, то ли от холода, то ли оттого, что она стоит голая перед всеми этими людьми; тело покрылось мурашками. Узкие окна с толстыми стеклами пропускают совсем мало света, но его достаточно, чтобы видеть ослепительную белизну ее кожи. Долго искать не приходится. На лобке — который столько раз в минуты томления я мысленно целовал, — слева, наполовину скрытая под курчавыми волосами, проступает сатанинская метка. Мне делается жутко. Получается, инквизитор прав, ведь такая отметина — неопровержимое доказательство ее сношений с дьяволом. Меня охватывают отвращение, тоска и ярость.

Надо удостовериться. Я опускаюсь на колени перед обнаженной девушкой и внимательно рассматриваю метку: родинку в форме полумесяца.

— Она у меня с рождения.

Так же, как и ее родители, она полагает, что сумеет убедить всех в своей невинности. Я не перестаю молиться с тех пор, как переступил порог этого зала, и прошу Господа дать мне сил. Будет больно, но через полчаса все кончится. Пускай метка — не-

опровержимое доказательство вины, но я любил эту девушку до того, как решил посвятить себя служению Богу, осознав, что дочь идадьго никогда не отдадут за простолюдина.

И эта любовь еще очень сильна. Я не хочу видеть ее мучений.

— Я никогда не призывала дьявола. Ты знаешь меня и моих подруг. Скажи ему, — указывает она на инквизитора, — что я ни в чем не виновата.

Инквизитор обращается к обвиняемой неожиданно мягко, словно проявляя божескую милость:

— Я тоже знаю тебя и твою семью. Однако дьявол выбирает жертву, невзирая на происхождение. Он ищет тех, кто способен обольщать словом или обманчивой красотой. Иисус заповедал, что зло исходит из человеческих уст. Если в тебе есть зло, его можно изгнать с помощью криков и признаний, на что мы и уповаем. Если же ты свободна от зла, тебе не составит труда выдержать любую боль.

— Здесь так холодно, нельзя ли...

— Не надо говорить, пока тебя не спросят, — мягко, но решительно прерывает ее инквизитор. — Достаточно кивнуть или покачать головой. Твои подруги рассказали тебе о том, что здесь происходит?

Девушка кивает.

— Господа, займите свои места.

Теперь этим трём придется явить свои лица. Судья, писцы и вельможи подходят к своим местам

за большим столом, за которым инквизитор сидел до этого в полном одиночестве. Стражники, я и девушка стоим теперь перед ними.

Как бы я хотел, чтобы этого сброда здесь не было! Останься мы в зале втроем, все решилось бы иначе. Доносчики редко называют свои имена, потому что боятся гнева соседей; не будь это обвинение сделано прилюдно, ему, вполне возможно, вообще не дали бы хода. Но так распорядилась судьба, а Церкви понадобился громкий процесс. Чтобы пресечь разговоры об имевшей место неоправданной жестокости при допросах, было решено сделать все этапы следствия гласными и тщательно их документировать. Так что и в далеком будущем все смогут удостовериться: церковные власти действовали достойно, защищая веру. Приговор выносит светская власть; инквизиторы лишь решают, виновен ли подсудимый.

— Не бойся. Я только что говорил с твоими родителями и обещал им сделать все, что от меня зависит, чтобы доказать твою непричастность к богомерзким ритуалам. Доказать, что ты не вызывала духов мертвых, не пыталась узнать будущее или перенестись в прошлое, не поклонялась природе, что слуги сатаны не касались твоего тела, несмотря на оставленную на нем метку.

— Но ты ведь знаешь...

Все присутствующие, лица которых теперь хорошо видны узнице, обращают взоры к инквизитору, ожидая суровой отповеди за подобную дерзость.

Но тот лишь подносит палец к губам, вновь призывая ее уважать суд.

Мои молитвы услышаны. Я просил Господа наполнить сердце инквизитора милосердием и терпением и чтобы он не отправлял ее на колесо. Никто еще не смог выдержать пытки на колесе, применяемой лишь в тех случаях, когда вина преступника не вызывает сомнений. Пока ни одну из четырех девушек, представших перед судом, не подвергли этому испытанию, во время которого жертву привязывают к раме колеса, утыканного гвоздями и с раскаленными угольями. Когда колесо поворачивают, человеческая плоть превращается в обожженное, изодранное месиво.

— Принесите ложе.

Да, мои молитвы услышаны. Один из стражников бросается выполнять приказ.

Девушка пытается бежать, хоть и понимает, что это невозможно. Она мечется по комнате, бросается на каменные стены, бьется в запертую дверь. Несмотря на холод, на теле ее сверкают бисеринки пота. Она не вопит, как другие, и лишь пытается вырваться. Наконец стражники хватают ее и тащат на место, беззастенчиво касаясь маленьких грудей и поросшего курчавым волосом лона.

В комнату вносят деревянное ложе, сработанное в Голландии по заказу святой инквизиции и рекомендованное к применению уже в нескольких странах. Ложе устанавливают прямо перед столом и укладывают на него молчаливо сопротивляющуюся

юся девушку. Ей раздвигают ноги и зажимают специальным креплением лодыжки, а руки закидывают за голову и привязывают к рычагу.

— Позвольте мне повернуть рычаг, — вырывается у меня.

Инквизитора моя просьба не удивляет. Обычно это делают солдаты, но эти варвары могут порвать ей мышцы, и потом, мне уже доверяли рычаг, когда пытали других девушек.

— Хорошо.

Я подхожу к ложу и берусь за деревянную рукоять. Зрители за столом невольно подаются вперед. Распятая на ложе нагая девушка чиста, как ангел, и прекрасна, словно дьявольское наваждение. Сатана искушает меня. Нынче же вечером я изгоню его из своего тела кнутом, но сейчас я должен быть здесь, чтобы защитить ее, закрыть собой от скользких взглядов и похотливых ухмылок.

— Именем Господа нашего изыди!

Воззвав к дьяволу, я непроизвольно нажимаю на рычаг, и позвоночник девушки выгибается дугой. Она с трудом сдерживает стон. Я немного отпускаю рычаг и ослабляю веревки.

Я непрерывно молюсь про себя, прошу Господа явить Свою милость. Когда тело минует первый порог боли, дух крепнет, обычные желания теряют свою силу, и человек очищается. Страдания протекают от желаний, не от боли.

Я стараюсь говорить как можно мягче и убедительнее:

— Подруги тебе все рассказали, верно? Когда я поверну рычаг до конца, он вывихнет тебе руки, выломает плечевые суставы, порвет кожу. Не заставляй меня заходить так далеко. Признай свою вину, как это сделали остальные. Инквизитор отпустит тебе грехи, на тебя наложат епитимью, ты вернешься домой, и все пойдет как прежде. Святая инквизиция еще долго не вернется в наш город.

Произнося эту тираду, я украдкой поглядываю на писца, дабы убедиться, что он записал ее слово в слово, для будущего.

— Да, я признаюсь. Скажите, в чем мои грехи, и я в них покаюсь.

Я поворачиваю рычаг, совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы она закричала от боли. Прошу, не заставляй меня идти дальше, прошу, помоги мне и признайся наконец.

— Я не могу сказать, в чем заключаются твои грехи. Даже если они мне известны, ты сама должна признаться в них.

Девушка начинает говорить то, мы хотим услышать, избавляя себя от пытки и обрекая на смерть. Тут я бессилён. Я нажимаю на рычаг чуть сильнее, чтобы заставить ее замолчать, но она продолжает говорить, преодолевая боль. Они с подругами призывали демонов, пытались предсказать будущее и хотели научиться врачеванию при помощи сил природы. В отчаянии я все сильнее давлу на рычаг, но она не умолкает, перемежая признания криками и стонами.

— Полегче, — велит мне инквизитор. — Дай нам расслышать, что она говорит. Отпусти рычаг.

И обращаясь к остальным, объявляет:

— Мы все свидетели. Церковь требует смерти через огонь для таких жертв дьявольских козней.

Нет! Я хочу сказать ей, чтобы она замолчала, но все смотрят сейчас на меня.

— У суда нет возражений, — говорит один из судей.

Девушка слышала приговор. Она понимает, что все кончено. Впервые с тех пор, как она переступила порог ужасной комнаты, в ее глазах разгорается поистине дьявольский огонь.

— Я признаюсь во всех смертных грехах. В своих грехах я принимала у себя в спальне мужчин и дарила им нечестивые поцелуи. Одним из них был ты, и я желала тебя. Я вместе со своими подругами вызывала души мертвецов, чтобы спросить у них, выйду ли я за любимого, о котором мечтала дни и ночи.

Она кивает в мою сторону.

— Я мечтала выйти за тебя. Я ждала тебя всегда, была на все готова, лишь бы отвратить тебя от стези монаха. А потом сожгла все свои письма и дневники, потому что речь в них шла об одном-единственном человеке, который был добр ко мне и которого я полюбила всем сердцем. Этот человек ты...

Я давлю на рычаг. Девушка захлебывается криком и теряет сознание. Ее белая кожа покрыта би-

серинками пота. Стража собирается плеснуть на нее водой, чтобы привести в чувство и продолжить пытку, но инквизитор их останавливает.

— Не нужно. Суд слышал достаточно. Наденьте на нее рубаху и отнесите в камеру.

Стражники уносят бесчувственное тело, на ходу подобрав с пола голубую сорочку. Инквизитор обращается к жестокосердным людям, сидящим с ним за столом.

— Господа, я жду ваших подписей под приговором, если, конечно, кто-либо из вас не пожелает высказаться в ее защиту. В таком случае дело будет пересмотрено.

Все взгляды устремляются на меня, одни — в надежде, что я ничего не скажу, другие — что спасу ее, ведь она сама признала, что я лучше всех ее знаю.

Зачем ей понадобилось все это говорить? Зачем она пробудила во мне чувства, которые я с таким трудом преодолел, решив уйти от мира и посвятить себя Богу? Почему не дала мне спасти ей жизнь? Если я вступлюсь за нее сейчас, завтра весь город станет говорить, что я так поступил, потому что мы любовники. Моя репутация будет запятнана, а карьера погублена.

— Святая Церковь готова явить свое милосердие, если в защиту осужденной будет подан хоть один голос.

Я не единственный из присутствующих, кто знает ее родителей. Одни зависят от них, другие числятся в их должниках, третьи просто завиду-

ют. Но никто не решается проронить хоть единое слово.

— Должен ли я объявить процесс завершенным?

Инквизитор, столь образованный и набожный, словно только и ждет, чтобы я наконец вмешался. Ведь она только что во всеуслышание призналась мне в любви.

«Одно Твое слово, и мой слуга будет исцелен», — сказал центурион Иисусу.

Я не разжимаю губ.

Инквизитор ничем этого не выказывает, но я знаю, он меня презирает. Он обращается к тем, кто сидит с ним за одним столом:

— Церковь в моем лице, в лице своего ревностного защитника, ждет утверждения смертного приговора.

Судьи удаляются, чтобы посоветаться, а я вновь отчетливо слышу искусительные речи сатаны, пытающегося в очередной раз смутить меня. И все же я не оставил ни единого следа на телах других девушек. Я видел, как иные монахи опускали рычаг до предела, и жертвы погибали в страшных мучениях: внутренности лопались, изо рта лилась кровь, а тела становились на несколько сантиметров длиннее.

Судьи возвращаются с вердиктом, который все они подписали. Он такой же, как и для остальных девушек: достойна смерти через огонь.

Инквизитор благодарит всех и покидает зал, не обратившись ко мне и не сказав ни слова. Все со-

бравшиеся, что вершат правосудие и следят за соблюдением закона, тоже уходят, некоторые — обсуждая последние сплетни, иные же идут, опустив голову. Я подхожу к жаровне, беру раскаленный докрасна уголек и кладу за пазуху. Тело мое раздирает жуткая боль, в воздухе пахнет горелым мясом, но я не двигаюсь с места.

— Отец наш небесный, — шепчу я, когда боль немного стихает, — пусть эти отметины останутся на моем теле, чтобы я никогда не забывал о содеянном.

КАК, НЕ ПОШЕВЕЛИВ ПАЛЬЦЕМ, ОБЕЗОРУЖИТЬ ПРОТИВНИКА

Ярко накрашенная — и страдающая избыточным весом — женщина в национальном костюме поет народные песни. Я надеюсь, что всем сейчас хорошо; вечеринка удалась, и мое настроение улучшается с каждым новым километром пути.

В какой-то момент тот человек, каким я был в начале путешествия, впал в депрессию, однако теперь он исцелен. Какой смысл терзаться, если Хиляль меня простила? Возвращаться в прошлое и беречь старые раны не так-то легко, да и не нужно. Это следует делать лишь в том случае, если обретенный опыт поможет лучше понять настоящее.

С последней автограф-сессии я мысленно подбирал слова, чтобы обо всем рассказать Хиляль. Проблема заключается в том, что словам часто придают иллюзорное значение, которое мы сами себе навязываем, как и понимание того, что нам говорят другие. Однако когда приходит время

встретиться лицом к лицу с судьбой, мы обнаруживаем, что одних слов не достаточно. Я знаю немало блестящих проповедников, неспособных воплотить в жизнь то, к чему они сами призывают. Одно дело описывать ситуацию и совсем другое — находиться в ней. Воин, который сражается за свою мечту, черпает вдохновение в реальном действии, а не в том, что он себе воображает. Как бы ни пытался я поведать Хиляль о том, что мы с ней пережили, слова мои окажутся мертвы, едва слетев с губ.

Узнав, что случилось в том застенке, узнав о пытке и смерти на костре, она не почувствует облегчения, напротив, это принесет ей боль. У меня в запасе есть еще несколько дней, и я постараюсь объяснить Хиляль сущность наших взаимоотношений, не доставив ей новых страданий.

Возможно, правильнее всего было бы оставить ее в неведении, но, сам не знаю почему, я чувствую, что правда поможет ей освободиться от многого из того, что ей приходится переживать в этом воплощении. Я совсем не случайно отправился в путешествие, когда увидел, что моя жизнь уже не подходит на реку, стремящуюся к морю. Я так поступил, когда понял, что она находится на грани стагнации. С Хиляль творилось то же самое, и это не простое совпадение. Господь непременно наставит меня, как ей все объяснить.

Отныне каждый новый день становится для пассажиров нашего вагона новым этапом жизни. Редакторша сделалась более мягкой и человечной.

Яо, что стоит сейчас рядом со мной, курит и смотрит на танцующих, с воодушевлением взялся напоминать мне о вещах, о которых я позабыл, заодно освежив собственную память. Сегодня утром после занятий айкидо в найденном им в Иркутске зале он заметил:

— Мы должны быть всегда готовы к нападению противника, равно как и к тому, чтобы взглянуть в глаза смерти, ибо смерть порой освещает нам путь.

Речи Уэсибы — кладезь мудрости для тех, кто решил встать на Путь Мира. Выбранное Яо изречение как нельзя лучше подходит к тому, что мне довелось пережить накануне, когда Хиляль спала в моих объятиях, и ее смерть осветила мой путь.

Может ли быть, чтобы Яо перемещался в параллельном мире и ощущал некую связь с тем, что происходит со мной? Я говорил с ним чаще, чем с любимым из пассажиров нашего вагона (у нас были очень важные разговоры с Хиляль, однако день ото дня она становится все молчаливей), и я по-прежнему почти ничего о нем не знаю. Я даже не уверен, что ему хоть как-то помогли слова о том, что наши возлюбленные не уходят от нас, но переходят в другое измерение. Похоже, он по-прежнему постоянно думает о жене, и лучшее, что я могу для него сделать, это порекомендовать отличного медиума, который живет в Лондоне. С ним Яо найдет все ответы и получит подтверждение моих слов о бесконечности времени.

Мое решение пересечь Азию на поезде было спонтанным, но я нисколько не сомневаюсь, что у каждого из нас есть веские причины находиться здесь, в Иркутске. Такое бывает, когда случайных попутчиков объединяет прошлая жизнь и общее стремление от нее освободиться.

Хиляль танцует с молодым человеком своих лет. Она немного переборщила с выпивкой, и теперь у нее игривое настроение. Несколько раз она подходила ко мне посетовать, что не взяла с собой инструмент. И правда жаль. Все эти люди достойны того, чтобы для них сыграла первая скрипка одной из лучших консерваторий России.

* * *

Дородная певица покидает сцену, но ансамбль продолжает играть, а публика, подсакивая на месте, кричит: «Калашников! Калашников!» Какой-нибудь прохожий, не знакомый с творчеством Горана Бреговича, мог бы подумать, что здесь проходит вечеринка террористов.

Хиляль и ее партнер держат друг друга в объятиях и, похоже, вот-вот начнут целоваться. Мои попутчики явно решили, что я весьма этим удручен. А по-моему, это здорово. Вот бы она встретила того единственного мужчину, который может сделать ее счастливой и не заставит бросить карьеру, который будет обнимать ее на закате и разо-

жет священный огонь всякий раз, когда ей понадобится помощь. Она это заслужила.

— Я мог бы вылечить болячки на вашем теле, — предлагает Яо, который тоже смотрит на танцующих. — Китайской медицине известно, как это сделать.

Но я-то знаю, что это невозможно.

— Они меня не так уж беспокоят. То пропадают, то снова появляются. Но вообще-то нуммулярная экзема не лечится.

— Китайцы верят, что такие отметины появляются у солдат, которые в прошлой жизни горели в огне битвы.

Я улыбаюсь, Яо улыбается в ответ. Интересно, понимает ли он, о чем говорит. Мои отметины — память о том застенке. Такие же отметины были на руке у французского писателя, каким я был в одном из прежних воплощений. Нуммулярными их называют, потому что они действительно похожи на римские монеты — или на ожоги от горящих углей.

Музыка стихает, наступает время идти на ужин. Я приглашаю партнера Хиляль присоединиться. Пусть он станет одним из избранных мной читателей.

Хиляль удивлена:

— Но вы ведь уже выбрали других людей.

— Ну, для одного места всегда найдется, — замечаю я.

— Это не так. Жизнь — не поезд с бесплатными билетами в бесчисленные вагоны.

Молодой человек не вполне понимает, о чем речь, хотя и чувствует, что происходит что-то странное. Он благодарит за приглашение и сообщает, что на ужин его ждут дома. Я решаю немного развлечься.

— Вы читали Маяковского?

— Нет. В школе его больше не проходят. Он был официальным советским поэтом.

Так-то оно так, но в его возрасте я любил стихи Маяковского и даже читал немного о его жизни.

К нам подходят встревоженные издатели. Они боятся, что я устрою сцену ревности, но первое впечатление, как часто случается в жизни, оказывается обманчивым.

— Он влюбился в танцовщицу, жену своего издателя, — вдохновенно повествую я. — Эта страсть заставила его на время забыть о политике и сделала его поэзию чуть более человеческой. И хотя Маяковский всегда менял имена у своих героинь, издатель прекрасно понимал, что в стихах говорится о его жене, но не переставал его печатать. А женщина любила и своего мужа, и Маяковского. В конце концов они нашли выход: стали жить втроем, и все были счастливы.

— Я люблю своего мужа и вас, — лукаво улыбается редакторша. — Почему бы вам не переехать в Россию?

Молодой человек наконец понимает, о чем мы.

— Она ваша девушка? — спрашивает он.

— Увы, нет, хоть я и любил ее по меньшей мере лет пятьсот назад. Хиляль свободна как птица. Эту девушку ждет блестящее будущее, но она пока не встретила мужчину, который бы относился к ней с уважением и любовью, которых она заслуживает.

— Зачем вы все это говорите?! — возмущается Хиляль. — Вы полагаете, я не смогу сама найти себе мужа?

Молодой человек повторяет, что его ждут дома, еще раз благодарит и уходит. Остальные избранные мной читатели отправляются с нами в ресторан.

— Прошу прощения за эти слова, — говорит Яо, когда мы переходим улицу, — но вы вели себя неправильно и по отношению к Хиляль, и по отношению к молодому человеку, и по отношению к самому себе. Вы не выказали должного уважения к чувствам Хиляль. Вы дали понять своему читателю, что хотите его использовать. И к тому же, будучи движимым гордыней, захотели продемонстрировать ему, что вы его выше. Было бы простительно, если бы вы сделали это из ревности, но ведь это не так. Вы просто хотели показать всем остальным и мне, что вам все равно, а это не правда.

Я согласно киваю. Духовный рост не всегда идет рука об руку со здравым смыслом.

— И еще, — продолжает Яо. — Маяковский входил в школьную программу, и все прекрасно знают, чем окончился этот менаж-а-труа. Поэт застрелился в тридцать семь лет.

* * *

С Москвой у нас разница во времени пять часов. У жителей столицы заканчивается обеденный перерыв, а мы уже садимся ужинать. Иркутск по-своему хорош, но атмосфера за нашим столом заметно напряженнее, чем в вагоне. Возможно потому, что мы привыкли к своему тесному мирку, сделали братством странников, неуклонно идущих к намеченной цели, и любая остановка кажется нам отклонением от этого пути.

После моей выходки на вечеринке у Хиляль заметно испортилось настроение. Издатель яростно спорит с кем-то по телефону, и Яо объясняет мне, что речь идет о проблемах с дистрибуцией. Троица приглашенных читателей застенчиво помалкивает.

Мы заказываем напитки. Один из читателей предупреждает, что здесь принято мешать сибирскую водку с монгольской, и за неводержанность придется заплатить жестоким похмельем. Как бы то ни было, нам всем нужно выпить, чтобы разрядить атмосферу. Мы пьем стопку за стопкой и еще до того, как принесли закуски, заказываем вторую бутылку. Читатель, предупреждавший нас о местной водке, не хочет быть единственным трезвым за столом и под наши аплодисменты опустошает три стопки разом. Все оживляются, и только Хиляль, выпившая не меньше других, сохраняет мрачный вид.

— Этот город — жуткое место, — говорит читатель, призывавший нас к воздержанию. От выпитого глаза его наливаются кровью. — Посмотрите на улицу.

Деревянные дома с резными фасадами — зрелище по нынешним временам и вправду редкое. Похоже на музей под открытым небом.

— Я говорю не о домах, а об улице.

Да, качество мостовой оставляет желать лучшего, а в воздухе порой чувствуется запах канализации.

— Эту часть города контролирует мафия, — заявляет читатель. — Они скупают землю, чтобы построить очередной уродливый офисный центр. А чтобы жители не артачились и продавали свои дома за бесценок, мафия не дает улучшать жизнь в районе. Этому городу четыреста лет, раньше сюда приезжали купцы из Китая, здесь добывали алмазы, золото и выделывали кожу, а теперь мафия прибрала все к рукам, и даже правительство ничего не может поделать...

Мафия — слово интернациональное. Издатель по-прежнему орет на кого-то по телефону, редакторша жалуется на скудное меню, Хиляль делает вид, будто она вообще на другой планете, и только мы с Яо замечаем, что компания за соседним столиком с интересом прислушивается к нашему разговору.

Паранойя, чистой воды паранойя.

Читатель продолжает пить и клясть судьбу. Двое других дружно ему поддакивают. Ругают правитель-

ство, дороги, аэропорт. Любой из нас и не такое может порассказать о своем родном городе, с той лишь разницей, что все сказанное не будет подкрепляться словом «мафия». Чтобы переменить тему и заодно порадовать Яо, я завожу разговор о местных шаманах. Однако молодые люди тут же начинают говорить о «мафии шаманов» и «туристической мафии». Появляется третья бутылка сибирско-монгольской водки, и русские начинают говорить по-английски о политике, то ли чтобы я их понимал, то ли чтобы не поняли люди за соседними столиками. Издатель наконец убирает мобильный и присоединяется к дискуссии, редакторша вставляет реплики, Хильяль по-прежнему молча осушает стопку за стопкой. Только Яо, оставаясь трезвым и отстраненным, старается скрыть свою тревогу. Что до меня, то после третьей стопки я решаю больше не пить.

Тем временем паранойя грозит обернуться реальными неприятностями. Один из тех, что сидят за соседним столиком, встает и подходит к нам.

Незнакомец не произносит ни слова. Он молча смотрит на наших молодых читателей, и оживленная беседа затихает. Такого никто не ожидал. Мой издатель, слегка выбитый из колеи водкой и проблемами с дистрибуцией, о чем-то спрашивает по-русски.

— Нет, я ему не отец, — отвечает незнакомец, — но по-моему, этот юноша слишком молод, чтобы столько пить и рассуждать о делах, в которых ничего не смыслит.

Говорит он на безупречном английском, и произношение выдает в нем человека, учившегося в одной из самых дорогих английских школ. Голос его звучит спокойно и размеренно, в нем не слышится ни волнения, ни агрессии.

Только дураки бросаются угрозами, а другие дураки дают себя запугать. И в то же время когда кто-либо говорит таким тоном, этот тон сам по себе означает опасность, поскольку существительные, прилагательные и глаголы при необходимости могут перейти из вербальной стадии в стадию действия.

— Полагаю, вы выбрали не тот ресторан, — говорит незнакомец. — Еда здесь ужасная, а обслуживание и того хуже. Почему бы вам не поесть в другом месте? Я оплачу ваш счет.

Еда действительно не слишком хороша, выпивка вполне соответствует тому, о чем нас предупреждали, да и обслуживание не впечатляет. Впрочем, люди за соседним столиком едва ли беспокоятся о нашем здоровье и самочувствии: нас попросту выпроваживают.

— Пошли отсюда, — говорит молодой человек.

И прежде чем кто-то из нас успевает ему ответить, все трое исчезают. Незнакомец вполне удовлетворен и возвращается за свой столик. Напряжение понемногу спадает.

— А мне еда нравится, и уходить я не собираюсь.

Я произносит это одновременно спокойным и угрожающим тоном; на первый взгляд, его вме-

шательство кажется бессмысленным: конфликт как будто исчерпан, у людей за соседним столиком были претензии только к моим читателям. Мы вполне могли бы мирно закончить трапезу. Незнакомец оборачивается и возвращается к нам. Один из его товарищей достает мобильный телефон и выходит на улицу. В зале воцаряется тишина.

Яо и незнакомец смотрят друг другу в глаза.

— Здешней едой можно отравиться насмерть.

Яо не меняет позы.

— Согласно статистике, за три минуты, пока мы с вами разговаривали, в мире умерли триста двадцать человек, а родились шестьсот пятьдесят. Такова жизнь. Я не знаю, сколько из них умерло от пищевого отравления, но наверняка были и такие. Одни умерли от продолжительной болезни, другие погибли в результате несчастного случая, сколько-то процентов были застрелены, какая-нибудь несчастная женщина скончалась родами, а ее дитя пополнило статистику рождений. Лишь тот, кто жил, умирает.

Человек с телефоном возвращается в зал, а незнакомец по-прежнему стоит у нашего столика с непроницаемым видом. Целую вечность никто не произносит не единого слова. Наконец незнакомец нарушает молчание:

— Ну вот, прошла еще минута. Еще сто или около того человек умерло и двести родились.

— Так и есть.

К нам направляются еще двое. Незнакомец кивком головы приказывает им отойти.

— Еда действительно паршивая и обслуживание так себе, но если вы предпочитаете ужинать именно здесь, я ничего не могу поделать. *Bon appétit.*

— Спасибо. Но мы с радостью воспользуемся вашим предложением оплатить наш счет.

— Разумеется, — отвечает незнакомец, обращаясь к Яо и ни к кому больше. Он лезет в карман и, вопреки ожиданиям, достает не пистолет, а визитную карточку.

— Дайте знать, если вам понадобится работа или надоест то, чем вы сейчас занимаетесь. Мой бизнес расширяется, и мне нужны такие люди, как вы, те, кто понимает, что смерть — это не более чем статистика.

Он протягивает Яо карточку, пожимает ему руку и возвращается к своему столику. Ресторан постепенно оживает, тишина сменяется гулом голосов, а мы с изумлением смотрим на Яо, героя, победившего противника без единого выстрела. Хиляль впадает в нарочитую веселость и старается вовлечь остальных в оживленную беседу о чучелах птиц и свойствах сибирско-монгольской водки. Выплеснувшийся в кровь адреналин заставляет нас слегка протрезветь.

Я должен буду воспользоваться ситуацией и спросить у Яо, что придает ему уверенности. А теперь я говорю:

— Знаете, меня поражает набожность русского человека. Коммунисты семьдесят лет твердили, что

религия опиум для народа, но их пропаганда почти не возымела действия.

— Маркс решительно ничего не смыслил в опиуме, — заявляет издатель, вызывая всеобщий смех.

Я продолжаю:

— Нечто подобное случилось и с моей церковью. Мы убивали именем Господа, пытали именем Христа, мы считали, что женщины таят в себе угрозу обществу, и всячески подавляли их активность, занимались ростовщичеством, умерщвляли невинных и заключали сделки с дьяволом. И все же спустя две тысячи лет наша вера еще жива.

— Я ненавижу церкви, — простодушно заявляет Хиляль, проглотив мою наживку. — Самое худшее, что было в этом путешествии, это когда вы затащили меня в церковь в Новосибирске.

— Вообрази, что в прошлой жизни тебя сожгли на костре за отказ принимать навязанные Ватиканом догмы. Стала бы ты сильнее ненавидеть церковь?

Девушка немного раздумывает прежде чем ответить.

— Едва ли. Скорее, тогда мне было бы все равно. Яо не ненавидел того человека; он просто был готов драться за свои убеждения.

— А если бы ты была невиновна?

В разговор вступает мой издатель. Должно быть, он и об этом издавал какую-нибудь книжку.

— Это как с Джордано Бруно. Он был священником и при этом видным ученым, и тем не менее

его сожгли на главной площади Рима. На суде он произнес: «Я не боюсь костра, это вы боитесь своего приговора». В наши дни Джордано Бруно поставили памятник на том самом месте, где он был сожжен своими «соратниками». Он стал легендой, потому что его судили люди, не Господь.

— Значит, вы оправдываете несправедливость и беззаконие? — ужасается редакторша.

— Совсе нет. Убийцы Джордано Бруно давно канули в небытие, его же помнят, а его идеи по-прежнему имеют для нас значение. Такова награда за мужество. В конце концов, жизнь без путеводной звезды — пустая жизнь.

Похоже, разговор пошел в нужном направлении.

— На месте Джордано Бруно, — говорю я, пристально глядя на Хиляль, — ты простила бы своих палачей?

— Почему вы спрашиваете?

— Церковь, к которой я принадлежу, в прошлом сотворила немало зла. Я спрашиваю потому, что несмотря на это Господь любит меня, а Его любовь много сильнее ненависти тех, кто считает себя Его последователями. И я по-прежнему верю в таинство пресуществления хлеба и вина.

— Так-то оно так, но лично я стараюсь держаться подальше от церкви, попов и всяких таинств. Музыка и созерцание живой природы — вот моя религия. Но может, то, что вы сейчас сказали, как-то связано с тем, что вы видели, когда... — Хиляль

медлит, тщательно подбирая слова, — когда делали этот опыт с огненным кольцом?

Она не упомянула, что при этом мы лежали в одной постели. Какой бы неуживчивой и резкой ни была эта девочка, она пытается меня защитить.

— Не знаю. Помнишь, в поезде я говорил, что все случившееся в прошлом, и то, чему еще только предстоит случиться в будущем, на самом деле происходит здесь и сейчас. Что если мы встретились потому, что ты была моей жертвой, а я — твоим палачом, и мне теперь нужно вымолить у тебя прощение?

Присутствующих позабавили мои слова, и я засмеялся вместе со всеми.

— Тогда будьте со мной добрее и внимательнее. Скажите мне прямо здесь, при всех, фразу из трех слов, которую я так хочу услышать.

Она хочет, чтобы я сказал: «Я люблю тебя».

— Я скажу целых три фразы из трех слов. Первая: я с тобой. Вторая: ничего не бойся. Третья: ты лучше всех.

— Ладно, у меня есть что к этому добавить. Лишь тот, кто говорит: «Я тебя люблю», — может сказать: «Я тебя прощаю».

Моим спутникам так нравится сказанное Хиляль, что они аплодируют. Мы отдаем должное монголо-сибирской водке и говорим о любви, гонениях, преступлениях, совершаемых во имя истины, и ресторанных блюдах. Наш главный разговор с Хиляль впереди. Она еще не понимает, что я пытаюсь ей сказать, но первый шаг уже сделан.

* * *

На улице я спрашиваю Яо, почему он избрал такую линию поведения, подвергнув всех нас риску.

— Но ведь ничего страшного не случилось!

— Но могло случиться. Такие люди не терпят, когда им дерзят.

— В юности я всегда бежал с поля боя, а когда повзрослел, дал себе слово, что больше так поступать не стану. К тому же я не дерзил; я просто не стал заискивать перед ним, и он это оценил. Глаза не лгут, он видел, что я не блефую.

— И все же задирать его не стоило. Это маленький город, все друг друга знают, и ему могло показаться, что мы ставим под сомнение его авторитет.

— Когда мы уезжали из Новосибирска, вы рассказывали про Алеф. Через пару дней я вспомнил, что в китайском языке есть похожее понятие: *ци*. Мы с тем человеком находились в одной энергетической точке. Я не хочу разглагольствовать о том, что могло бы случиться, но человек, привыкший к опасности, знает, что в любой момент он может повстречать противника: не врага, противника. Если противник уверен в своей силе, как это было с тем человеком, ты должен противостоять ему, иначе тебе придется признать, что ты неспособен проявить собственную силу. Умение выказать уважение к противнику не имеет ничего

общего с тем, что обычно делают трусы, предатели и льстецы.

— Но вы же видели, что он...

— Не важно, кто он, важно, как он управляет своей энергией. Мне понравился его стиль, а ему понравился мой. Только и всего.

ЗОЛОТАЯ РОЗА

У меня страшная головная боль после этой монголо-сибирской водки, и никакие лекарства, кажется, не помогают. День выдался ясный, солнечный и очень ветреный. На дворе поздняя весна, но прибрежная галька перемешана с ледяным крошевом. Я натянул несколько свитеров и все равно трясусь от холода.

И все же первой моей мыслью было: «Боже, я дома!»

Передо мной простирается озеро, такое огромное, что противоположный берег почти не виден. Рыбачья лодка скользит по прозрачной водной глади на фоне заснеженных гор, чтобы к вечеру возвратиться на сушу. Я стараюсь вобрать в себя весь этот миг без остатка, ибо знаю: вернуться сюда мне не суждено. И потому дышу как можно глубже, желая унести с собой эту красоту.

— В жизни не видел ничего прекраснее.

Вдохновленный моим признанием, Яо решает снабдить меня некоторыми сведениями. Оказыва-

ется, озеро Байкал, в древних китайских текстах именуемое Северным морем, существует более двадцати пяти миллионов лет и содержит двадцать процентов мировых запасов пресной воды. Увы, все это мне совсем не интересно.

— Пожалуйста, не отвлекайте меня. Я хочу вобрать в себя красоту этого пейзажа.

— Озеро огромно. Не проще ли погрузиться в него и дать возможность вашей душе соединиться с душой озера?

Иными словами, получить термический шок и умереть от него в сердце Сибири. Яо наконец удалось привлечь мое внимание. Ветер свирепствует, голова раскалывается, и мы решаем поскорее отправиться туда, где нам предстоит устроиться на ночлег.

— Благодарю вас, что согласились поехать со мной. Вы об этом не пожалеете.

Наша гостиница располагается в крошечном поселке с грязными улочками и деревянными домами вроде тех, что мы видели в Иркутске. Во дворе маленькая девочка с трудом тащит из колодца тяжелое ведро с водой. Хиляль бросается ей на помощь, но вместо того чтобы ухватиться за ведро, нечаянно толкает девчушку к краю колодца.

— В И Цзинь говорится: «Можно переместить целый город, но колодец с места не сдвинешь», — замечаю я. — В твоём случае можно сказать, что ты можешь передвинуть ведро, но не ребенка. Будь осторожнее.

Во двор выбегает мать девочки и набрасывается на Хиляль. Я оставляю их выяснять отношения, а сам захожу в дом. Яо категорически отказывался брать с собой Хиляль. Женщинам нечего делать в местах, где мы должны встретиться с шаманом. В принципе, я и сам не хотел ехать. Мне известно, что Традиции можно следовать в любом месте, к тому же на родине мне не раз доводилось встречаться с шаманами. Я согласился приехать сюда лишь потому, что чувствовал себя обязанным: Яо не раз выручал меня, и я многому у него научился за время поездки.

— Мне необходимо проводить все мое время с Хиляль, — объяснял я ему еще в Иркутске. — Поверьте, я знаю, что делаю. Сейчас я на пути к своему царству. Если Хиляль не сможет мне помочь, в этой жизни у меня останутся всего три попытки.

И хотя Яо ничего не понял из моих объяснений, он в конце концов дал свое согласие.

Я бросаю рюкзак в угол, включаю на максимум обогреватель, задергиваю шторы и падаю на кровать в надежде, что головная боль наконец отступит. И тут в комнату врывается Хиляль.

— Ты бросил меня с той теткой! Тебе ведь известно, я ненавижу чужаков!

— Это мы здесь чужаки.

— Я ненавижу, когда меня обсуждают, ненавижу, когда приходится скрывать свой страх, свои эмоции, свою слабость. Ты думаешь, я сильная, талантливая девушка без комплексов. Но ты ошиба-

ешься. Меня все выбивает из колеи. Я не выношу, когда на меня смотрят, улыбаются, не выношу чужих прикосновений. Ты единственный человек, с кем я по-настоящему общаюсь. Неужели ты этого не понял?

Озеро Байкал с его прозрачными водами, окружающие его заснеженные вершины, одно из красивейших мест на земле — и такой идиотский разговор.

— Ладно, давай немного отдохнем, а потом сходим погулять. Вечером я встречаюсь с шаманом.

Хиляль снимает с плеч рюкзак, но я ее останавливаю:

— У тебя есть своя комната.

— Но в поезде...

Оборвав себя на полуслове, она уходит, громко хлопнув дверью. Я лежу, уставясь в потолок, и пытаюсь сообразить, что мне теперь делать. Я не могу идти на поводу у чувства вины, не могу и не хочу. Я люблю другую женщину, которая сейчас далеко и которая доверяет своему мужу, хоть и хорошо его знает. Прежние попытки объясниться с Хиляль провалились; но возможно, здесь самое подходящее место для того чтобы расставить все точки над «і» в отношениях с этой гибкой, сильной, настырной и такой хрупкой молодой женщиной.

Меня тут не в чем упрекнуть. Как и Хиляль. Нас свела жизнь, и я надеюсь, что это к лучшему. Надеюсь? Нет, уверен. Я принимаюсь читать молитву и очень скоро засыпаю.

Проснувшись, выхожу в коридор. Из комнаты Хиляль доносятся звуки скрипки. Когда мелодия обрывается, я стучу в дверь и захожу.

— Пойдем погуляем.

Вначале она не может скрыть удивления, потом лицо ее светлеет.

— Тебе стало лучше? Ведь там холодно и ветер.

— Да, намного лучше. Пойдем.

Поселок похож на сказочную деревушку. Когда-нибудь здесь понастроят отелей, а в сувенирных лавках станут продавать футболки, зажигалки, открытки и игрушечные избушки. Гигантские автостоянки будут забиты двухэтажными автобусами, которые привезут сюда туристов, вооруженных самой продвинутой цифровой техникой, чтобы потом увезти с собой озеро на микрочипах. Колодец во дворе сломают и построят новый, более живописный; но местным жителям это жизни не облегчит, так как воды в нем не будет, колодец закроют,

чтобы не дай бог в него не свалился какой-нибудь иностранный ребенок. Рыбачьих лодки, какую я видел поутру, исчезнут, вместо них озерную гладь станут рассекать современные яхты, на которых желающие смогут отправиться на увлекательную прогулку к центру озера, а в стоимость билета будет входить обед. Понаедут профессиональные рыболовы и охотники со всеми необходимыми лицензиями, за которые они готовы выкладывать в день столько, сколько местные зарабатывают за год.

Пока же здесь нет ничего, кроме затерянной в сердце Сибири деревушки, по которой идут двое, мужчина и женщина, что годится ему в дочери.

— Помнишь, о чем мы говорили вчера в ресторане?

— Более-менее. Я вчера немного перебрала, но помню, как Яо осадил того «англичанина».

— Я говорил о прошлом.

— Да, я помню. Я поняла то, что ты вчера говорил, потому что когда нам открылся Алеф, я видела твои глаза, одновременно безучастные и исполненные любви, и твою голову покрывал капюшон. Я чувствовала себя преданной и униженной. Но мне не особенно интересно, какими были наши отношения в прошлой жизни. Мы живем здесь и сейчас.

— Видишь ручей? У меня дома в гостиной висит картина с изображенной на ней розой, которая побывала в таком ручье. Часть изображения размыта, часть потрескалась, и все же я могу разглядеть пре-

красную алую розу на золотом фоне. С художником я знаком. В две тысячи третьем году мы с ним пошли в лес в Пиренеях и спрятали полотно под камнями в пересохшем русле. Этот художник — моя жена. Сейчас она за много тысяч километров от меня и, наверное, спит, потому что в моем городе еще не рассвело, хотя здесь уже четыре пополудни. Мы прожили вместе больше четверти века. Когда мы встретились, я был уверен, что у нас ничего не получится, и целых два года ждал, кто из нас первым поставит точку. Еще пять лет мне казалось, что мы вместе просто по привычке, и как только это осознаем, сразу расстанемся. Я опасался, что серьезные отношения ограничат мою «свободу» и не позволят мне испытать все, к чему я стремился.

Хиляль становится не по себе.

— А причем тут ручей и роза?

— К лету две тысячи второго года я уже был известным писателем, зарабатывал кучу денег и имел все основания полагать, что мои жизненные ценности едва ли когда-нибудь поменяются. Но разве можно быть уверенным в таких вещах? Я решил провести эксперимент. Мы с женой нашли дешевый отель во Франции, чтобы провести в нем пять месяцев. Платяной шкаф в номере был очень маленький, так что мы обходились минимумом вещей. Мы совершали вылазки в лес и горы, ели в городе, часами беседовали и каждый день ходили в кино. Там мы поняли, что главные вещи в жизни

неизменно просты и доступны каждому человеку. Нам обоим нравилась такая жизнь, но только мне для работы довольно ноутбука, а моя жена художница, ей нужна мастерская, место, где можно писать картины и хранить их. Я не хотел, чтобы она приносила свой дар в жертву ради меня, и я предложил ей арендовать студию. А она тем временем любовалась окрестными горами, долинами, реками, озерами и лесами и думала: почему бы мне не держать картины прямо здесь? Почему не сделать природу своей союзницей?

Хиляль смотрит в ручей не мигая.

— Так ей пришло в голову «хранить» картины под открытым небом. Я брал ноутбук и писал, а она вставала на колени и ставила мольберт прямо на траву. Спустя год мы собрали оставленные в лесу холсты и подивились результатам. Одной из первых картин, написанных в «соавторстве» с природой, была роза на золотом фоне. Потом мы купили дом в Пиренеях, но жена продолжает закапывать и откапывать свои картины везде, куда бы ни приехала. Вынужденная мера превратилась в ее творческий метод. Я смотрю на ручей и чувствую такую острую, невыразимую любовь к ней, словно она сейчас рядом со мной.

Ветер немного утих, солнце начинает припекать. Все вокруг озарено дивным предвечерним светом.

— Я понимаю тебя и уважаю твои чувства, — произносит девушка. — Но вчера в ресторане, ког-

да говорил о прошлой жизни, ты утверждал, что любовь сильнее нас.

— Да, но любовь — это наш выбор.

— В Новосибирске ты потребовал, чтобы я тебя простила, и я простила. Теперь моя очередь просить: скажи мне, что любишь меня.

Я беру ее за руку. Мы долго смотрим на воду.

— Молчание — тоже ответ, — говорит Хиляль.

Я обнимаю ее, она кладет голову мне на плечо.

— Я люблю тебя, — говорю я, — потому что любовь подобна ручьям и рекам, что сливаются в одно большое озеро, где их воды перемешиваются, восходят к небесам и проливаются на землю благодатным дождем.

Я люблю тебя как ручей, что поит корни деревьев и цветов. Как ручей, что утоляет жажду и указывает путникам дорогу.

Я люблю тебя как река, которая то разливается бурным потоком, то отдыхает на мелководье. Я люблю тебя, ибо все мы рождены из одного корня и вспоены одной водой. Когда у нас опускаются руки, надо просто немного подождать. Весна вновь наступит, снега растают, и мы вновь будем полны энергии.

Я люблю тебя как река, что берет начало из тоненького ручейка в горах и постепенно полнится, сливаясь с другими ручьями, а обретая силу, может смести любое препятствие на пути к своей цели.

Я принимаю твою любовь и отдаю взамен свою. То не любовь мужчины к женщине, не любовь отца

к дочери, не любовь Творца к творению, но любовь, которой нет названия и объяснения, ибо она как река, что течет сама по себе. Моя любовь ничего не дает и ни о чем не просит; она просто существует. Я никогда не буду твоим, и ты никогда моей не будешь. И все же могу сказать, не покрывив душой: я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя.

Возможно, все дело во времени дня или в особом предзакатном свете, но в тот момент, кажется, во Вселенной вдруг воцарилась гармония. Мы стоим, замерев, безо всяких мыслей, и нам совсем не хочется возвращаться в гостиницу, где меня уже поджидает Яо.

БАЙКАЛЬСКИЙ ОРЕЛ

Вот-вот совсем стемнеет. Возле пришвартованной у берега лодчонки стоят шестеро: Хиляль, Яо, шаман, две пожилые женщины и я. Старухи что-то оживленно говорят по-русски. Шаман качает головой. Яо пытается в чем-то его убедить, но тот молча разворачивается и садится в лодку.

Теперь Яо спорит с Хиляль. Китаец выглядит озабоченным, но я догадываюсь, что ситуация ему скорее нравится. В последнее время мы много занимались вместе, и я научился понимать язык его тела. Сейчас мой переводчик изображает раздражение, которого на самом деле не испытывает.

— О чем речь?

— Оказывается, я не могу отправиться с вами, — отвечает Хиляль. — Мне придется остаться здесь с этими старухами, которых вижу в первый раз в жизни, и всю ночь торчать на холоде, поскольку некому отвезти меня обратно в отель.

— Мы узнаем, каково там, на острове, а вы — каково здесь, с этими старухами, — настаивает Яо. — Нарушить этот запрет мы не вправе. Я вас предупреждал, но он настоял, чтобы вы тоже поехали. Сейчас нам надо добираться до острова, чтобы не упустить момент, который вы называете Алеф, я — *ци*, а у шамана, несомненно, есть для него какое-то свое слово. Это ненадолго, мы вернемся буквально через пару часов.

— Идем, — я беру китайца за локоть и с улыбкой обращаюсь к Хиляль: — Неужели ты готова променять новое, незабываемое приключение на вечер в гостинице? Не знаю, к добру это или к худу, но все лучше, чем ужинать в одиночестве.

— Думаешь отделаться красивыми словами о любви? Я знаю, что ты любишь жену, я все понимаю, но неужели я не заслуживаю хотя бы маленькой награды за то, что помогла тебе открыть новые миры?

Я ухожу. Еще один идиотский разговор.

* * *

Шаман включает двигатель и берется за руль. Лодка держит курс на большую скалу в двухстах метрах от берега. По моим расчетам, поездка должна занять минут пять, не больше.

— Хорошо, теперь, когда пути назад уже нет, вы можете объяснить, зачем вам было нужно, чтобы я

встретился с шаманом? За все время пути вы больше ни разу ни о чем меня не попросили, а ведь я обязан вам столь многим. Я говорю не об айкидо. Вы помогали мне сохранять мир в нашем вагоне, слово в слово переводили все, что я говорил, а вчера напомнили мне, что иногда приходится вступать в поединок лишь для того, чтобы выказать уважение к противнику.

Яо встряхивает головой, глядя вдаль с таким напряженным видом, будто безопасность нашей посуды зависит от него одного.

— Я думал, вам будет интересно.

Это не ответ. Если бы я хотел увидеть шамана, я сам бы об этом попросил.

Наконец Яо поворачивается ко мне и кивает.

— В свое время я дал обещание вернуться сюда. Я поехал бы один, если бы не контракт с издателями, который обязывает меня все время находиться подле вас. Они были бы недовольны, если бы я вас бросил.

— Ну, в постоянной опеке я точно не нуждаюсь, и если бы вы оставили меня в Иркутске, издатели бы вам ни слова не сказали.

Над озером темнеет быстрее, чем я ожидал. Яо меняет тему.

— Человек, который управляет лодкой, вызывал дух моей жены. Ему можно верить, есть вещи, о которых он не мог ниоткуда узнать. Кроме того, он спас мою дочь. Ей не смогли помочь в лучших клиниках Москвы, Шанхая, Пекина и Лондона. А он

помог и не взял никакой платы, только попросил меня вернуться. Вот почему мы с вами оказались здесь. Возможно, я наконец смогу понять то, что отказывается принять мой разум.

Скала совсем близко; через минуту мы будем на месте.

— Вот это ответ. Спасибо за доверие. Благодаря вам, я оказался в одном из самых удивительных мест на земле и теперь могу наслаждаться этим дивным вечером и слушать, как волны бьются о дно лодки. Наше путешествие принесло мне немало чудных даров, эта встреча — один из них.

Впервые с того дня, когда Яо рассказал мне о смерти жены, ему изменяет всегдашняя сдержанность. Китаец берет мою руку и прижимает к своей груди. Лодка врезается в усыпанный галькой берег.

— Спасибо вам. Большое спасибо.

* * *

Добравшись до вершины скалы, мы успеваем поймать взглядом последний проблеск алого заката. Вокруг лишь низкий колючий кустарник, а на востоке торчат несколько голых деревьев. С ветки одного дерева свисает полуистлевшая туша какого-то животного. С каким бы почтением ни относился я к шаманской мудрости, здесь мне едва ли откроется что-либо новое: я исходил немало дорог и знаю, что все они ведут в одном направлении.

Наблюдая, как серьезно и торжественно он готовится к обряду, я вспоминаю все, что мне известно о шаманах и их роли в истории человечества.

* * *

В древности в каждом племени были две главных фигуры. Первым был вождь, самый храбрый, достаточно сильный, чтобы встретить любую опасность, и достаточно умный, чтобы разоблачить любой заговор: борьба за власть не представляет собой ничего нового, она существовала с начала времен. Став во главе племени, вождь брал на себя ответственность за безопасность и процветание своих людей в вешнем мире. Потом на место самых сильных пришли самые хитрые, власть стала передаваться по наследству, и вожди сделались предтечами всех на свете королей, императоров и тиранов.

Шаман был важнее вождя. Еще на заре цивилизации наши предки чувствовали, что миром правит неведомая сила, способная давать и забирать жизнь, но не понимали, откуда она исходит. Едва научившись любить, люди стали искать разгадку тайны бытия. Первыми шаманами были женщины, ибо только женщина способна давать жизнь. Пока мужчины охотились и ловили рыбу, женщины посвящали себя тайнам мира. Носительницами Традиции становились лишь те, кто обладал соответст-

вующими способностями, жил в уединении и, как правило, соблюдал целомудрие. Они оказывали воздействие на различных уровнях, поддерживая равновесие между вещным и духовным мирами.

Первые ритуалы были просты и незатейливы. Шаманка входила в транс при помощи музыки (в основном барабанов) и дурманящих зелий. Ее душа отделялась от тела и отправлялась в параллельный мир. Там она встречалась с душами растений и животных, живых и мертвых, существующими в одном мгновении, которое я называю Алефом, а Яо — *ци*. Оттуда шаманка черпала силы, чтобы лечить болезни, вызывать дождь, останавливать распри, читать послания природы и карать любого, кто становился между племенем и Единым. В те времена племена вынуждены были менять место обитания в постоянных поисках пищи, и потому не могли строить храмы и алтари. Для них существовало лишь Единое, в чреве которого они могли укрыться, чтобы выжить.

Со временем должность шамана, как и положение вождя, сделались предметом торга и борьбы. Пока здоровье и безопасность племени зависели от природы, шаманки пользовались огромным авторитетом, едва ли не большим, чем вожди. Но в какой-то момент (скорее всего, после появления земледелия, положившего конец кочевой жизни) мужчины узурпировали у женщин эти функции. Сила взяла верх над гармонией. Дар шаманок утратил свою ценность; главным для людей стала власть.

Байкальский орел

Далее шаманизм — теперь исключительно мужской — превратился в социальный институт. Появились первые религиозные учения. Общество изменилось, сделалось оседлым, но почтение к вождю и шаману навсегда укоренилось в человеческой природе. Сознывая это, жрецы объединялись с правителями ради того, чтобы держать народ в повиновении. Тех, кто решался оспаривать земную власть, стращали небесной карой. Тогда женщины постепенно начали возвращать утраченные позиции, ибо лишь они умеют избегать конфликтов. И однако стоило им явить свою силу, как их называли развратными еретичками. Власть почуяла в них угрозу и не колеблясь отправляла таких женщин на костер, забивала камнями или отправляла в изгнание. Женские культы были утрачены; нам известно лишь то, что на большинстве магических артефактов, обнаруженных археологами, изображены богини. Пески времени поглотили древние знания, а тайные обряды утратили свою силу. Остался только страх перед небесами.

Вот и теперь шаман, перед которым я стою, это мужчина, хотя у меня нет никаких сомнений, что старухи, с которыми осталась Хиляль, обладают не меньшей силой. Я не подвергаю сомнению его право проводить ритуал, ибо в каждом из нас есть женское начало, и чтобы войти в контакт с неизведанным, достаточно найти его в себе. Меня эта встреча не воодушевляет совсем по другой причине: уж я-то знаю, насколько человечество отделилось от Божественного Замысла.

Шаман разводит костер в ямке, чтобы защитить пламя от ветра, кладет у костра бубен и открывает бутылку с какой-то жидкостью. Сибирский шаман — кстати, само слово происходит из этих мест — ведет себя точно так же, как *паже* в джунглях Амазонки, мексиканский *эчисеро*, африанский *кандомбле*, французский спиритуалист, индеец-курандеро, австралийский абориген, католик-харизматик или мормон из штата Юта.

Самое удивительное во всех существующих магических традициях то, что они пребывают в вечном конфликте друг с другом. Расстояния и расовые различия — атрибуты вешнего мира, миру духовному они незнакомы. Как сказала Великая Мать: «Порой мои дети имеют глаза и не видят, имеют уши и не слышат. Я призываю тех, кто не слеп и не глух. Тех, кто готов взять на себя ответственность хранить Традицию, пока мое благословение не вернется на землю».

Шаман принимается бить в бубен, постепенно ускоряя темп. Он обращается к Яо, и тот немедленно переводит:

— Он не называет это *ци*, но, как я понимаю, *ци* должно прийти с ветром.

Ветер крепчает. Я прилично экипирован, — специальный анорак, перчатки, теплая шерстяная шапка и шарф, намотанный до глаз, — и все равно мне холодно. Нос потерял чувствительность, усы и борода покрываются инеем. Яо сидит на земле, поджав ноги. Я пытаюсь последовать его примеру, но мышцы тут же затекают и начинают нестерпимо ныть, к тому же сквозь тонкую ткань брюк проникает пронзительный холод.

Языки пламени пляшут в яме, не пытаясь вырваться наружу. Бубен беснуется в руках шамана, заставляя мое сердце биться в такт. У бубна нет дна, чтобы духи могли беспрепятственно пройти в наш мир. В афро-бразильской традиции жрец или медиум позволяет собственной душе выйти из тела,

чтобы пустить на ее место гостя из иного мира. Впрочем, у бразильских шаманов нет понятия о том, что Яо называет *ци*.

Роль безмолвного созерцателя не для меня. Я закрываю глаза, освобождаю сознание, заставляю сердце биться в унисон бубну, но порывы ледяного ветра не пускают меня дальше. Открыв глаза, я вижу в руках шамана пучок перьев какой-то местной птицы. В мифах всех без исключения народов пернатые — посланцы богов. Они помогают шаману призывать духов.

Вслед за мной открывает глаза и Яо; один шаман продолжает погружаться в транс, ничего не замечая вокруг. Ветер завывает все громче. Я стучу зубами, а старый колдун будто вовсе не ощущает холода. Ритуал продолжается. Шаман отпивает зеленоватой жидкости из бутылки и протягивает ее Яо, китаец тоже делает глоток, прежде чем передать питье мне. Из уважения я следую его примеру и, пригубив сладковатое хмельное зелье, возвращаю бутылку хозяину.

Шаман неистово бьет в бубен, прерываясь лишь для того, чтобы чертить на земле загадочные символы, похожие на письмена давно исчезнувших племен. С его губ срываются странные возгласы, похожие на гортанные птичьи крики. Он бьет в бубен все быстрее и громче; ветер вдруг стихает, а с ним отступает и холод.

Свершилось. В мир вошло то, что Яо называет *ци*. На нас нисходит умиротворение. Теперь шаман

совсем не похож на человека, который правил нашей лодкой. Он выглядит моложе, черты его стали более тонкими, почти женственными.

Шаман и Яо беседуют по-русски, не обращая на меня внимания. Горизонт светлеет, и восходит луна. Я провожаю светило в новое путешествие по небу и смотрю, как серебряные лучи играют на неподвижной озерной глади. Слева светятся огни нашего поселка. Меня охватывает безбрежный, всеобъемлющий покой. Еще совсем недавно я и представить не мог, что мне может быть так хорошо. На этом пути меня поджидает немало неожиданностей; вот бы все они были такими приятными.

Наконец шаман через переводчика спрашивает, зачем я здесь.

— Я сопровождаю друга, который обещал сюда вернуться. Еще я пришел для того, чтобы отдать должное вашему искусству. И вместе с вами прикоснуться к тайне.

— Ваш друг ни во что не верит, — заявляет шаман через Яо. — Он уже несколько раз говорил со своей женой и до сих пор сомневается. Бедняжка! Вместо того чтобы идти с Богом и спокойно ждать нового возвращения на землю, ей приходится торчать здесь и утешать своего маловерного мужа. Она готова променять горнее тепло на сибирский холод во имя любимого, который не хочет ее опускать.

Пока Яо переводит, шаман смеется.

— Почему бы вам не объяснить ему, что происходит?

— Я пытался, но он, как большинство людей, которых я знаю, отказывается принять то, что привык считать утратой.

— Эгоизм чистой воды.

— Вот именно, эгоизм. Люди вроде него готовы остановить время или даже пустить его вспять, лишь бы души возлюбленных всегда оставались подле них.

Шаман снова раздражается хохотом.

— Когда его жена ушла в другую вселенную, он убил Бога. Он будет возвращаться сюда снова и снова, чтобы поговорить с ней. Он не просит, чтобы я помог ему лучше понимать мир. Он хочет, чтобы все соответствовало его представлениям о жизни и смерти.

Шаман замолкает и оглядывается. Стало совсем темно, свет исходит лишь от пламени костра.

— Нельзя исцелить от отчаяния того, кто находит в нем сладость.

— Кто ты?

— Ты веруешь.

Я повторяю вопрос.

— Валентина.

Женщина.

— Тот, кто сидит рядом со мной, ничего не смыслит в духовном мире, но он прекрасный человек и у него хватит мужества, чтобы принять что угодно, кроме так называемой смерти своей жены. Он замечательный человек.

Шаман кивает.

Байкальский орел

— Ты тоже. Ты пришел сюда с другом, которого встретил задолго до своей теперешней жизни. Так же, как и я.

Он снова смеется.

— Мы с твоим другом встретили судьбу, которую он называет смертью, на поле битвы. Я не знаю, в какой это было стране, но убили нас пули. Воины встречаются снова. Таков непреложный закон бытия.

Шаман бросает в огонь пучок травы и добавляет, что в другой жизни мы так же сидели у костра и рассказывали о своих приключениях.

— С твоей душой говорит байкальский орел, который охраняет эту землю с высоты, сокрушает врагов и защищает друзей.

Словно в подтверждение этих слов вдалеке раздается птичий клекот. Я больше не чувствую холода, мне хорошо. Шаман снова протягивает нам бутылку.

— Это питье живое; оно стареет. Достигнув зрелости, оно становится незаменимым средством против Равнодушия, Одиночества, Страх и Тревоги. Но если выпить слишком много, оно взбунтуется и призовет Отчаяние и Злобу. Главное знать, когда остановиться.

Мы пьем за здоровье друг друга.

— Тело твое на земле, а душа высоко, парит со мной над Байкалом. Ты ни о чем меня не просил, так прими же в дар хотя бы это. Пусть мой подарок вдохновит тебя завершить начатое.

Будь благословен. Помни: изменив свою жизнь, ты изменишь и жизнь тех, кто рядом. Не скупись давать то, о чем тебя просят. Если в твою дверь постучали — открой. Если к тебе обращаются с просьбой отыскать потерянное, сделай все, что в твоих силах. Но сначала сам постучи в свою дверь и спроси себя, чего не хватает тебе самому. Охотник всегда знает, что с ним будет: съест он добычу или сам будет съеден.

Я киваю.

— С тобой это уже было и будет еще не раз, — продолжает шаман. — Среди твоих друзей есть друг байкальского орла. Этой ночью ничего особенного не случится; ни видений, ни чудес, ни трансов или встреч с душами умерших и живых. Ты не обретешь магической силы. Байкальский орел всего лишь покажет твоей душе озеро с высоты птичьего полета, и душа твоя возрадуется. Ты ничего не увидишь, но дух твой будет преисполнен восторга.

Я в самом деле испытываю восторг, хоть ничего и не вижу, да и не должен видеть. Я знаю, шаман не лжет. Когда дух вернется в тело, он станет мудрее и покойнее.

Я перестаю ощущать бег времени. Костер отбрасывает на лицо шамана причудливые тени, но я их почти не замечаю. Я отпускаю свой дух на волю; он нуждается в отдыхе. Холода я совсем не чувствую. Я вообще ничего не чувствую. Я свободен и останусь свободным, пока байкальский орел парит над заснеженными горами. Жаль, что дух не сможет

Байкальский орел

поведать мне о том, что видел в полете, но мне и не следует знать всего, что случается.

Снова налетает ветер. Шаман низко кланяется земле и небу. Костер в земляной чаше внезапно ярко вспыхивает. Луна поднялась высоко, и на ее фоне я вижу силуэты птиц. Шаман на глазах превращается в усталого старика и прячет бубен в большую вышитую торбу.

Я достаю из кармана пригоршню монет и протягиваю шаману. Я следую его примеру. Китаец говорит:

— Мы просили милостыню для байкальского орла. Это все, что нам удалось собрать.

Шаман кланяется, с благодарностью принимает подношение, и мы не спеша направляемся к лодке. Стало совсем темно, и нам помогает дух священного острова; остается лишь надеяться, что он выведет нас, куда следует.

Хиляль на берегу нет; старухи говорят, что она вернулась в гостиницу. Внезапно я понимаю, что шаман ни разу о ней не упомянул.

СТРАХ ПЕРЕД СТРАХОМ

Обогреватель включен на полную мощность. Прежде чем зажечь свет, я стаскиваю куртку, шапку, шарф и иду к окну, чтобы впустить в комнату немного свежего воздуха. С холма, на котором стоит гостиница, видно, как в поселке один за другим гаснут огни. Я задерживаюсь у окна, пытаюсь вообразить чудеса, которые открылись моему духу. Вдруг за спиной раздается голос:

— Не оборачивайся.

Это Хиляль. От ее тона мне становится не по себе.

— Я вооружена.

Быть не может. Если только те старухи...

— Отойди на несколько шагов.

Я подчиняюсь.

— Чуть дальше. Вот так. Теперь правее. Отлично, там и стой.

Я действую, не раздумывая, подчиняюсь инстинкту самосохранения. В голове моей за считанные секунды прокручиваются все возможные вари-

анты: броситься на пол, попытаться завести разговор или просто ждать, что будет. Если Хиляль действительно собирается меня убить, это произойдет очень быстро, но если она в самое ближайшее время не выстрелит, ей придется заговорить, и у меня появится шанс.

Раздается оглушительный грохот, и на меня сыплются осколки стекла. Над моей головой взорвалась лампочка.

— В правой руке у меня смычок, а в левой скрипка. Не оборачивайся.

Я испускаю шумный вздох облегчения. Старый трюк, никакой магии: оперные певцы способны создавать голосом особую вибрацию, от которой лопается стекло.

Смычок вновь касается струн, вызывая тот же пронзительный звук.

— Я знаю, что случилось. Я все видела. Старухи мне показали и без всякого огненного кольца.

Она все видела.

На мои усыпанные осколками плечи будто опускается каменная глыба. Я об этом не догадываюсь, но наше путешествие — всего лишь отрезок моего пути к своему царству. Теперь мне ничего не нужно рассказывать. Она и так знает.

— Ты бросил меня в беде. Я умерла из-за тебя и вернулась, чтобы отомстить.

— Те не станешь мстить. Ты меня простила.

— Ты вырвал у меня прощение. Я не знала, что делаю.

Снова взмах смычка и снова этот неприятный звук.

— Если хочешь, можешь взять свои слова обратно.

— Не хочу. Ты прощен. Если понадобится, чтобы я простила тебя еще сто раз подряд, я готова. Но то, что я увидела, не укладывается у меня в голове. Ты должен все мне объяснить. Я была голой. Ты смотрел на меня, а я говорила всем, что люблю тебя, и поэтому меня приговорили к смерти. Я умерла из-за любви.

— Можно мне повернуться?

— Пока нет. Сначала объясни, что произошло. Мне известно лишь, что в прошлой жизни я из-за тебя погибла. Это могло быть здесь или где угодно еще, но я пожертвовала собой ради любви, чтобы спасти тебя.

Мои глаза начинают привыкать к темноте, но жара в комнате стоит невыносимая.

— Что именно сделали те женщины?

— Мы сели на берегу озера; они разожгли костер, стали бить в бубен, впали в транс и дали мне какое-то питье. Когда выпила, у меня перед глазами начали всплывать какие-то неясные картинки. Это было недолго. Все, что помню, я тебе рассказала. Я думала, это что-то вроде кошмара, но они меня убедили, что мы с тобой правда встречались в прошлой жизни. Ты тоже так говорил.

— Нет, не в прошлой, в нынешней. Сейчас мы с тобой в гостинице, в безымянной сибирской дере-

вухе и одновременно в темнице неподалеку от Кордовы. Я нахожусь сейчас со своей женой в Бразилии, но и со многими другими женщинами, которых знал, а в каких-то жизнях я и сам женщина. Сыграй что-нибудь.

Я снимаю свитер. Хиляль выбирает сонату, написанную не для скрипки. Когда я был маленьким, мать играла ее на фортепиано.

— Когда-то весь мир был женщиной, и все вокруг было наполнено ее прекрасной энергией. Люди верили в чудеса и жили сегодняшним днем, а времени не существовало. У древних греков было два слова для обозначения времени; одно из них *кайрос*, то есть время богов, вечность. Потом мир изменился. Людям пришлось бороться за выживание, выращивать хлеб и беречь урожай, чтобы не умереть от голода. Тогда они познали время в нашем понимании. Греки называли его *хронос*, а римляне отождествляли с Сатурном, богом, пожравшим собственных детей. Мы сделали рабами памяти. Ты играй, а я постараюсь все объяснить.

Хиляль играет. Мои глаза наполняются слезами, но я продолжаю говорить.

— Сейчас я в саду, за домом. Сажу на скамейке, смотрю на небо и пытаюсь, что называется, строить воздушные замки. Я услышал это выражение всего час назад. Мне семь лет. Я хочу построить в небе золотой дворец, но никак не могу сосредоточиться. Мои друзья разошлись по домам ужинать; мама играет эту самую мелодию, только

на фортепиано. Если бы я не пытался описать, что вижу и чувствую, я был бы сейчас там и только там. Запах лета, пение цикад и мысли о девочке, в которую я влюблен. Это не прошлое, это происходит сейчас. Я маленький мальчик, каким был тогда. Я всегда им буду; все мы одновременно дети, взрослые и старики, мы те, кем были и кем станем. Я не вспоминаю, я заново переживаю то время.

Говорить больше нет сил. Я закрываю лицо руками и плачу, а она играет, играет виртуозно, страстно, возвращая меня ко всем тем, кем я был и кто я есть. Я плачу не потому, что мама умерла, ведь сейчас она здесь, со мной, играет мне на фортепиано. Я плачу не о ребенке, замороженном странной фразой, которому никак не удается построить свой золотой воздушный замок. Этот малыш тоже здесь, слушает Шопена; весь во власти чудесной мелодии, он готов слушать ее снова и снова. Я плачу, потому что не знаю другого способа выразить свои чувства. Я ЖИВОЙ. Я живой каждой порой и каждой клеткой своего тела. Я живой. Я никогда не родился и никогда не умирал.

Сколько бы тревог и горестей ни выпало на мою долю, где-то есть высший я, вечный я, и ему смешны мои тревобления. Я оплакиваю этот миг, безмерный и эфемерный, миг, который никогда не смогу описать, ибо слова намного беднее музыки. Шопен, Бетховен и Вагнер влекут меня в прошлое,

Страх перед страхом

которое живет в настоящем, ибо их музыка сильнее огненного кольца.

И пока Хиляль играет, я плачу. А она играет, пока у меня остаются силы плакать.

* * *

Хиляль подходит к выключателю. Но лампочка разбилась, и комната остается во тьме. Тогда она включает лампу, стоящую на прикроватной тумбочке.

— Можешь повернуться.

Я жмурюсь от яркого света, а когда открываю глаза, она стоит передо мной нагая, воздев руки со смычком и скрипкой.

— Ты сказал, что твоя любовь ко мне похожа на реку. Я хотела показать, что моя любовь к тебе напоминает музыку Шопена. Такая же ясная и глубокая, синяя, словно озеро, способная...

— Музыка говорит сама за себя. Слова не нужны.

— Мне страшно, очень страшно. Что я видела?

Я рассказываю ей обо всем, что было в темнице, о своей трусости и о девушке, которая так на нее похожа, только ее руки были связаны, и в них не было ни смычка, ни скрипки. Хиляль жадно ловит каждое слово, по-прежнему не опуская рук. Мы стоим друг против друга посреди комнаты; ее белое тело неотлично от тела пятнадцатилетней де-

вочки, сожженной на костре близ города Кордова. Пламя поглотит ее и ее подруг, я не смогу ее спасти. Это случилось однажды и будет повторяться снова и снова, пока существует мир. У той девушки на лобке были волосы, а Хиляль их сбрила; по моему, это отвратительно: можно подумать, что все мужчины мечтают о сексе с ребенком. Я прошу Хиляль больше так не делать, и она обещает.

Я показываю ей свои болячки, ставшие заметно больше и ярче, чем обычно, и объясняю, что это метки из прошлого. Потом спрашиваю, помнит ли она, что говорила сама или что говорили ее подруги, когда их вели на костер. Хиляль качает головой и спрашивает:

— Ты хочешь меня?

— Да, хочу. Мы здесь совершенно одни. Ты стоишь передо мной обнаженная. Я умираю от желания.

— Я боюсь собственного страха. Я всегда была страшно эгоистична в своей боли и никогда не умела прощать. Говорила, что прощаю, а сама жаждала мести. Не потому, что я сильная, а напротив, от слабости. Причиняя людям боль, я делала куда больнее самой себе. Унижая других, я унижала себя, задевая чужие чувства, глумилась над своими. Знаю, я не единственная женщина, с которой случилось то, о чем я рассказывала в посольстве, не единственная девочка, над которой надругался сосед и друг семьи. Уверена, что по меньшей мере еще одна женщина за тем столом пережила в детст-

ве нечто подобное. Но далеко не все становятся такими, как я. На самом деле я просто не могу примириться с собой.

Хиляль глубоко вздыхает, подбирая слова, и продолжает:

— Я не могу справиться с тем, с чем запросто справляются другие. Ты ищешь свое царство, а я являюсь его частью. И при этом я чувствую себя чужой в собственной коже. Единственная причина, по которой я до сих пор не бросилась в твои объятия, страх: я боюсь тебя потерять. Пока ты искал свое царство, я искала саму себя, только в какой-то момент мои поиски зашли в тупик. Вот в чем причина моей злости. Я чувствую себя отвергнутой, ненужной, и что бы ты ни сказал, этого уже не изменить.

Я устраиваюсь в кресле и сажаю девушку к себе на колени. В комнате очень жарко, и ее кожа лоснится от пота. Она по-прежнему не выпускает из рук смычок и скрипку.

— Я сам много чего боюсь, — признаюсь я, — и всегда буду бояться. Я не хочу даже пытаться все объяснить, но кое-что ты могла бы сделать прямо сейчас.

— Я не собираюсь внушать тебе, что в один прекрасный день все пройдет. Это не пройдет. Мне надо научиться жить с моими демонами.

— Постой. Я предпринял это путешествие не для того, чтобы спасти мир, и уж точно не для того, чтобы спасти тебя, но, согласно магической Традиции, боль можно переместить. Мгновенно она не

исчезнет, но постепенно уменьшится, по мере того как ты перемещаешь ее в другое место. Всю жизнь ты делала это неосознанно, а теперь я предлагаю тебе сделать это сознательно.

— Но разве ты не хочешь заняться со мной любовью?

— Очень хочу. Здесь и так очень жарко, а оттого, что ты сидишь у меня на коленях, мне кажется, я вот-вот вспыхну — в том месте, где твое тело соприкасается с моим. Я же не супермен. Давай попробуем перенести твою боль и мое желание. Вставай, иди к себе в номер и играй, пока не почувствуешь себя опустошенной. Мы единственные постояльцы, так что некому будет жаловаться на шум. Постарайся вложить в музыку все свои чувства и завтра все повтори. Пока играешь, говори себе: то, что больше всего ранит, превратилось в дар. Когда ты думаешь, что другие исцелились после душевных травм, ты ошибаешься: просто они научились прятать их в таких местах, где сами никогда не бывают. А тебе Господь указал иной выход. Твое исцеление в твоих руках.

— Я люблю тебя, как музыку Шопена. Мне всегда хотелось играть на фортепиано, но у родителей хватило денег только на скрипку.

— А моя любовь к тебе подобна реке.

Хиляль уходит в свою комнату и начинает играть. Музыка слышна в небесных сферах, и ангелы спускаются, чтобы вместе со мной слушать, как нагая женщина играет на скрипке, то застывая на ме-

Страх перед страхом

сте, то слегка извиваясь в такт мелодии. Я вождедел эту женщину и был с ней близок, хотя ни разу ее не коснулся. И вовсе не потому, что я — самый верный человек в мире, а потому, что наши тела встретились именно так — под взглядами ангелов.

В третий раз за одну ночь — в первый раз это было, когда моя душа парила над Байкалом, во второй — когда я услышал мелодию детства, — время остановилось. Я был только здесь и сейчас, без прошлого и будущего, я как будто вместе с Хиляль воспроизводил эти звуки, которые летели ввысь, словно молитва, и благодарил Господа за то, что отправился на поиски своего царства. Я лег на кровать, а девушка все играла. И я заснул под звуки ее скрипки.

На рассвете я вошел в ее комнату и увидел ее лицо. Впервые за все это время она выглядела как обычная двадцатилетняя девушка. Я нежно тронул ее за плечо и попросил поскорее собраться, поскольку Яо уже ждал нас к завтраку. Нам пора было возвращаться в Иркутск. Поезд отходил через несколько часов.

Мы спускаемся вниз и поглощаем завтрак, состоящий из маринованной рыбы (единственное блюдо, которое значится в меню в этот час). У входа сигналиит присланная за нами машина. Водитель приветствует нас, берет наши вещи и укладывает в багажник.

Мы выезжаем из гостиницы чудесным солнечным утром, безоблачным и безветренным. Вдали виднеются покрытые снегом горы. Я прошу подождать меня и прощаюсь с озером, на берега которого мне едва ли суждено вернуться. Яо и Хиляль возвращаются в машину, водитель заводит двигатель.

А я не могу двинуться с места.

— Нам пора ехать. Я заказал машину на час раньше, на случай непредвиденных остановок, но опаздывать на поезд нам никак нельзя.

Озеро зовет меня.

Яо вылезает из машины и подходит ко мне.

— Возможно, вы ждали большего от вчерашней встречи с шаманом, но для меня она была очень важна.

На самом деле я ждал куда меньшего. Со временем я расскажу ему о том, что приключилось с Хилляль. А сейчас я смотрю, как в озере отражаются лучи восходящего солнца. Мой дух парил над Байкалом на крыльях орла, но я и сам хочу запомнить хоть что-то.

— Реальность никогда не оправдывает наших ожиданий, — продолжает Яо. — Но я безмерно благодарен вам за то, что вы согласились поехать со мной.

— Можно ли сойти с пути, указанного Богом? Да, но это будет ошибкой. Можно ли избежать боли? Да, но тогда ты ничему не научишься. Можно ли узнать что-нибудь, не пережив это? Да, но это знание никогда не станет частью тебя.

С этими словами я иду к воде, которая зовет меня. Сначала медленно, неуверенно, будто сомневаясь, что она меня впустит. Когда мне хочется повернуть назад, я заставляю себя ускорить шаг и почти бегу, на ходу избавляясь от зимней одежды. До кромки воды я добегаю в одних трусах. В последний момент я вновь начинаю колебаться, но не

так сильно, чтобы повернуть назад. Ледяная вода касается моих ступней, потом шиколоток. Я иду вперед, поскользываясь на каменистом дне и с трудом удерживая равновесие, пока не забираюсь настолько глубоко, чтобы можно было... УТОНУТЬ!

Я с головой погружаюсь в невыносимо холодную воду. В тело вонзаются тысячи острых иголок, но я остаюсь под водой, насколько хватает дыхания, и лишь когда становится совсем неважно, выныриваю на поверхность.

Лето! Жара!

Любой, кому довелось попасть из лютого холода туда, где хоть немного теплее, испытывает нечто подобное. Мгновение спустя я стою по колени в водах озера Байкал, счастливый, как дитя, вбирая энергию, которая сделалась частью меня самого.

Хиляль и Яо, которые последовали за мной, смотрят на меня с недоверием.

— Идите сюда! Идите скорее!

Они начинают раздеваться. На Хиляль нет белья, и, сбросив одежду, она снова остается полностью обнаженной. Да какая разница? На пирсе собираются зеваки. Но что нам до них? Озеро наше. Весь мир наш.

Яо входит в воду первым. Сделав шаг, поскользывается на неровном дне и падает, но тут же поднимается и заходит глубже, чтобы окунуться. Хиляль влетает в воду с разбега, минуя скользкие камни, и оказывается глубже всех; окунувшись, она скидывает руки к небу и хохочет, как гагара.

Страх перед страхом

Через пять минут после того, как я помчался к воде, мы возвращаемся к машине. Перепуганный водитель подбегает к нам с одолженными в гостинице полотенцами. Мы скачем, обнимаемся, поем, кричим и на все лады повторяем: «Вода совсем теплая!» — как дети, которыми мы никогда не переставали быть.

ГОРОД

В последний раз за время путешествия мне приходится переставлять время на часах. Пять утра тридцатого мая две тысячи шестого года. В Москве, отстающей от нас на семь часов, люди садятся ужинать. Там еще вечер двадцать девятого.

Сегодня обитатели нашего купе вскочили ни свет ни заря или вовсе не смогли заснуть, но не из-за тряски, к которой мы давно привыкли, а потому, что впереди конечная станция: Владивосток. Последние два дня в поезде мы провели за столом, который в этом почти бесконечном путешествии сделался для нас центром вселенной. За едой мы рассказали остальным о купании в Байкале, однако наших попутчиков куда больше заинтересовала встреча с шаманом.

Моих издателей посетила гениальная идея: заранее сообщать на станции о нашем прибытии, чтобы на вокзале меня в любое время дня и ночи встречали читатели, жаждущие получить авто-

граф. Люди благодарили меня, а я благодарил их в ответ. Иногда мы задерживались на платформе на пять минут, а порой и на все двадцать. Мои читатели радовались мне, и я радовался всем им: и пожилым дамам в длинных пальто и вязаных шапках, и молодым людям в одних пиджаках, всем своим видом говоривших: «Я крутой, мне и холод нипочем».

Накануне я решил пройти весь поезд из конца в конец. Я давно собирался это проделать, но откладывал на потом, полагая, что впереди у меня еще полно времени, и в результате дотянул до последнего дня.

Я позвал с собой Яо. По дороге нам пришлось открыть и снова закрыть бессчетное количество дверей. Лишь тогда я понял, что никакой это не поезд, а город, страна, вселенная. Мне стоило догадаться об этом раньше. Тогда путешествие могло бы стать еще более насыщенным; я упустил шанс повстречать замечательных людей и услышать удивительные истории, которые могли бы лечь в основу будущих книг.

Исследованию города на колесах я посвятил целый день, лишь однажды прервавшись на то, чтобы выйти на перрон к читателям. Великий город оказался щедрым на характерные городские сценки: кто-то говорит по мобильному телефону, юноша спешит в вагон-ресторан за забытой вещью, мать держит на коленях ребенка, на полную громкость орет радио, люди что-то продают или покупают,

обмениваясь непонятными знаками, в узком коридоре целуется парочка, не обращая внимания на законные красоты, человек с золотым зубом беззаботно хохочет в компании приятелей, у окна плачет женщина в платке и безучастно смотрит на пронсящийся мимо пейзаж. Я вместе с другими пассажирами выкурил несколько сигарет в тамбуре, исподволь присматриваясь к задумчивому мужчине в дорогом костюме, словно придавленному непосильной ношей.

Я прошел через весь этот город, длинный, словно стальная река, город, говоривший на незнакомом мне языке. И что с того? Как в любом другом крупном городе, большинство жителей здесь предоставлены сами себе, погружены в свои мысли, мечты и проблемы и не спешат делиться ими со случайными соседями по купе, у которых свои мысли, проблемы и мечты. Какими бы одинокими и несчастными они себя ни чувствовали, как бы ни хотелось им разделить с ближними радость, триумф, горечь утраты или гнетущую тоску, все считают за благо хранить молчание.

Я решил завести разговор с симпатичной женщиной примерно моих лет и спросил, бывала ли она раньше в той части страны, которую мы проезжаем. Я начал переводить мой вопрос, но я остановил его. Мне захотелось сделать вид, будто я путешествую один, и посмотреть, что будет. Сумею ли я выкрутиться. Женщина жестом дает понять, что не расслышала моих слов из-за непрерывного

стука колес. Я повторил вопрос, и на этот раз она меня услышала, но не поняла ни слова. Похоже, бедняжка решила, что я не в себе, и поспешила ретироваться.

Я попытал счастья еще несколько раз. Теперь я спрашивал у пассажиров, куда они едут и что делают в этом поезде. Ни один из них меня не понял, и в глубине души я был этому даже рад, поскольку, сказать по правде, вопросы были довольно глупыми. Разумеется, все они знали, что делают и куда едут, да я и сам это знал, хотя вовсе не был уверен, что в конечном итоге попаду туда, куда хочу. Один из пассажиров, пытавшихся протиснуться мимо нас по узкому коридору, остановился и вежливо обратился ко мне по-английски:

— Вам требуется помощь? Вы потерялись?

— Нет, я не потерялся, но не могли бы вы сказать, где именно мы сейчас находимся?

— Мы на китайской границе и движемся на юг, к Владивостоку.

Я поблагодарил его и пошел своей дорогой. Итак, завязать разговор мне все же удалось, а значит, один в поезде я не пропаду. Да и невозможно пропасть, пока рядом есть люди, готовые прийти на помощь.

Я прошел через весь бесконечный город и вернулся обратно, унося с собой улыбки, взгляды, поцелуи, мешанину слов и проплывавшую за окном тайгу, которую я вряд ли еще увижу и которую постараюсь сохранить в памяти и сердце.

Я сел за стол, ставший центром нашей вселенной, написал на стикере несколько слов и приклеил его на зеркало, где Яо размещал для нас мысли дня.

* * *

Вот что я написал, вернувшись из прогулки по поезду:

Я здесь не чужой, ибо не молился о том, чтобы поскорее вернуться домой целым и невредимым, не тратил время на воспоминания о родном доме, рабочем столе и теплой постели. Я здесь не чужой, ибо все мы странники, все мы задаем одни и те же вопросы, все мы устаем, все мы боимся, все мы бываем эгоистичны и великодушны. Я не чужой здесь, ибо я просил, и мне было дано. Я стучал, и мне отворяли. Я искал и обрел.

Именно так, насколько я помню, говорил шаман. Скоро наш поезд вернется туда, откуда прибыл. Кто-нибудь придет убираться в вагоне и смахнет мой листочек с зеркала. Но я никогда не забуду то, что написал, потому что я никогда и нигде не буду чужим.

* * *

Хиляль почти не выходила из своего купе и как одержимая играла на скрипке. Порой мне казалось,

Город

что девушка снова беседует с ангелами, — а порой, что она просто упражняется, оттачивая технику. Когда мы ехали обратно в Иркутск, я вдруг почувствовал, что парил над Байкалом не один. Вместе с моим духом был и ее дух, и оба они видели одно и то же.

Прошлой ночью я вновь попросил ее лечь со мной. Я несколько раз пробовал упражняться с кольцом в одиночестве, но так никуда и не попал, если не считать очередного незапланированного визита к писателю, которым я был во Франции девятнадцатого века. Он (то есть я) как раз заканчивал главу:

Миг отхода ко сну чем-то напоминает смерть. Нас охватывает оцепенение, и невозможно определить, в какой момент мы перестаем быть собой. Сновидения — вторая жизнь. Мне еще не случалось переступить порог, ведущий в этот невидимый мир, без дрожи.

Прошлой ночью она легла со мной, и я положил голову ей на грудь. Мы лежали молча, ведь наши души знали друг друга очень давно и не нуждались в словах. Я наконец сумел представить себе огненное кольцо и перенесся туда, где больше всего хотел оказаться: в маленький городок в окрестностях Кордовы.

Приговор уже оглашен на городской площади. Восемь девушек в белых сорочках до щиколоток дрожат от холода, но очень скоро будут корчиться в адском пламени, зажженном людьми, которые верят, что действуют с благословения небес. Я попросил инквизитора разрешить мне не присутствовать на аутодафе среди клириков. Тот не возражал. Должно быть, он до сих пор гневается на меня за трусость и вообще не хочет меня видеть. Я смешался с толпой, сгорая со стыда и пряча лицо под капюшоном доминиканца.

В городок весь день стекались зеваки, и к вечеру на площади не протолкнуться. Знать в ярких одеяниях занимает места в специальной ложе. Для дам аутодафе — повод шегольнуть нарядами и пышными прическами, продемонстрировав всем свою красоту. Однако горожан привело на площадь не только любопытство; они жаждут мести. Толпа приветствует торжество правосудия, тем более что преступницами оказались изнеженные дочери бога-

чей. Они повинны смерти уже потому, что с рождения вели жизнь, о которой большинству собравшихся не приходится и мечтать. Да сгинет красота. В огонь радость, смех и надежду. В этом мире есть место только таким чувствам, которые подтверждают нам, что мы такие и есть — жалкие, бессильные, потерянные.

Инквизитор служит мессу на латыни. Проповедь о посмертном воздаянии еретикам прерывают крики: родители приговоренных девушек, которых было приказано не пускать на площадь, сумели пробиться сквозь толпу.

Инквизитор замолкает и ждет, пока стражники отташат возмутителей спокойствия прочь под улюлюканье зевак.

Появляется телега, запряженная волами. Монахи связывают девушкам руки и помогают взойти на телегу. Стражники берут телегу в кольцо, и волы везут живой груз к костру, который вот-вот будет зажжен.

Девушки стоят, опустив головы, и я не могу взглянуть им в глаза и увидеть, что в них, слезы или страх. Одну из девушек так жестоко пытали, что бедняжка едва стоит на ногах, опираясь на плечи подруг. Солдатам все труднее сдерживать толпу: народ беснуется, хохочет, выкрикивает оскорбления. Телега вот-вот проедет мимо меня. Я пытаюсь податься назад, но поздно: плотная толпа, которая напирает сзади, не дает мне даже шелохнуться.

В осужденных летят яйца, картофельные очистки, их обливают пивом и вином. Да не оставит их

Господь. Я всей душой надеюсь, что на костре каждая из них найдет в себе силы покаяться в грехах, грехах, которые в будущем обратятся в добродетели, но в этот момент ничего подобного никто из нас не может себе даже представить. Если несчастные захотят исповедаться, монах отпустит им грехи и помолится за них Господу. Тогда их удавят, и огонь пожрет уже мертвые тела.

А если осужденные откажутся признать вину, их отправят на костер живыми.

Я не раз присутствовал на аутодафе и знаю, что родители приговоренных могли подкупить палача. Тогда он плеснет на дрова немного масла, чтобы огонь скорее занялся и жертвы задохнулись до того, как он доберется до их волос, ног, рук, лиц, а потом и тел. Если же родители не сумели всучить денег палачу, их дочери умрут страшной медленной смертью, страдая от непереносимой боли.

Телега оказывается прямо передо мной. Я наклоняю голову, но одна из девушек меня видит. Теперь все они смотрят на меня, и я жду от них проклятий и оскорблений, которых безусловно заслуживаю, ибо я виновнее их всех, я тот, кто предпочел умыть руки, когда одного моего слова было бы достаточно, чтобы все изменить.

Они зовут меня по имени. Удивленные взгляды толпы обращаются на меня. Так он знает этих ведьм? Если бы не облачение доминиканца, меня растерзали бы на месте. Однако через мгновение народ соображает, что я, должно быть, из тех, кто

Город

вынес им приговор. Кто-то дружески хлопает меня по плечу, а стоящая рядом женщина замечает: «Вот молодец, ты все правильно сделал».

Девушки снова зовут меня. Устав от собственной трусости, я решаюсь откинуть капюшон и посмотреть им в глаза.

Но свет меркнет, и я не успеваю ничего разглядеть.

Я понимаю, что мог бы попросить Хиляль снова открыть Алеф, но разве мое путешествие было затеяно только ради этого? Разве я вправе использовать влюбленную женщину, чтобы найти ответ на мучающий меня вопрос? Разве только так я смогу вновь обрести свое царство? Я все равно найду ответ, если не сейчас, то позже, со временем. В конце концов, на этом пути — если мне хватит храбрости пройти его до конца — меня ждет встреча с тремя остальными женщинами. Так что я обязательно найду ответ еще в этой жизни.

* * *

Во Владивосток мы прибываем утром, и потому нам выпадает возможность полюбоваться панорамой большого города из окон поезда. Пассажиры покидают купе неохотно, можно подумать, что ни-

Город

кто не рад окончанию путешествия. Впрочем, возможно, наше путешествие только начинается.

Стальной город на колесах, замедляя ход, приближается к перрону. Я предлагаю Хиляль:

— Давай выйдем вместе.

На платформе нас встречают читатели. Большеглазая девушка держит плакат с бразильским флагом и приветствием на португальском языке. Меня окружают журналисты, и я спешу поблагодарить жителей России за гостеприимство. Мне дарят цветы, фотографы жаждут запечатлеть меня на фоне толстой бронзовой колонны, увенчанной двуглавым орлом. На постаменте колонны выбиты цифры: 9228.

Слово «километров» было бы здесь лишним. Все и так понимают, о чем речь.

ЗВОНОК

Наш корабль неторопливо скользит по волнам Тихого океана вдоль освещенных закатными лучами сопков, на которых простирается Владивосток. Охватившая моих спутников печаль сменяется бурным ликованием. Можно подумать, все мы впервые увидели море. Никому не хочется думать о предстоящей разлуке. Мы пообещаем друг другу непременно встретиться вновь, прекрасно понимая, что такие обещания даются лишь для того, чтобы смягчить грусть расставания.

Наш поезд прибыл на конечную станцию, приключение вот-вот завершится, через три дня мы разъедемся по домам, где обнимем родных, наконец увидимся с детьми, разберем накопившиеся за время нашего отсутствия письма, покажем всем и каждому сотни фотографий, перескажем все дорожные истории, опишем города, в которых побывали, и людей, которых повстречали.

И постараемся убедить самих себя, что путешествие действительно состоялось. Пройдут еще три

дня, нас затянет повседневная жизнь, и вскоре станет казаться, будто мы вообще никуда не уезжали. У нас останутся снимки, билеты, сувениры, но время — наш единственный и всемогущий властелин — будет убеждать: ты никогда не покидал своего дома, не оставлял своей комнаты, не отрывался от своего компьютера.

Что такое две недели? Ничтожная малость по сравнению с человеческой жизнью. Твоя улица осталась прежней, соседи обсуждают старые сплетни, в утренней газете все те же новости: чемпионат по футболу в Германии, споры вокруг иранской ядерной программы, арабо-израильский конфликт, скандалы в мире шоу-бизнеса, вечные сетования по поводу невыполненных обещаний правительства.

Ничего не изменилось. Но мы — те, кто отправился на поиски своего царства и побывал в неведомых землях, — знаем, что стали другими. Однако чем чаще мы станем об этом задумываться, тем скорее нам покажется, что это путешествие, как и все остальные, существует лишь в нашем воображении. Возможно, мы расскажем об этом внукам или даже напишем книгу, но о чем именно мы в ней станем говорить?

Ни о чем. То есть только о том, что происходило вокруг, но не о том, что изменилось в нас самих.

Скорее всего, мы больше никогда не увидимся. Хиляль, единственная из всех нас, смотрит сейчас на горизонт. Я догадываюсь, о чем она думает. Ее Транссибирская магистраль не заканчивается во

Владивостоке. Впрочем, она неплохо владеет собой, и когда кто-нибудь с ней заговаривает, отвечает мягко и вежливо, как не делала никогда прежде.

* * *

Яо пытается разговорить Хиляль. Он дважды заводит с ней беседу, но она отделяется ничего не значащими фразами и вновь погружается в себя. В конце концов Яо сдаётся и подходит ко мне.

— Ну что прикажете делать?

— Оставить ее наедине с собой.

— Да, пожалуй, и все же...

— Я понимаю. И все же постарайтесь лучше позаботиться о себе. Помните, что сказал шаман: вы убили Бога. Если теперь вы не попытаетесь его оживить, значит, наше путешествие прошло впустую. Боюсь, вы из тех, кто первым бросается на помощь ближнему, помимо прочего, чтобы не заниматься самим собой.

Яо похлопывает меня по спине, словно говоря, что понял мои слова, и оставляет в одиночестве созерцать океан.

Добравшись до конечной точки нашего маршрута, я снова явственно ощущаю присутствие своей жены. День выдался насыщенным: кроме встречи с читателями и традиционной вечеринки, я был в гостях у местного мэра и впервые в жизни держал в руках «Калашников». Перед уходом я заметил на столе

у мэра газету. По-русски я не понимаю ни слова, но фотографии говорили сами за себя: футбол.

Чемпионат мира начнется через несколько дней. Жена ждет меня в Мюнхене, и скоро мы будем вместе. Я скажу ей, как сильно по ней скучал, и подробно поведаю об отношениях с Хиляль.

Она скажет: «Ради бога! Я слышала подобную историю уже раза четыре», — и мы вместе пойдем пить немецкое пиво.

Я отправился в путь не для того, чтобы найти потерявшиеся слова, а для того, чтобы вернуть себе свое царство. И кажется, мне это удалось; я вновь в ладу с собой и с разлитой вокруг магией.

Конечно, я мог бы достичь этого, не покидая Бразилии, но мне, как пастуху Сантьяго в одной из моих книжек, предстояло отправиться в дальнюю дорогу, чтобы обрести то, что всегда было рядом. Проливаясь на землю, дождь несет с собой частичку небес. Чудесное и необъяснимое окружает каждого из нас, но чтобы об этом вспомнить, нам порой приходится отправляться на другой конец земли и пересекать целые континенты. В пути мы обретаем сокровища, которые в один прекрасный день вновь потеряем, чтобы опять пуститься в путь. Это ведь и делает интересной жизнь: поиски сокровищ и ожидание чудес.

— Это надо отпраздновать. На борту имеется водка?

Водки нет, а Хиляль награждает меня испепеляющим взглядом.

— Что отпраздновать? То, что я буду черт знает сколько торчать тут одна, а потом сяду в поезд, чтобы дни и ночи напролет думать обо всем, что с нами произошло?

— Я хочу отметить свой новый опыт. А ты могла бы порадоваться собственной храбрости. Ты отправилась на поиски приключений и обрела их. Сейчас тебе грустно, но можешь не сомневаться: кто-нибудь обязательно разожжет для тебя огонь на вершине горы. Ты увидишь свет, пойдешь на него и встретишь человека, которого ждала всю жизнь. У тебя все впереди, и, знаешь, вчера, когда ты играла на скрипке, мне казалось, сам Бог водит смычком по струнам. Не отвергай Бога. Ты непременно будешь счастлива, даже если сейчас не чувствуешь ничего, кроме отчаяния.

— Ты понятия не имеешь, что я чувствую. Ты просто эгоист, который уверен, будто весь мир вращается вокруг него. Я отдала тебе себя без остатка, а ты меня просто отбросил, как ненужную вещь.

Спорить не о чем, я и сам понимаю, что Хиляль права. Но что поделать. Мне пятьдесят девять, а ей двадцать один.

* * *

Мы возвращаемся к себе. На этот раз не в гостиницу, а в просторный дом, построенный в 1974 году накануне саммита, посвященного сокращению воору-

жений, между генеральным секретарем коммунистической партии Советского Союза Леонидом Брежневым и американским президентом Джеральдом Фордом. В доме, построенном из белого мрамора, есть конференц-зал и жилые комнаты, предназначавшиеся для членов советской и американской делегаций, а теперь готовые дать приют любому туристу.

Мы собираемся привести себя в порядок, переодеться и отправиться из нашего помпезного жилища в город, чтобы поужинать в каком-нибудь уютном местечке. В холле нас ждет незнакомый человек. Издатели подходят к нему, а мы с Яо решаем держаться на расстоянии.

Незнакомец достает мобильный телефон и набирает чей-то номер. Мой издатель, сияя, берет трубку и почтительно беседует с кем-то на том конце линии. Редакторша тоже улыбается. Голос издателя отдается от стен звонким эхом.

— Что происходит? — интересуюсь я.

— Скоро узнаете, — отвечает Яо.

Наконец издатель завершает разговор и бросается ко мне.

— Завтра мы возвращаемся в Москву, — заявляет он. — Нам нужно быть там к пяти вечера.

— Мы же собирались остаться здесь еще на пару дней. Я даже не успел посмотреть город. К тому же в Москву лететь девять часов. Как вы рассчитываете оказаться там к пяти?

— Вы забыли о семичасовой разнице. Когда здесь полдень, в Москве два ночи, так что времени

у нас полно. Я отменю ресторан и попрошу накрыть ужин прямо здесь. Нам предстоит еще кое-что уладить.

— Но что за спешка? Мой самолет в Германию...

Издатель перебивает:

— Президент Владимир Путин прочел в газетах о вашем путешествии и хочет встретиться с вами.

ДУША ТУРЦИИ

— **А** как же я? — спрашивает растерянная Хиляль. В ее глазах мольба.

— Это было ваше решение, ехать с нами, — говорит редакторша, — так что можете возвращаться назад когда и как вам угодно. Нас это не касается.

Человек с телефоном исчез, издатели разошлись, Я отправился в свою комнату. В официальном мраморном холле остались только мы с Хиляль.

Все произошло слишком быстро, и я никак не могу оправиться от потрясения. Я даже вообразить не мог, что президент Путин знает о моем путешествии. Хиляль не может поверить, что наша общая история оборвется так резко и внезапно, и у нее больше не будет возможности говорить мне о своей любви, убедить меня, что все пережитое в прошлой жизни должно навсегда связать нас в этой, хоть я и женат. Ведь то, что мне довелось увидеть, произошло лишь благодаря ей.

— ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ТАК СО МНОЙ ПОСТУПИТЬ! НЕ МОЖЕШЬ БРОСИТЬ МЕНЯ ЗДЕСЬ! ТЫ УЖЕ УБИЛ МЕНЯ ОДНАЖДЫ, ПОТОМУ ЧТО ТЕБЕ НЕ ХВАТИЛО СМЕЛОСТИ СКАЗАТЬ «НЕТ», И ТЕПЕРЬ СНОВА МЕНЯ УБИВАЕШЬ!

Она порывисто разворачивается и бежит прочь. Мне становится страшно. Хиляль на все способна. Надо попросить издателя заказать ей билет. Главное не допустить до беды, а то не будет ни Путина, ни царства, ни мира, вообще ничего не будет. Нельзя, чтобы мой путь закончился ее смертью. Когда я врываюсь в комнату Хиляль на третьем этаже, она уже открывает окно.

— Стой! Если прыгнешь с такой высоты, ты не умрешь, а навсегда останешься калекой!

Хиляль не слушает. Мне нужно взять себя в руки. Надо вести себя так же твердо, как вела себя она, когда в гостинице на Байкале запретила мне оборачиваться. В моей голове роятся тысячи предположений одно невероятнее другого, но я решаю выбрать самый простой путь.

— Послушай, я люблю тебя. Я бы никогда не бросил тебя здесь одну.

Она знает, что я лгу, но слова любви заставляют ее остановиться.

— Твоя любовь ко мне подобна реке, а я люблю тебя, как женщина любит мужчину.

Хиляль не хочет умирать. Иначе она не стала бы отвечать. Но что бы она ни говорила, в ее голосе слышится другое: «Ты часть меня, главная часть, и

меня хотят ее лишить. Я никогда не буду такой, как прежде». Это не так, но объяснить сейчас что-либо бесполезно.

— Я люблю тебя как мужчина любит женщину, всегда любил и буду любить пока существует мир. Время никуда не уходит, помнишь? Если хочешь, я снова могу это повторить.

Девушка оборачивается ко мне.

— Вранье. Жизнь это сон, а смерть — пробуждение. Пока мы живы, время идет. Я музыкант и постоянно имею дело со временем, когда читаю нотные знаки. Если бы времени не было, не было бы и музыки.

Вот сейчас она говорит очень правильные вещи. И я люблю ее. Не как женщину, но люблю.

— Музыка — это отнюдь не ноты. Это бесконечная вибрация между звуком и тишиной, — возражаю я.

— Да что ты знаешь о музыке? И даже если ты прав, теперь-то какая разница? Мы оба пленники прошлого. Я полюбила тебя в прошлой жизни и обречена любить вечно! У меня нет ни сердца, ни тела, ни души! Я вся состою из любви. Тебе кажется, что я есть, но это обман зрения. На самом деле ты видишь любовь в чистом виде, любовь, которой не дано осуществиться в этом мире.

Хиляль принимается расхаживать по комнате. Что ж, бросаться из окна она передумала. Звуку ее шагов вторит тиканье часов, лучшее доказательство существования времени. Время существует, и

сейчас оно против нас. Был бы здесь Яо, славный человек, всегда готовый прийти на помощь ближнему, какие бы черные ветры одиночества ни дули в его собственной душе, — он сумел бы ее утешить.

— Убирайся к своей жене! К женщине, которая обещала быть с тобой в радости и горести. Она такая понимающая, терпеливая, великодушная, а я — полная противоположность: я злая, приставучая, способная на все!

— Какое ты имеешь право говорить о моей жене?

Я вновь теряю контроль над собой и ситуацией.

— Я имею право говорить о чем угодно! Кто ты такой, чтобы мне указывать!

Спокойно. Надо продолжать беседовать, пока она не успокоится. Скверно, что у меня совсем нет опыта подобных переговоров. Ладно, попробуем зайти с другой стороны:

— Никто не может тебе указывать, и это здорово. У тебя хватило смелости рискнуть карьерой, отправиться на поиски приключений. Чем не повод для гордости? Помнишь, что я говорил на корабле? В один прекрасный день кто-нибудь зажжет для тебя священный огонь. А когда ты играешь на скрипке, твоей рукой водят ангелы. Доверься Богу. Со временем горечь и гнев рассеются, твой путь выведет тебя к счастью, и все будет хорошо. Сейчас ты страдаешь, и поэтому тебе кажется, что я лгу, но это не так.

Слишком поздно.

Я совершил роковую ошибку, ляпнул страшную бестактность, смысл которой можно выразить двумя словами: «Пора взрослеть». Ни одна женщина не примет такой совет с благодарностью.

Хиляль хватает тяжелую металлическую лампу, вырывает провод из розетки и швыряет ее в меня. Я успеваю отвернуться, но девушка бросается на меня с кулаками. Я пытаюсь схватить ее за руки, но она успевает расквасить мне переносицу.

Теперь мы оба в моей крови.

Душа Турции подарит вашему мужу всю свою любовь, но прежде ему придется заплатить за это своей кровью.

— Хватит! Идем!

* * *

Хиляль замирает, пораженная резкой переменой тона. Кровь удалось остановить, я беру ее за руку и тяну за собой.

— Пошли!

Времени на объяснения нет. Я сбегая по ступенькам, увлекаю за собой Хиляль, скорее напуганную, чем рассерженную. Сердце мое бешено стучит. Мы выбегаем на улицу. У подъезда ждет машина, в которой я должен был ехать на ужин.

— На вокзал!

Водитель смотрит на меня, ничего не понимая. Я открываю дверцу, запикиваю Хиляль в автомобиль, усаживаюсь сам.

— Скажи ему, чтобы ехал на вокзал!

Девушка повторяет мои слова по-русски, и водитель трогает с места.

— Скажи, чтобы ехал на предельной скорости. Я все улажу. Нам нельзя опоздать!

Шофер с явным удовольствием подчиняется. Мы бешено мчимся, шины визжат на каждом повороте, другие машины шарахаются в стороны, приметив официальную символику на наших бортах. К моему удивлению, прежде чем гнать, водитель включает сирену и пристраивает на крыше мигалку. Мои пальцы впиваются в ладонь Хиляль.

— Мне больно!

Я ослабляю хватку, про себя моля Господа о помощи. Только бы успеть, только бы все получилось так, как я задумал.

Хиляль говорит без остановки, успокаивает меня, просит прощения, клянется, что не хотела кончать с собой, а только ломала комедию. Тот, кто любит по-настоящему, не станет убивать себя или предмет своей любви. Она не хочет, чтобы чувство вины преследовало меня во всех следующих воплощениях. Девушка ждет ответа, но я не могу сосредоточиться на ее словах.

Через десять минут мы останавливаемся у вокзала.

Я распахиваю дверцу, и мы выбегаем на перрон. Проход на платформу закрыт. Я трясусь и пинаю барьер, привлекая внимание двух дюжих охранни-

ков. Хиляль куда-то исчезает, и впервые за все это время я чувствую себя одиноким и брошенным. Она нужна мне. Без нее ничего, абсолютно ничего не получится. Я сажусь на асфальт. Люди подозрительно косятся на мою грязную, окровавленную одежду. Охранники подходят ко мне и что-то спрашивают, но я не понимаю по-русски. Вокруг нас собирается толпа.

Хиляль возвращается вместе с водителем. Тот, не повышая голоса, что-то втолковывает охранникам, и они отступают. Нельзя терять ни минуты. Мне нужно сделать нечто важное. Охранники убирают заграждение. Проход свободен. Я беру Хиляль за руку, и мы несемся по темной платформе. Вдали маячит последний вагон.

Слава богу, он на месте!

Я обнимаю девушку и пытаюсь отдышаться. Мое сердце готово выпрыгнуть из груди, по венам струится чистый адреналин. Голова кружится, ведь я с утра почти ничего не ел. Не хватает еще упасть в обморок. Душа Турции покажет мне то, что я должен увидеть. Хиляль гладит меня по голове как ребенка, успокаивает, говорит, что она рядом, и все будет хорошо.

Мое дыхание постепенно выравнивается, сердце бьется тише.

— Пойдем.

Двери открыты. Похоже, в России не принято лазать по вагонам, чтобы что-то украсть. Мы заходим в тамбур. Я прошу Хиляль встать спиной к

стене, как тогда, в начале нашего путешествия. Наши лица совсем рядом, на расстоянии поцелуя. В ее глазах отражается свет фонаря с соседней платформы.

Темнота не помешает нам увидеть Алеф. Время резко меняет ход, перед нами открывается черный туннель. Хиляль спокойна: теперь она знает, что должно произойти.

— Возьми меня за руку, и мы отправимся в другой мир, ПРЯМО СЕЙЧАС!

Перед нами мелькают верблюды и барханы, дожди и ветра, площадь с фонтаном в пиренейском городке, водопад в Монастерио-де-Пьедра, ирландский берег, лондонский тротуар, женщины на скутерах, пророк у подножья священной горы, собор в Сантьяго-де-Компостела, женевские проститутки, поджидающие клиентов, нагие ведьмы, водящие хоровод вокруг костра, обманутый муж, готовящийся пристрелить жену и ее любовника, азиатские степи, где женщина тклет прекрасный ковер и ждет своего мужчину, пациенты сумасшедшего дома, моря со всей их рыбой и вселенная со всеми ее звездами. Мы слышим крики новорожденных, хрипы умирающих, грохот столкнувшихся автомобилей, женское пение, мужскую брань. Двери, двери, двери.

Мне открываются все мои прошлые, настоящие и будущие жизни. Вот я в поезде с девушкой, вот я французский писатель девятнадцатого века,

Душа Турции

вот все те, кем я был и кем еще буду. Мы входим в заветную дверь, и я перестаю ощущать в своей руке ее ладонь.

В воздухе висит густой запах вина и пива, народ на площади хохочет, вопит и сквернословит.

Девушки зовут меня по имени. Я прячу глаза, я не хочу на них смотреть, но они настаивают. В толпе слышатся одобрительные крики. Эти люди думают, что именно благодаря мне ересь разоблачена, что это я спасаю город от греха. А девушки все повторяют мое имя.

Сколько можно трусить! Я медленно поднимаю голову.

Телега уже почти проехала; еще минута, и голоса смолкнут. Но теперь я вижу их лица. Несмотря на пережитое, они торжественны и светлы, словно девушки успели повзрослеть, стать женами и матерями, прожить долгую жизнь и теперь готовы спокойно встретить смерть, всеобщий удел. Они сопротивлялись ей сколько могли, но в какой-то момент смирились с судьбой, с тем, что было предначертано еще до их рождения. Тайны бытия открываются нам лишь в любви и смерти. Им выпало познать и то, и другое.

Вот что я читаю в их глазах: любовь. Мы вместе играли в принцев и принцесс и, как все дети, строили планы на будущее. Судьбе было угодно нас разлучить. Я избрал служение Господу, они — совсем другой путь.

Мне девятнадцать, я ненамного старше девушек, что смотрят на меня с благодарностью за то, что я поднял на них глаза. Камень лежит на сердце: меня терзают противоречивые чувства, но прежде всего — стыд за проявленную трусость, за неспособность сказать «нет», за слепую покорность, которая представлялась мне единственно правильной, а обернулась бессмыслицей.

Девушки все смотрят на меня, и это мгновение длится целую вечность. Одна из них вновь повторяет мое имя. Я одними губами говорю им:

— Простите меня.

— Ты не виноват, — отвечает другая. — Мы говорили с духами, и они открыли нам будущее. Время страха ушло, теперь настало время надежды. Виновны ли мы? Время рассудит, кто был жертвой, а кто злодеем. Мы снова встретимся в будущем, и ты посвятишь себя тому, что все сейчас проклинаят. Твой голос будет звучать так громко, что тебя услышат очень многие.

Телега ползет прочь, и я бросаюсь за ней, не обращая внимания на тычки стражников.

— Любовь победит ненависть, — произносит третья девушка так спокойно, словно мы снова стали детьми и играем на лесной поляне. — Пройдут

годы, и тех, кого теперь сжигают на костре, будут почитать как святых. Тогда вновь объявятся алхимики и чародеи, ворожеи обретут силу, а люди станут поклоняться Богине. И так будет во славу Господню. Мы благословляем тебя до конца времен.

От удара стражника я складываюсь пополам и долго не могу вдохнуть, но не отрываю взгляда от телеги. Она уже так далеко, что мне ее не догнать.

Я выталкиваю Хиляль за магическую дверь. Мы снова в поезде.

— Мне было плохо видно, — говорит она. — Там была беснующаяся толпа, а еще человек в капюшоне. Наверное, это был ты, но я не уверена.

— Это не важно.

— Ты получил ответ на свой вопрос?

Я хочу ответить: «Да, теперь я знаю, куда ведет мой путь», — но ком в горле не дает мне говорить.

— Ты ведь не бросишь меня одну в этом городе, правда?

Я обнимаю ее за плечи.

— Ну конечно нет.

МОСКВА, 1 ИЮНЯ 2006 ГОДА

В отеле нас ждет Яо с билетом в Москву для Хиляль. Мы полетим в одном самолете, хоть и разными классами. Издателей на встречу с Путиным не допустят, но меня будет сопровождать знакомый журналист, у которого есть на это разрешение.

Когда самолет приземляется, мы с Хиляль покидаем его через разные выходы. Меня отводят в особое помещение, где уже ждут журналист и два сотрудника президентской администрации. Я прошу разрешить мне выйти в зал прилетов, чтобы кое с кем попрощаться. Человек из администрации говорит, что на это нет времени, однако журналист возражает, что встреча начнется не раньше пяти, а сейчас только два. И даже если президент собирается принять меня в своей загородной резиденции, куда он обычно перебирается в это время года, мы доедем туда за пятьдесят минут.

— В конце концов, спецтранспорт с сиренами существует как раз для таких случаев, — замечает он с долей сарказма.

Мы отправляемся в зал прилетов. По дороге я останавливаюсь у цветочного ларька и покупаю дюжину роз. Зал прилетов набит людьми, встречающими своих друзей и родственников.

— Кто-нибудь говорит по-английски? — бросаю я ключ.

Народ с опаской косится на трех здоровенных парней у меня за спиной.

— Так говорит кто-нибудь по-английски?

Поднимается несколько рук. Я указываю им на розы.

— Скоро здесь появится девушка, которую я очень люблю. Мне нужны одиннадцать добровольцев, чтобы вручить ей цветы.

Добровольцы немедленно находятся, и я выстраиваю их в очередь. Вошедшая в зал Хиляль, увидев меня, улыбается и направляется в нашу сторону. Один за другим мои добровольцы дарят ей розы. Она смущенно и счастливо улыбается. Когда очередь доходит до меня, я вручаю девушке свой цветок и прижимаю ее к своей груди.

— Это признание в любви? — спрашивает Хиляль, пытаясь справиться с волнением.

— Да. Моя любовь к тебе подобна реке. Но сейчас настало время прощаться.

— Прощаться? — улыбается она. — Ну уж нет, тебе так просто от меня не отделаться!

Пауло Коэльо. Алф

Один из сотрудников администрации что-то говорит по-русски. Журналист смеется. Я спрашиваю, что его так позабавило, и Хиляль переводит:

— Они говорят, что это самая романтическая сцена из тех, что им приходилось видеть в этом аэропорту.

День Святого Георгия, 2010

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Мы с Хиляль встретились вновь в сентябре 2006 года, когда я пригласил ее принять участие в конференции в австрийском Мелкском монастыре. Оттуда мы проехали до Барселоны, а затем до Памплоны и Бургоса. В одном из этих городов она призналась мне, что оставила консерваторию и забросила скрипку. Я пытался убедить ее пересмотреть свое решение, но что-то подсказывало мне, что она тоже вновь обрела свое царство и я не должен мешать ей им управлять.

В то время, когда я писал эту книгу, Хиляль прислала мне по электронной почте два письма, в которых призналась, что мечтает, что я когда-нибудь напишу обо всем, что случилось между нами. Я попросил ее проявить терпение и сообщил ей о своей работе только когда закончил ее. Узнав наконец, о чем моя новая книга, она несколько не удивилась.

Я до сих пор не уверен, правильно ли полагал, что если не воспользуюсь возможностью с Хиляль, у меня будут еще три попытки (ведь в тот день каз-

нили восемь девушек, а я встретил лишь пять из них). И еще я не уверен, что узнаю когда-нибудь имя одной из восьми, той, которая воистину любила меня.

Я больше не работаю с Леной, Юрием Смирновым и издательством «София», однако хочу поблагодарить их всех за уникальный опыт путешествия через всю Россию.

Молитва о прощении, которую произнесла Хилляль в Новосибирске, была до этого уже известна многим людям. Там, где упоминал о ней в этой книге, я имел в виду дух маленького мальчика по имени Андре Луис.

И в заключение хотел бы предостеречь читателей от соблазна повторить мой опыт с огненным кольцом. Как я уже говорил ранее, любое обращение к прошлому без соответствующей подготовки может привести к драматическим и даже катастрофическим последствиям.

СОДЕРЖАНИЕ

ЦАРЬ СВОЕГО ЦАРСТВА	7
КИТАЙСКИЙ БАМБУК	28
СВЕТИЛЬНИК ДЛЯ ЧУЖЕЗЕМЦА	43
КОГДА ДУЕТ ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР	55
РАЗДЕЛЕНИЕ ДУШ	62
9 288	75
ГЛАЗА ХИЛЯЛЬ	85
ИПАТЬЕВСКИЙ ДОМ	96
АЛЕФ	105
МЕЧТАТЕЛЯ СИНИЦЕЙ НЕ ПРЕЛЬСТИТЬ	122
ДОЖДЬ И СЛЕЗЫ	137
СИБИРСКИЙ ЧИКАГО	147
ПУТЬ МИРА	157
ОГНЕННОЕ КОЛЬЦО	165
ВЕРЬ, И ПУСКАЙ В ТЕБЯ НИКТО НЕ ВЕРИТ	179
ЧАЙНЫЕ ЛИСТЬЯ	188
ПЯТАЯ ЖЕНЩИНА	197
AD EXTIRPANDA	205
КАК, НЕ ПОШЕВЕЛИВ ПАЛЬЦЕМ, ОБЕЗОРУЖИТЬ ПРОТИВНИКА	225
ЗОЛОТАЯ РОЗА	243
БАЙКАЛЬСКИЙ ОРЕЛ	253
СТРАХ ПЕРЕД СТРАХОМ	268
ГОРОД	282
ЗВОНОК	294
ДУША ТУРЦИИ	301
МОСКВА, 1 ИЮНЯ 2006 ГОДА	314
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	317

Литературно-художественное издание

16+

Пауло Коэльо

АЛЕФ

Редакционно-издательская группа «Жанры»

Зав. группой *М.С. Сергеева*

Ответственный редактор *Д. Румянцев*

Технический редактор *Т. Тимошина*

Корректор *И. Мокина*

Компьютерная верстка *Н. Пуненковой*

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар,

д. 21, строение 3, комната 5

Вся информация о книгах и авторах «Издательской группы АСТ»

на сайте www.ast.ru

Подписано в печать 20.08.14

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 14.

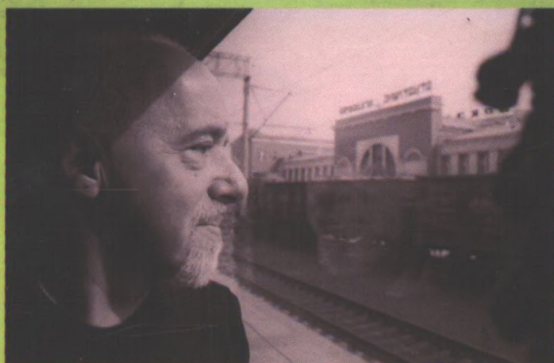
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 2856/14.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

В каждое меновенце жизни
что-то начинается заново.

Решать. Меняться. Стремиться вперед. Мыслить. Принимать вызовы. Вставать и действовать. Отказываться от стереотипов. Достигать. Мечтать. Открывать. Верить. Останавливаться. Слушать себя. Расти. Побеждать. Смотреть на жизнь открытыми глазами.

В своем самом автобиографичном романе Пауло Коэльо рассказывает о необычном путешествии, предпринятом им ради духовного обновления и роста. Путешествие начинается в Африке, а затем проходит через Европу и Азию по Транссибирской магистрали. В Москве он встречает Хиляль, молодую талантливую скрипачку. Вместе они проследуют путем любви, прощения и отваги, которая столь необходима для того, чтобы принимать неизбежные вызовы жизни.

«Алеф» призывает нас к действию. Наступает день, когда необходимо заново осмыслить нашу жизнь, понять, находимся ли мы там, куда стремимся, и получается ли у нас делать то, что мы хотим.

Одни книги мы читаем, а другие -
проживаем, как «Алеф».

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-082702-2

9 785170 827022 >

